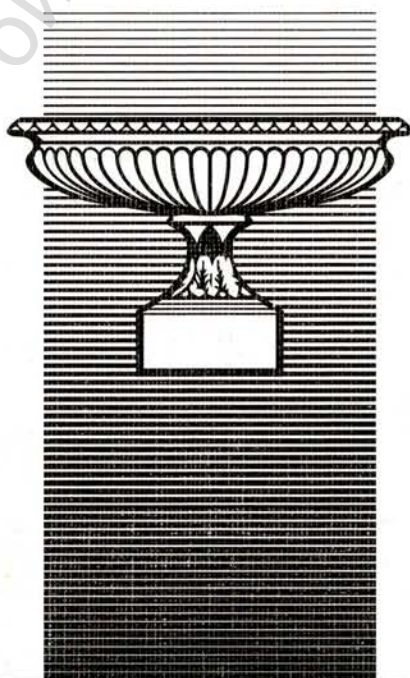
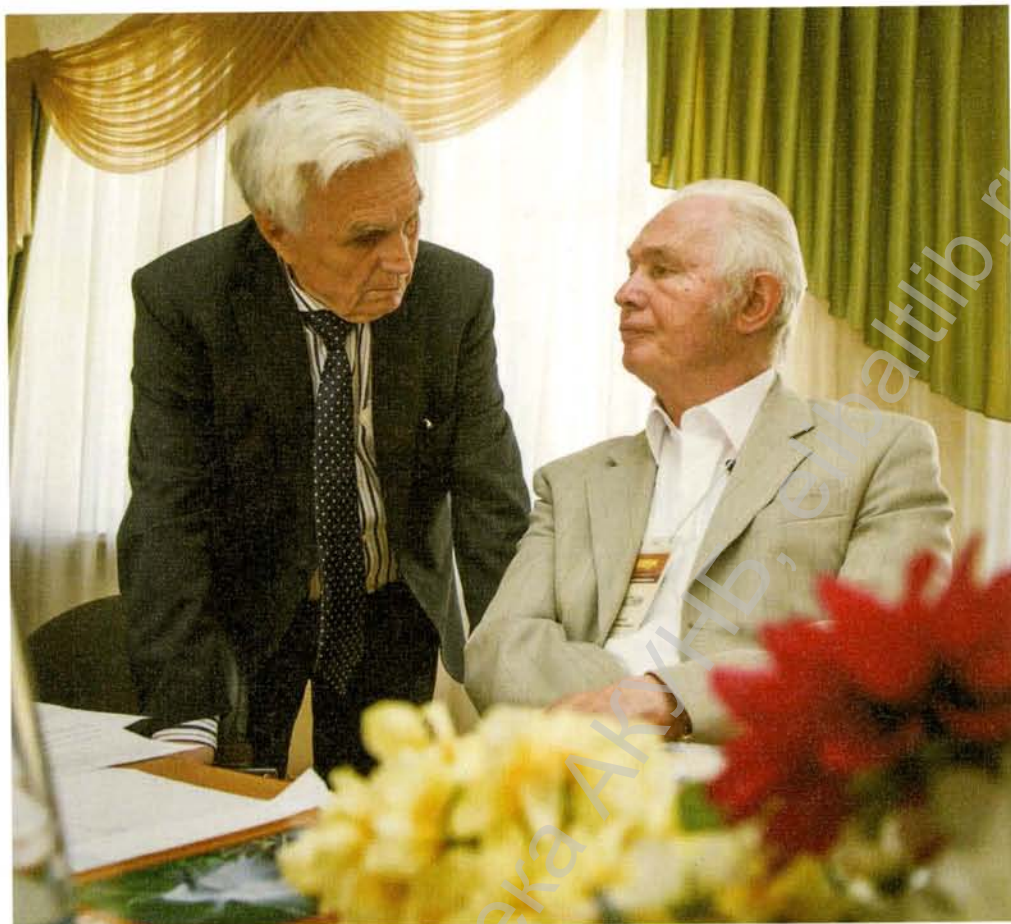

АЛТАЙ

4/2013

*Главный редактор журнала «Алтай» С. Вторушин
и председатель правления Союза писателей России В. Ганичев*

Участники пленума у памятника В.М. Шукшина на горе Пикет

Издается с 1947 г.

А

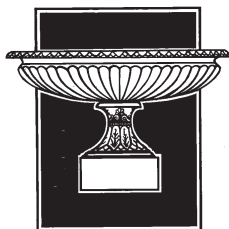
Л

Т

А

И

ИЮЛЬ

АВГУСТ

4/2013

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

Главный редактор -
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:

Елена БЕЗРУКОВА

Ольга ГРИШКО -
редактор отдела прозы

Анатолий КИРИЛИН

Евгения КЛИНК -
редактор отдела поэзии

Юрий КОЗЛОВ

Иван МОРДОВИН

Юлия НИФОНТОВА

Александр РОДИОНОВ

Константин ФИЛАТОВ -
редактор отдела
публицистики

Владимир ШНАЙДЕР

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
и верстка
Наталья АЛЕКСЕЕВА

Учредитель:
Краевое автономное учреждение
«Алтайский дом литераторов»

Адрес редакции и издателя:
656043, г. Барнаул,
ул. Короленко, 105
Тел. 65-82-43
E-mail: juraltai@rambler.ru
© «Алтай», № 4-2013

СОДЕРЖАНИЕ

Пленум Союза писателей России

Информационное сообщение.....	3
Валерий ГАНИЧЕВ. Вступительное слово	3
Анатолий КИРИЛИН. По кирпичику... ..	8

Поэзия

Иван МОРДОВИН. Сибирские пальмы. Муравей. Август в Зональном. Осенью. Ива. «Сюда пришел издалека...». Кораблик. Паук. Синица. С тобой. Незнакомка. В Горном Алтае. <i>Стихи</i>	14
Ирина ИСАКОВА. Уезжай... Оказалось... Так хочется лета. Льют дожди. Вечер. Что осталось со мной? Где бы ты не был... Все будет. Моя малая родина. <i>Стихи</i> ..	108
Из поэтической почты (Марина СНЕГОВА. Владимир ИВАНОВ. Валентина ЧУЛИКОВА. Ольга КАЗАКОВ-ЦЕВА. Ольга КОСОВА. Павел ЯВЕЦКИЙ). <i>Стихи</i>	133

Проза

Виктор НАРОЖНЫЙ. Наследие. <i>Повесть</i>	17
Николай БАЛЫКОВ. Рассказы (Открытие. Будто вчера случилось... Шутка)	129

Литературный дебют

Елена БЫЗОВА. Рассказы (Попутчица. Байки из курилки. У забора вечером).....	112
---	-----

Очерк. Публицистика

Константин ФИЛАТОВ. Герои забытой войны.....	137
Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ. Слово об Иване.....	174

Подписано к печати 27.06.2013 г. Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,9. Печать офсетная. Тираж 1600 экз. Заказ 3135. Цена в розницу договорная.

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ТУ22-0339 от 31 мая 2012 г., выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Информационное сообщение

27 июня в Барнауле состоялся выездной пленум Союза писателей России, главной темой которого было: «Нравственность есть правда. Сбережение народа и современная русская литература». В работе пленума принимали участие секретари Союза писателей России - руководители областных, краевых и республиканских писательских организаций.

С приветственным словом к участникам пленума обратился заместитель губернатора Алтайского края Д.В. Бессарабов. Вступительное слово произнес председатель правления Союза писателей России В.Н. Ганичев. На пленуме с докладами выступили ответственный секретарь Общественной Алтайской краевой писательской организации А.В. Кирилин, сопредседатель правления Союза писателей России А.Н. Арцибашев, заместитель главного редактора журнала «Наш современник» А.И. Казинцев.

В обсуждении приняли участие секретарь правления Союза писателей России В.В. Дворцов, председатель правления Союза писателей Республики Алтай Б.Я. Бедюров, председатель правления Оренбургского отделения Союза писателей России П.Н. Краснов, председатель Белгородского отделения Союза писателей России В.Е. Молчанов, сопредседатель правления Союза писателей России К.В. Скворцов, координатор Ассоциации писателей Урала и Сибири А.Б. Кердан, главный редактор журнала «Новая книга России» и интернет-обозрения «Русское Воскресение» С.И. Котькало, председатель Карельского отделения Союза писателей России Е.Е. Пиетиляйнен.

Валерий ГАНИЧЕВ,
председатель правления Союза писателей России

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мы собрались здесь, в центре гигантского, определяющего мир материка, на Алтае. Это край Беловодья, поиска лучшего и будущего, край постоянного осмысления (смысла жизни), край подвижника русского Православия - святителя Макария; край незатухающей русской совести, край Василия Шукшина, который спрашивал нас: «Что с нами происходит?» (Нынче Шукшинские Сростки знает вся страна, как и Михайловское, Тарханы, Вешенскую, Бежин луг.) Да и любой наш населенный пункт - это кладезь истории, умения и... Вот ваш Бийск, например, в силу постоянных усилий родителей, воспитателей, учителей, администрации стал заметным Всероссийским центром детского творчества, изобретательства, в том числе и конкурса Союза писателей России «Гренадеры, вперед!» Это край рабочего люда, необыкновенного трудового образца, человека, возделывающего землю: хлеб, собранный здесь, спасал страну, несмотря на то, что на войну ушли лучшие, крепкие люди. Если Урал - опорный край державы, то Алтай - ее духовное и материальное сокровище. За эту ее духовную, природную, трудовую красоту мы любим ваш край.

По Божьей воле, нашего неизменного интереса к землям, плодоносящим и спасительным, по приглашению человека, неравнодушного к Земле, к судьбам челове-

ческим, губернатора вашего края Александра Богдановича Карлина, в прошлом или даже в позапрошлом году В.Г. Распутин и я были в Постпредстве Алтайского края. Александр Богданович много, подробно рассказывал нам о крае, о людях, конечно, Шукшине, его носящемся в воздухе наследии и заветах. Он подарил нам изящный, с любовью изданный у вас многотомник и пригласил на вашу землю. Многие из нас уже не раз бывали у вас и на празднике на Пикете, любим Алтай, и так это фантазийно согласились. Но вот пришло время и стало ясно, что писатели России не могут без Алтая, так же, как не могут без Владивостока, без Омска, Орла, Белгорода, Вологды, Мурманска, Дагестана и Иркутска - да, в общем, без всех земель, которые держат на своих плечах Россию.

Конечно, важна историческая память и Гребенщикова, и Шукшина, и Соболева, и Рождественского. Последних я хорошо знал, но провести здесь честный, хороший разговор о нашей жизни, о ее преломлении в писательском труде, вопрос, который мы пытаемся обсудить и который стал тревожным и даже смертельно опасным для всей страны в целом и для честных, думающих, совестливых литераторов. Не для тех, для кого слова и беда - средство блеснуть остроумием, красочной фразой, поучаствовать в политической тусовке.

Мы, конечно, знаем, что это нелегко. Все ведь учат, что надо писать вот так-то и так-то, но как вызвать в себе этот поток точных мыслей и слов, необходимых и правдивых образов, как впустить в свое произведение истину. Нет, это нелегко, да и многие и не умеют это; куда как лучше, безопаснее, да и денежнее, чтобы звучали выстрелы, налево и направо падали трупы, косяком проходила стая любовников и любовниц. Но ведь это жизнь! - скажут вам. Да, но именно она, такого рода жизнь и постоянное ее разложение в книге и на экране и уничтожает человечество.

Да разве и становится писателем человек оттого что получил «корочки» члена Союза писателей. Очень это легко стало во многих случаях. И мы объявляем здесь, на Алтае, что внесем на съезде предложение о введении института кандидатов в члены союза, прежде чем получить такое звание.

Но все-таки обращаемся к главной теме нашего пленума.

Мы скорее не назовем, а подумаем вместе с вами тут и к завершению пленума соберем все слова об этом. Тема эта: «О сбережении народа». Наше воздействие отнюдь не прямое, не указующее, а тот возвышенный слог о материнстве, о семье, о родном доме, о малой и большой Родине, о состоянии души, о жизненной опоре, о грехе уныния, о лучших людях, которых мы встречаем и видели.

Болезненный, больной и крайне опасный вопрос для России - демографический, т.е. народонаселение и его сбережение. И главное тут дети! Наши статистики пытаются нас чуть-чуть взбодрить. Якобы, ну впрочем, не будем им совсем не доверять, они доложили, что впервые с 1991 года рождаемость превысила смертность. В 2012 году родилось 1586,9 тыс. детей, а умерло 1586,1 тыс. Да, слава богу! Но на всю великую страну, на Россию. Старение населения проходит быстро, дети составляли в стране в 1990-м году - 24,5%, в 1997-м - 22,2%, в 2005-м - уже 16%.

Демографы говорят, что для того, чтобы поправить ситуацию, надо иметь до четырех детей в семье. А 24% женщин 18-34-летнего возраста не имеют и не желают заводить детей; 42% имеют одного; 31% - двух и только 3% - более двух детей. Это приводит к краху пенсии, ибо 3% рожденных не смогут ее обеспечить обществу.

Согласно, довольно объективному прогнозу ООН, в России население сократится в текущем столетии до 100 млн человек. По мнению других демографов (Андреева), в России уже в 2020 году будет 102, а в 2050-м - 93,8 млн человек. Сейчас у нас 140 миллионов. Что за прогрессия? Катастрофа! Не надо войн, голода, засухи, по вине, в немалой степени собственной, мы разрушаемся и идем к цели, намеченной Маргарет Тэтчер, фигуру которой захлеб расхваливали сытые и холеные полито-

логи и дикторы телевидения. Да, вот ее цель была: достаточно 50 миллионов населения в России!

Ее выдвигенец Михаил Горбачев явился достойным учеником «железной леди». Ясно, что жару к такому демографическому кресту добавляем мы сами - власть, общество, телевидение, безнравственность, криминогенная обстановка, безработица, наркотики, алкоголь, система здравоохранения.

Итак, вопрос встал во весь рост - о сбережении нации. Это не вопрос только науки, не вопрос академический; не вопрос только чистой политики (хотя и важный в общественно-политической жизни); не вопрос только экономический (хотя и это крайне важно). Это вопрос нравственный, моральный, вопрос самочувствия человека и его семьи. Если хотите, это вопрос нашей совести. Это вопрос честного писателя, не только испускающего возгласы проклятия или похвалы, а его внутреннего чувства ответственности, и, как пели мы в 60-х замечательную песню Александры Пахмутовой «была бы страна родная, и нету других забот». А «страна родная» при безразличии к ее судьбе, вполне может стать и не родной, а чужой, и даже, вообще, исчезнуть с лица земли.

Нет, я отнюдь не призываю к пламенным лозунгам и протестам (хотя таковые могут быть и у наших сотоварищей), а призываю вспомнить рассказы И.С. Тургенева, в 40-х годах XIX века, которые, как сказал его современник, сыграли роль в отмене крепостного права не меньше, чем реформы Александра II, ибо крестьянин был им показан красивым, благородным, понятливым человеком, в общем, как бы сказать, - братом во Христе или, скажем, - Человеком с большой буквы, которого надо уважать, присматриваться к его нуждам и любить его.

Так и сегодняшнему писателю надо обратиться к сердцу и душе человека, к его совести и, если хотите, страху. С одной стороны, увидеть беды, с другой стороны, ободрить его, не дать увлечь в уныние и апатию. Это не только художническая задача, это задача чрезвычайно трепетной совести, точного слова, преодоления колебаний, готовности увидеть безразличие и преодолеть инерцию распада.

Везде есть свои методы борьбы и преодоления кризиса, у партий, общественных организаций, властей, органов здравоохранения. Но свою ответственность, свою нравственную задачу имеет и человек пишущий, да еще тот, кто причисляет себя к сообществу писателей.

Мы не будем сегодня отрицать, что сузился пьедестал писателя, на который он был возведен российской традицией, всеобщей грамотностью, советской уважением к книге. Меньше читают - бедность, мешающая приобретению книги, технологический диктат, апатия и безразличие к будущему, к мировым и общерусским духовным ценностям. Ну, так что, обратиться лишь к коммерческой литературе, к литературе наслаждения, модернистски искаленной литературе? Нет сомнения, что такая псевдописательская, бездуховная, торгово-коммерческая литература есть, и она громоздится у прилавка наживы и алчности.

Мы все-таки, как писатели России, должны осознавать всю долю ответственности за свой умственный, духовный труд. Сейчас уже не так трудно издать книгу, «протолкнуть» свое произведение в журнал. Во многих организациях понизили требовательность к приему. Вот, Вологда, когда там был жив Василий Белов, была необычайно строгая, справедливо строгая к приему в члены союза. А рядом Новгородская область, прием вела по какому-то другому принципу. Ну, разве это разумно, принимать пачками людей в союз, в том числе из других организаций. Мы приостановили прием из Новгородской организации до конца года.

Возьмем только три возросших или появившихся явления, пришедших в «цивилизованный» мир за последнее время, которые прямо ведут к уничтожению населения, если их не остановить.

Особый разгул получили фальшивые явления, проявившиеся под флагом «прав человека». Святейший Патриарх Кирилл на Всемирном Русском Народном Соборе, отдав должное этим правам, сказал, что Русская Православная Церковь, мы все не можем согласиться с тем, если эти права ведут к греху, не сопряжены и не учитывают традиционные, народные, религиозные особенности страны. Вот одно из этих прав, усиленно пропагандируемое и навязанное обществу, отбрасывающее его к греховности - это, так называемая, бисексуальность, это гомосексуализм, мужеложство и есть страшная угроза человечеству, так же как однополые браки и разрешение усыновлять и удочерять такого рода парочкам, естественно, не ими рожденных (да это и невозможно) детей. Это прямой путь к уничтожению народа, нации, всего человечества.

Патриарх Алексей II, выступая в Европейском Страсбургском парламенте, укорил всех, кто не замечает этой опасности. «Ну, все знают о явлении гомосексуализма, - сказал он. - Это, конечно, грех, и это сродни болезни. А болезнь надо лечить». Депутаты опустили глаза, многие сами болели этим. И мы свидетели, как парламенты Англии, Франции, Дании, Норвегии разрешили это. Что свидетельствует о распаде общества, ибо впервые парламентарии официально и беззастенчиво приняли законы, официально и напрямую оправдывающие грех.

И второе, опасное, появившееся тихо в обществе движение «Чайлдфри». Возьмем странную и страшную цифру: 24% женщин (18-34 лет) не желают обзаводиться детьми. Так и родилось новое поколение («Чайлдфри»), - безответственное, которому потворствует общество из ложной толерантности. Эти женщины и их мужья (часто) превратили дело рождения в их частное дело, а это не так. Надо во всех видах, со всех трибун, во всех СМИ объявить, с церковных амвонов сказать, втолковать, что рождение детей - это не только «личное» дело. А новым поколениям надо прививать нормальные ценности. Потому что дети - это норма.

Предмет для писательского и журналистского внимания? Безусловно. Опасное явление, зародившееся в обществе.

И еще, вроде бы личное, но и опасное, вредное и даже богохульное дело. С одной стороны, оно вроде бы касается лишь одного человека - женщины. Ну, вроде бы, несерьезное и неумное дело говорить с обществом, с писателями об абортах. А вот цифры: в нашей стране ежегодно совершается 1 миллион 200 тысяч аборт. И так, за один год теряется более одного миллиона младенцев, будущих граждан. Причем, официальная статистика не учитывает тех аборт, которые проводятся вне стационаров или в полулегальных клиниках (по некоторым данным, они могут составлять до 5 миллионов в год).

Если верить Госкомстату, то за последние 20 лет вследствие аборт не родилось на свет более 40 (!) миллионов человек. Вот вам и демография!

Конечно, тут разные причины, есть люди, сделавшие это по медицинским показаниям, есть и другие факторы. Ну и нет сомнения, что литература наша может и должна укрепить дух и самочувствие народа. Можно ведь и погresti его под градом бед и неурядиц, а можно поддерживать в нем оптимизм, уверенность, веру, умышленность, работоспособность, сопротивление.

Я долго размышлял, почему после разрушительной, разорительной войны народ валом валил на фильм «Кубанские казаки», запоем читал не ахти какой художественной высоты «Кавалера Золотой Звезды» Бабаевского, и рядом «Семью Рубанюк».

В период «оттепели» их подвергли довольно разгромной критике: «не так было», «приукрашивание», а то и «выдумка». Да, по-видимому, было и это, но было и оттаивание души после смертельной войны, порождение надежды: будет и у нас так; появлялась человеческая радость. Человек оживал и свершил не менее важную задачу, чем победа в войне, за пять-семь лет возродил страну. Великий Подвиг! - Равный Победе!

Я не говорю о разводах - это проблема. Я только ее называю.

У нас и сегодня есть шанс поднять страну, поднять людей, породить веру. И место литературы здесь не последнее.

Возьмем два фактора: земля и люди. И оба, решающие, здесь, на Алтае. У нас был довольно внушительный отряд писателей, которые со знанием дела писали о земле, о земледельцах, о деревне. Это выдающиеся писатели Александр Яшин, Валентин Овечкин, Иван Васильев, Леонид Иванов, Василий Белов, Федор Абрамов, Борис Можаяев, Василий Шукшин, Виктор Астафьев; рядом были и Владимир Крупин, Виктор Лихонос, Валентин Распутин... Это было окно в мир труда и забот, которое поражало читателей. С утра они открывали «Литгазету» и уже спрашивали у соседа, а ты читал?

Сейчас число таких авторитетов в мастерстве земледельца уменьшилось значительно, да и самих земледельцев и их деревень. Это и со времен недоброй памяти академика Заславской, уничтожившей своим изуверским рассуждением о «неперспективных деревнях» тысячи населенных пунктов, сел и деревень.

Затем были пресловутая «перестройка», которая уничтожила Великий Советский Союз и разрушила тысячи деревень, выгнала молодежь из села. Но и в этих условиях можно и нужно работать, искать выходы, рассказывать о лучших. Могу назвать великого труженика на ниве литературы и села, возглавляющего такой совет при Союзе писателей России, настоящего патриота земли и Родины, сопредседателя Союза писателей Александра Арцибашева.

Некоторый спор вызвало решение о введении звания Героя Труда. Кто-то решительно заявил, что это Герои Труда для олигархов, кто-то объявил очередной уловкой власти, не замечая реальную самодостаточность трудового подвига или, скажем, отточенный профессионализм, которые всегда уважали в народе.

Думаю, что рассказ о людях труда, их умениях, их образе жизни - часть нашего писательского и журналистского труда. Мы, в Союзе писателей, с восхищением встречаем очерки, рассказы, книги о людях труда Вологодского члена нашего союза Анатолия Ехалова. Потрясающе его праздники, которые он организовал вместе с областной администрацией: праздник топора, коровы, лучшего двора, сельского клуба, гармони, кружевницы, механика. Он снимает их вместе с телевидением, рассказывает об этом в газетах и книгах. Привез победителей плотников, столяров, шоферов, механиков, гармонистов, бабушек, молодых селян в Центральный дом литераторов в Москве. Большой праздник был у нас. «К нам приехал Ехалов!» - была афиша.

Такого рода мотор помогает двигаться области, трудиться мужикам, рожать детей женщинам, сохранять ремесла, да и пить поменьше.

Конечно, как всегда, власть то загорается, то денежно затухает. Но Ехалов не останавливается. Он создал детский лагерь, где учит ребят ремеслам и свою донкихотскую, на первый взгляд, работу продолжает.

И таких писателей, с болью и состраданием, с надеждой и уверенностью, все-таки у нас немало.

Назовем и вашего земляка Анатолия Кирилина, человека честной, нелегкой позиции, всматривающегося в глаза земляков. А во взгляде - требовательный прищур и даже легкая улыбка. Нашего мудрого и всезнающего Владимира Крупина, подлинного подвижника и энциклопедиста Александра Родионова, интересного глубокого прозаика Станислава Вторушина, а также поэтов Елену Безрукову, Ольгу Гришко, Галину Колесникову, курянина Михаила Еськова, оренбургского мастера, кудесника слова Петра Краснова, неутомимого Владимира Карпова, писателей из Омской, Кемеровской, Томской, Иркутской областей, Дальнего Востока.

Мы не призываем писать «производственные» романы о семье, мы призываем порассуждать о нашем будущем, о дорогах Отечества, о нашей ойкумене, о красоте, работе, домашнем очаге и любви.

Как не вспомнить тут народный оптимизм, настрой, который есть у наших людей, несмотря на все трудности и беды.

Ренита Григорьева, наш режиссер и писатель, вспоминала, как в Сростках она ходила по дворам, расспрашивала о жизни, и в одном не очень богатом дворе получила ответ: «Да нет, живем нормально, а если бывает и похуже, то допоем».

И у участника нашего пленума, прекрасного поэта Константина Скворцова есть подобные строки, которые, надеюсь, в качестве выступления по теме он нам и донесет.

Достижения наших писателей отмечены за последний период высшими знаками внимания.

Большая литературная премия России: Юрий Бондарев, Петр Краснов, Валентин Осипов, Анатолий Кирилин, Александр Доронин, Николай Добронравов и Александра Пахмутова.

Патриаршая премия имени св. равноапостольных Кирилла и Мефодия: Станислав Куняев и Юрий Лощиц.

Полярной премией отмечены писатели от Камчатки, Ханты-Мансийска, Нарьян-Мара, Архангельска, Мурманска.

Имперская культура: Андрей Тарханов, Игорь Тюленев, Надежда Мирошниченко, Михаил Попов, Виктор Пронин, Александр Тарасов, Марат Мусин, Иван Уханов.

Премия «Прохоровское поле»: Сергей Михеенков, Наталья Конева, Валентина Ефимовская, Николай Иванов, Николай Лугинов, Станислав Тарасов, Лариса Васильева.

А премию Павла Васильева: блистательная поэтесса, тонкая, высшего творческого настроения и профессионализма Ирина Семенова из Орла.

А столь же авторитетную премию нашего величайшего словотворца и глубокого лирика Афанасия Фета: поэтесса из Омска Валентина Ерофеева.

Ну, и, конечно, самая главная наша радость - Государственная премия за гуманитарную деятельность классика нашей литературы, сопредседателя Союза писателей России Валентина Григорьевича Распутина. Мы поздравляем его и радуемся вместе с ним.

Мы хотели бы сегодня поговорить о многом, но в центре должен быть человек, герой нашего писательского труда с его настроениями, усилиями, добротой и надеждами.

Анатолий КИРИЛИН,
секретарь правления СП РФ,
ответственный секретарь
Алтайской краевой писательской организации

ПО КИРПИЧУ...

Так и подмывало начать с предложения разобраться, что же происходит сегодня вокруг писательских союзов, нашего в частности, что там с писательским имуществом, что за перемены грядут в структуре руководства, почему столько шума из-за всего этого имущества и этих предполагаемых перемен именно в последнее время. Думаю, если пленум посчитает все эти и некоторые другие вопросы важными и своевременными, мы обратимся и к ним. Я же пока не стану заострять на них внимание по нескольким причинам. Во-первых, главной задачей и целью жизни писателя была и есть литература, и здесь всегда есть предмет разговора. Во-вторых, мы, провинциалы, никогда не пользовались благами литературного фонда, во всяком случае, ныне живые члены нашей писательской организации не побывали даже единого

раза в домах творчества. Я уж не говорю о каких-то там вспомоществованиях. Более того, нынешнее племя литераторов вошло в союз в то время, когда отношения писательского центра и регионов стали чисто формальными. А юридически - так и вовсе никак не соприкасающиеся. Рекрутские наборы любых желающих стать членами союза с согласия местных организаций или без оно - не спасли положения, не улучшили качественный состав литераторов и стали всего лишь показателями соревнования между двумя союзами. Что касается имущества - вот свежий пример местного масштаба. Краевой дом писателя в свое время был построен на деньги Литфонда. Частично помог краевой бюджет. Во время перестройки каким-то чудесным образом дом отошел к муниципальной собственности, городской. Как и почему - никто не смог дать ответ на эти вопросы. Итог таков. В доме сейчас находится частный хоспис, где доживают свои последние дни глубокие старики. Очень символично, не правда ли? А может, все это и не стоит слез? Наш замечательный земляк Василий Шукшин большинство своих вещей написал ночью, на кухне, в тесной двухкомнатной квартире, когда дочери укладывались спать.

Мы нынче мастера ставить диагнозы. Почти все готовы ответить на вопрос - что с нами происходит? И большинство - на второй, сопутствующий - кто виноват? Да, диагностика считается в медицине половиной дела, половиной успеха. И чаще всего медицина знает что дальше делать. А вот мы нет, у нас все заканчивается на первом этапе. Не буду задерживаться на анализе происшедшего, происходящего особенно подробно, однако несколько замечаний, на мой взгляд, сделать необходимо. Борьба в литературе всегда явление околотворческое. В самом творчестве все просто: победитель - удачная работа, побежденный - неудачная. Только вот беда, у различных оценщиков свой инструментарий, свои подходы, задачи, идеология. Это и есть то, что выходит за рамки собственно творчества. Борьба литературных направлений не утихает, это понятно, поколенческое самоутверждение живет и здравствует, групповые интересы превосходят здравый смысл. Успешность подменяет талантливость, эпатаж царит над здравым смыслом. Мы так сумели наплевать в свое прошлое, что новым поколениям кажется зазорным черпать оттуда что-либо. И новые авторы ищут пути утверждения себя на какой угодно платформе, только не на традиционной русской, не давая себе труда обнаружить, что в рамках реализма существует неисчерпаемое море мистики, фантазмагии, глубин психологии и высот чувствования. Легко объяснима агрессия так называемых новых течений и их адептов. Она от бессилия, она - один из способов доказать то, чего нет и быть не может. Идеологов здесь хватает. Главный редактор журнала «Знамя», выступая перед литераторами Барнаула, заявил, что сегодня русская литература может существовать лишь как заимствование и последующее замещение западной. Договорились! Если вы не видите достойных образцов отечественной литературы, то это вовсе не означает, что ее нет. Да, нынче не собрать кулак из таких, как Шолохов, Леонов, Астафьев, Белов, Абрамов, Носов, Воробьев. Иссушила новая эпоха могучие реки, но не высушила совсем. И здесь - как в природе, придет время и сойдут благодатные дожди и наполнятся русла.

Но как, как содействовать этому? Большинство филологов, работающих в вузах Алтая, считают, что у нас в крае нет настоящей литературы, да и быть не может. Потому и не читают, потому нет оценок рукописей, готовых изданий, вообще нет профессиональных оценок. Бодро шествует издательский процесс безо всякого пристрастия, и въезжают неисчислимые тиражи в жизнь на крепких плечах их авторов, продюсеров и спонсоров. Умолчание - вот в чем вина профессионалов от языка и литературы, письменности в целом. Известно, умолчание иногда равно предательству. И вправду - зачем читать, если заранее известно, что бездарно? Высокомерие сие отчасти простительно лишь потому, что рождено высокой русской литературой,

лучшими образцами ее, на которых, надеюсь, и воспитывались наши педагоги. Но мы все-таки продолжаем жить сегодня и, хотим того или нет, вынуждены вглядываться в нынешний день. Помните, «крошка-сын к отцу пришел...» Пришел за ответом на вечный вопрос. К отцу, не к соседу, распивающему пиво на скамеечке у подъезда.

Каждый год краевая библиотека проводит фестиваль «Издано на Алтае». До полутора тысяч наименований представлено на стендах. Здесь все - от юбилейных брошюр и мемуаров до философских трактатов, построенных на заочных диалогах с Платоном. Издателям не нужна справка из наркодиспансера или психолечебницы, так же как писателям - знание русского языка.

Но вот что-то вроде начинает меняться. Изредка появляются критические статьи, споры по поводу новых книг, правда, больше на уровне анонимных комментариев, в Интернете. В педакадемии, которая в былые времена славилась литературными критиками, появляется группа молодых критиков. У нас на нынешнем семинаре, предшествовавшем пленуму, в кои-то веки образовалась секция критики. И вот читаю у одного из участников этого семинара (работа опубликована). «Каждый автор пишет для того, чтобы быть прочитанным. Я - неблагодарный читатель. Читатель, который в принципе не любит читать... Получать удовольствие от чтения, как от процесса, увы, мне недоступно... Как читатель, я - наказание. Потому что никогда не вижу и не пытаюсь увидеть то, что автор хотел передать посредством печатного слова и образов. Книга мне нужна для того, чтобы посредством чтения вытащить на свет какие-то свои мысли, выводы, свои образы. Я жду от книги того, что она поможет мне познать себя...» Конец цитаты. Ради бога! Каждый вправе хотеть или требовать от написанного то, что ему нравится. Но только в этом случае не называйте себя литературным критиком. И уж, по крайней мере, хоть в какой-то степени познайте себя до того, как берете в руки для работы текст, не принадлежащий вам. Более того, прочитанное мной можно считать манифестом нарождающейся сегодня новой критики. Плевать мне на то, что там написано, мне важно себя познать. Да не столько познать, уверяю вас, - а показать. Явить народу. Вот он кто - настоящий творец, а не этот, с фамилией на обложке. То и дело читаешь отклики, рецензии, где оцениваемый текст, если и упомянут, то в самом начале и вскользь. На первом месте - ЭГО критика. Вот вам пример еще одного коллектива творцов, который пришел в этот мир показать себя. С помощью каких средств - неважно!

Я написал несколько работ о поддержке государством молодых литераторов в прошлые, советские годы. Написал не для того, чтобы потосковать об ушедшем сладком житье-бытье. Не было его никогда у русского писателя. Написал, чтобы выделить некоторые черты творческого процесса того времени, когда государственными издательствами и изданиями было организовано множество семинаров, совещаний, творческих поездок, когда молодые литераторы из разных регионов знали друг друга, имели возможность общаться, читать друг друга, обсуждать, встречаться в Москве, где всегда проходила передовая литературного фронта. И вот что выделил молодой критик из всей горечи автора об ушедшем.

«Сопереживаешь, но и улыбаешься, вспоминая знакомые возгласы (в иронически-сниженном ключе) на страницах бессмертной книги:

«Эх-хо-хо... Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках?..»

Ну, и так далее.

Да, мне жалко и ресторан, и верхний буфет, и комнату-пеструшку, исписанную автографами легендарных наших коллег. Вам, мои юные друзья, этого не жалко, потому что вы этого не видели, не знали да и знать никогда не хотели! Но повторю

десять раз, разговор не об этом! Не мое - значит не интересно! Глаз не увидел - сердце не зажглось. Мы говорим, что у будущих поколений разовьется какое-нибудь новое чувство, дополнительное, шестое! Что-то сомнение меня берет, не потерять бы имеющиеся!

Коль зашел разговор об участии государства в литературном процессе, не могу не отметить, что Алтай в этом отношении в привилегированном положении перед многими регионами. Здесь ежегодно проводится издательский конкурс, который негласно получил название - губернаторский. Каждый год десять наименований детской литературы, поэзии, художественной прозы, публицистики, краеведения поступают в библиотеки края. Кроме того, к примеру, за прошлый год по краевой издательской программе вышли сборник статей «Шукшинский вестник», Издание к 130-летию юбилею Георгия Гребенщикова, пятитомная антология «Образ Алтая в русской литературе», издание, посвященное 80-летию Роберта Рождественского (он тоже родился у нас на Алтае), антология лауреатов Шукшинской премии в трех томах, книга «Алтайская деревня в рассказах ее жителей». Как видите, соблюден баланс между изданиями современных авторов и мемориальной издательской программой. Это статистика, которая, хотя и говорит о многом, полной оценки состояния литературных дел в крае дать не может. Вызывает озабоченность слабый приток новой прозы, поэтов появляется больше, но зачастую их творческий поиск затягивается, начало оказывается сильнее продолжения. А то они и вовсе теряются неизвестно где.

Наш пленум задолго до своего начала получил довольно резкую, а я бы даже сказал - хамскую оценку в так называемой свободной прессе. Нас есть за что ругать, но не за писательские же билеты, которые сами по себе ничего не значат. Зачем это доказывать в сотый раз? Оказывается, - так считает автор статьи, - пленум объявил главными добродетелями почвенничество и воинствующее православие, и дал единственную стилистическую установку - писать все хуже и хуже. Автор, правда, не указал, какие добродетели предпочитает он. Зато высказал опасение, что с помощью такого союза и его заигрываний с властью нас может ждать мощный откат культуры, оправиться от которого будет тяжело. Надо же, оказывается, мы еще никуда не откатились, нас только ждет это. Хочу напомнить, что культура сама по себе консервативна. Надеюсь, большинство моих сограждан за образцы высокого искусства принимают римские мозаики, греческую скульптуру, итальянскую и русскую живопись прошлых веков, а не перформансы нынешних биенале.

Питерские филологи устроили опрос на тему - что такое современная русская литература? Один из характерных ответов: современная литература - это прошлое, которое описали сейчас, потому она мне не интересна. Это чужой опыт, мне нужен свой. Думается, корень сегодняшних мировоззренческих и эстетических противоречий вот здесь и кроется. С одной стороны, опыт - это попытка осуществления чего-либо, проба, с другой - отражение в человеческом сознании законов объективного мира и общественной практики, полученное в результате активного практического познания. Выбирайте - что вам ближе и сподручнее? Дерзайте! Но помните: не только яблоко созрело над головой Ньютона, но в первую очередь - голова.

Хочешь не хочешь, приходится задумываться, отчего случилась такая острота поколенческого противостояния в литературе. А дело и не в литературе вовсе. Мы же модернизируем общество по западным образцам, а там старость неприлична. И то, что мы всегда ходили за мудростью к людям просвещенным, в первую очередь к старцам, сегодня теряет и смысл и актуальность. На западе, в модернизированном обществе старость неприлична, разговор о разуме, о кладези познаний среди граждан в полудетском состоянии, в каком пребывает та же Америка, бессмыслен. Как сказал один наш известный ученый философ, новым гражданам новой эпохи важно не повзростеть, а наоборот, как можно дольше оставаться придурком.

Известный наш коллега написал открытое письмо «Двести лет вместо». Понятно, что это некий перефраз труда Александра Солженицына. Наш писатель пытается доказать, что представители его народа все и всегда делали за русских. Написав и провозгласив это, он пошел преподавать русский язык в школу. Заметили, опять вместо русских писателей! Я же, мол, не просто сгоряча ляпнул, так оно и есть! Не могу судить о качестве этих занятий, но пиар-ход эффектный. Идти впереди или все время забегать вперед - разные вещи. Примеров, увы, немного, но у нас в Барнауле есть писатель Ольга Гришко и она уже двадцать лет ведет поэтическую студию «Муза» в 40-й гимназии Барнаула и 19 лет - студию «Вдохновение» в 42-й гимназии. У нее собственная программа обучения, которая защищена в соответствующем департаменте, ее слушатели - лауреаты международных, российских, краевых, муниципальных премий. Почти каждый год при подведении итогов Пушкинского конкурса ее дети становятся победителями и лауреатами. Имя Ольги Гришко занесено на Доску почета «Лучшие люди России» в энциклопедии «Одаренные дети России» (2009 г.), в которой есть имена и пятерых ее воспитанников.

Мы можем сколько угодно ругать образование, но вот кто-то же попытался исправить его недочеты с помощью собственного умения. И совсем не обязательно станут поэтами студийцы Ольги Федоровны. Прежде всего, они занимаются языком - родным, русским. Между прочим, Ольга Гришко работает редактором отдела прозы нашего журнала «Алтай», которому исполнилось 65 лет и который тоже финансируется из краевого бюджета. Кстати, когда я получал образование филолога в высшей школе, я обнаружил, что основной объем программной литературы я отчитал еще в школьные годы. Наверно, многие подтвердят, что времени для чтения больше всего именно в ранней юности.

Нам сегодня очень многое придется начинать заново. А когда только начинаешь выводить стенку, не задумываешься, какими будут пилястры и плафоны. Важнее - каким будет первый кирпичик. И они, эти кирпичики, есть. В Оренбурге живет замечательный человек Геннадий Хомутов, он уже много лет руководит литературными объединениями, и сейчас их у него, если не ошибаюсь, шесть. И мы все знаем, сколько способных литераторов вышло из Оренбурга. А что касается отката, которого так опасается коллега-журналист, то, повторюсь, он уже случился. Только не благодаря стараниям Владимира Крупина, которого этот журналист называл бесогоном, а как раз вопреки. Увы, культура в рыночном соревновании приоритетов всегда будет проигрывать, неужели и это нужно бесконечно доказывать? Только сильно-то уж бояться раньше времени не надо. И пугать - тоже. Пуганые.

А сейчас я вернусь к началу, к разговору о наших традиционных ценностях. Мы любим повторять фразу из Евангелия от Иоанна: в начале было Слово. Там есть продолжение и в этом продолжении сказано: В нем была жизнь и жизнь была свет человека. Литературный критик Владимир Куницын понимает это так. «Бог состоит из нашего духовного света. Его сила в нас... И, выбирая свет, хлопоча каждый день и всю жизнь о просветлении своего духовного существования, мы не просто идем к Богу, а насыщаем его бессмертием». Позволю себе, уж коль упомянул имя Куницына, зачитать несколько строк из его книги, которая так и называется «Свет человека». От себя сразу же дополню: подписываюсь под каждым словом.

«Поскольку литература в России изначально была повенчана с общественной, реальной действительностью, перемены последних десятилетий коснулись ее напрямую. И неудивительно, что вслед за политическим переворотом была совершена попытка переворота эстетического. Главную идею его можно свести к следующему. Литература - не учитель жизни, не общественное дело, не пророческая миссия, не идеология и самосознание нации, не ратник в извечном противостоянии добра злу, а только искусство и текст... И авангард, и модернизм, и постмодернизм, и еже с

ними осознанно или стихийно движутся в одном направлении - размыть, перепутать, смешать и уничтожить границы, разделяющие добро и зло. Утвердить нравственный релятивизма и обдать кислотой иронии все без исключения ценности, а особенно из категории вечных... Шутовство, пародирование, самовлюбленное кривляние поверх трагической почвы жизни, абсолютное отсутствие сострадания и боли вне себя любимого. Все это признаки, отводящие эту литературу от русской реалистической традиции, как бы широко мы ее сегодня ни понимали.

Учитывая все формальные новшества нынешнего времени в искусстве и совсем не пугаясь их, я определяю для себя реализм очень просто: там, где присутствует душа, сердце, сострадание и боль художника, вызывающие ответную сердечную вспышку - реализм. И правда. Все остальное от лукавого, кем бы он ни прикидывался».

Отдельно хочу обратиться к сегодняшним педагогам-словесникам. Не горячитесь, не нервничайте, не бегите вслепую вслед за своей юной паствой. У них впереди ошибки молодости, у вас за плечами величайшее наследие отечественной культуры. Помогите им поменьше наделать ошибок.

Итак, друзья мои и коллеги! Надо начинать строить. Фундамент есть, он у нас всегда был. Пошли вверх. По кирпичику. По кирпичику. Иначе... Как там у пролетарского поэта Владимира Маяковского. «...По родной стране пройду стороной // как проходит косой дождь».

—

Электронная библиотека Алтайского государственного университета

Иван МОРДОВИН

Иван Мордовин родился 11 сентября 1948 года в с. Колыванском Павловского района Алтайского края.

Его стихи публиковались в краевой, региональной и центральной периодике, в журналах «Алтай», «Огни Кузбасса», «Енисей», «Барнаул», «Бийский вестник», в еженедельнике «Литературная Россия», в различных коллективных сборниках.

Он автор четырех поэтических книг. Дипломант Первого всесоюзного конкурса поэтов-верлибристов им. В. Хлебникова (1988 г.) и лауреат краевых литературных премий: им. Н.М. Черкасова (2005 г.), «Певцу родного края» (2008 г.).

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

СИБИРСКИЕ ПАЛЬМЫ*

В Сибири пальмы не растут.

Вс. Иванов

Наши пальмы лучшие в мире.
Вот шагну я сейчас за порог,
Их увижу
Под небом Сибири
Вдоль проселочных звездных дорог.

С наступленьем весны,
Знойным летом
Изумрудны они, зелены...
Хорошо быть на свете поэтом,
Не иметь на глазах пелены,

Не любить, что не любо от рода,
Уходя в неизведанный путь...
И с последним глотком кислорода
Под сибирскою пальмой уснуть.

МУРАВЕЙ

Люблю я красные розы,
их аромат,
в тумане рассветном росы,
Калашникова автомат,
каждого в необъятном
космосе - и вне...
Мне с муравьем приятно
беседовать при луне.

Тропинкой идет он, лесами
соломинку несет
и, шевеля усами,
думает обо всем
своем и, конечно, о нашем...
Как дальше жить, поживать,
какую небесной кашей
душу свою питать?

Я на пенек, он рядом
решил чуток отдохнуть...
Пока не накрыло снарядом.
Пока не закончен путь.

АВГУСТ В ЗОНАЛЬНОМ

Кошка пригласилась на теплое крыльце.
Рыжий подсолнух в небесном кольце.
Солнце плывет к земле на поклон.
Августа зона. Зональный район.

Я в этой зоне бескрайней тону.
Звонкий кузнечик тронул струну.
Космос откликнулся эхом времен.
Сам не пойму - в кого я влюблен?

Кошку погладил, день прожил не зря.
Завтра уйду в листопад сентября.
Женщину буду помнить, как сон,
Августа зону, Зональный район.

* Лиственницу в Сибири называют пальмой.

ОСЕНЬЮ*Василию Нечунаеву*

Необъяснимых настроений,
 Волнений скрытых властелин,
 Просвечен солнцем лес осенний
 В багряных всполохах осин.
 Стою на узенькой тропинке,
 На миг оцепенению рад.
 Паук висит на паутинке,
 Как и висел сто лет назад.
 Под ноги листья опадают,
 Свой завершив круговорот,
 Но высоко один взлетает
 В пустой холодный небосвод.
 Влекомый силой неземною,
 Зачем он рвется в высоту?
 То вспыхнет яркою звездой,
 То гаснет искрой на лету.

ИВА*Красные цветы мои...*
Н. Рубцов

Снегом засыпано лето,
 Зреют в снегу снегири.
 Ива над речкой согрета
 Светом недолгой зари.

Милая, время прощаться,
 Знаешь об этом и ты...
 Верю, что к нам возвратятся
 Красного лета цветы.

Каждым денечком пригожим
 Будем с тобой дорожить!
 Милая, верю, мы сможем
 Холод зимы пережить.

* * *

Сюда пришел издалека,
 Уйду отсюда в неизвестность.
 Течет река. Твоя рука.
 Запомнится и эта местность,
 Июльской ночи сеновал,
 В тумане предрассветном кони...
 Я обжигаясь целовал
 Звезду, упавшую в ладони.
 Ни перед кем не виноват!
 Но вдруг нахлынет за порогом -
 Грешнее грешного стократ
 Перед тобою, перед Богом.

КОРАБЛИК*Игорю Пантюхову*

Сквозь моря стон,
 сквозь брови туч
 в тревожной,
 радостной отваге
 мелькнул, как сон,
 как солнца луч,
 кораблик белый...
 На бумаге
 его я в детстве рисовал,
 свои мечты ему вверяя...
 Прошли года,
 я взрослым стал,
 в кораблик веру
 сохраняя.
 Я знать не знал,
 что в той дали,
 мальчишку в океан манящей,
 стальные гибнут корабли
 на рифах жизни настоящей.

ПАУК

На паутинке вдохновенья
 В лесном краю живет паук.
 С той ниточкой со дня рожденья
 Пустых не ведает разлук.
 Его изысканы творенья,
 Свидетельствует интеграл.
 Но зная их предназначенье,
 Я сеть паучью оборвал.

СИНИЦА*Сергею Донбаю*

Смеркается. Ну и ладно.
 День прожит. Назад не вернуть.
 Но сердце стучит надсадно,
 И не закончен путь.
 Здесь новая народится,
 Яркая вспыхнет звезда!
 День прожитый не повторится
 Отныне и навсегда.
 Все ощутимей прохлады,
 Пронзительней небеса.
 С укором глядеть не надо
 Сегодня в мои глаза.
 Чему суждено - случится,
 И пусть свободно вспорхнет
 С ладони твоей синица
 В распахнутый небосвод.

С ТОБОЙ

С тобой у нас космическая связь.
Я, как и ты, фиалки обожаю
В стране цветов, в которой ты не раз
Клялась в любви березовому раю.

Сегодня я в змеином визге шин
С тобою на асфальтовом зигзаге,
Когда в крови кипит адреналин
Под парусом разорванной рубахи.

С тобою я, как птица - в небеса...
Моя звезда вовеки не взорвется!
Люблю твои фиалки и глаза,
Моя щека твоей вот-вот коснется.

Куда же ты, куда на этот раз,
Ночные патрули не признавая?
С тобой у нас космическая связь,
Мой ангел, моя девочка земная.

С тобою я
В змеином визге шин
На мокром фиолетовом зигзаге...
Ревет мотор, кипит адреналин
И рвутся в небо паруса рубахи.

НЕЗНАКОМКА

Великая тайна сокрыта
В космической пропасти глаз.
Зовут тебя как? Аэлита?
С какого созвездья у нас?

Сомнения нет! Неземная!
Из пены морской поднялась.
В предчувствии ада и рая,
С тобой у нас кровная связь.

Я тот же! Меня ты забыла,
Но все же пришла и нашла.

Я знаю, кого ты любила
Под жалом стального ножа.

С прищуром глядишь на поэта,
Во взгляде застыли века.
Все кануло в прошлое лето!
Не надо...
Не дрогнет рука.

В ГОРНОМ АЛТАЕ

Александрю Ибрагимову

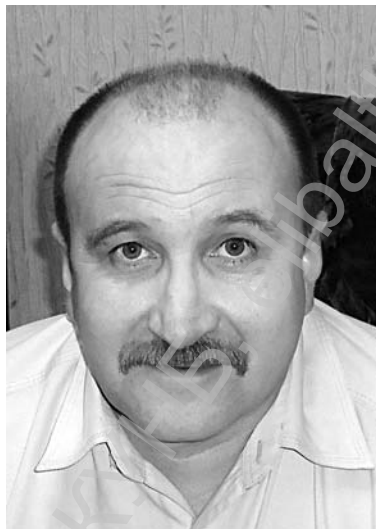
1
Ясная осень над миром,
Свет излучают леса.
Рерих ли ультрамарином
Выразил вдруг небеса?

Путь восхождения вспомним
В горы...
И, как не спеша,
Небом и воздухом горним
Дышит живая душа.

2
Чем выше горы -
меньше кислорода,
свободы больше,
памяти живой...
В долинах неизвестные народы
хранят себя
под вечной мерзлотой.
Я к вам пришел,
Уймонская равнина,
мой древний предок,
непокорный конь,
пиктографов таинственных картина,
магических сказаний паутина
и в недрах каменных
космический огонь.

Виктор НАРОЖНЫЙ

Виктор Нарожный родился в 1962 г. в городе Волноваха Донецкой области. В 1984 году приехал в Барнаул, где и живет по сей день. Интерес к литературному творчеству проявлял с детства, но серьезно писательской деятельностью занялся десять лет назад. Печатался в журналах «Алтай» и «Криминфо».

НАСЛЕДИЕ*

П о в е с т ь

*Vita brevis, magna est veritas et praevalebit -
жизнь коротка, истина велика и всемогуща.*
(Лат. пословица)

ПРОЛОГ

1

Сергей Макаровский метнулся через дорогу и заскочил в темный проем подворотни. Замер вслушиваясь. С улицы доносился дробный топот бегущих ног. Видимо, преследователям не понравилось его внезапное исчезновение и они ускорились, перейдя на легкую рысь.

«То-то же, твари! Нервы, они, оказывается, и у вас не железные!» - Сергей зло ухмыльнулся. Думали его голыми руками взять? Не выйдет! Он еще побрыкается!

Макаровский шумно перевел дыхание. Марафон по ночному городу его изрядно вымотал. Дико хотелось пить, но еще больше - рухнуть, прямо здесь, на грязный асфальт, прижаться спиной к стене и не шевелиться. Отдохнуть. Долго-долго. А весь мир пусть катится к чертям! Он устал, выдохся. Настолько, что даже животный инстинкт самосохранения притупился под натиском утомления и пофигизма.

«Соберись, тряпка! - Привычно одернул себя Сергей. - Нет времени раскидать. Тем более сейчас, когда до заветной двери остаются считанные метры. Да и на кону стоит не только своя жизнь, а и еще кое-что, посерьезнее!»

Топот быстро приближался. Потеряв добычу из виду, охотники за его головой метались по улице, заглядывая во все щели и закутки. Нет сомнений, что через пару-тройку минут они доберутся до подворотни, мигом сообразят, куда исчезла их прытконогоя «дичь» и азартно ринутся в погоню.

* Журнальный вариант.

Значит, нужно бежать дальше. Бежать, через «не могу» и через «не хочу». Бежать, пока шевелятся ноги и пока стучит сердце.

Он оторвался от стены и, пошатываясь затрусил в глубь подворотни, туда, где в конце угольно-черного тоннеля поблескивал стеклами окон заветный дом. Именно там должен проживать Мамай, единственный, знакомый ему в этом городе, человек. И именно к нему Сергей просто вынужден будет сегодня обратиться за помощью.

Если успеет, конечно!

Не сбавляя шага, Макарский выдернул из кармана трубку мобильного и, в который уже раз, набил надоевший до изжоги номер. Долгие гудки вызова слились на секунду с гулом его собственного сердца, а потом в телефоне что-то щелкнуло и вежливый мужской голос вновь «обрадовал» Сергея словами: «Извините, но в данный момент я не могу подойти к аппарату. Если у вас есть что сказать, дождитесь звукового сигнала, если нет - до свидания!»

Автоответчик, будь он неладен! В течение вечера и ночи беглец снова и снова набирал домашний номер Мамаю, но каждый раз нарывался на одну и ту же непреклонную просьбу оставить сообщение или катиться к чертям!

Сергей почувствовал, как закипает в груди горячая волна раздражения и злости: на охотников, на Мамаю, а в первую очередь - на себя самого! Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива! Во всем том дерьме, в которое он так глупо вляпался, виноват он сам! Только он и никто более! Расслабился, раскис, решил перед смертью на родные березки взглянуть, на могилках родительских побывать!

Побывал! Да так «удачно», что пришлось потом, сломя голову, бежать из Москвы. Бежать быстро, нигде не задерживаясь и, по возможности, путая след.

Не помогло. Вчера вечером, сидя в вагоне-ресторане поезда «Новосибирск-Душанбе», Макарский затылком ощутил пристальный взгляд сидящего за соседним столиком мужчины, невзрачного и худого, в съехавших на кончик носа старомодных роговых очках. Собственно говоря, наблюдатель особо и не скрывался. Он был уверен в своем превосходстве и, как оказалось, не зря. Чуть поодаль от него восседали еще четверо, ладно скроенных и похожих, словно братья-близнецы, субъекта. Они жевали мясо и усиленно делали вид, что ничего на свете их больше не колышет. Это и были те самые охотники, которые гнали сейчас Макарского через ночной город, планомерно и без спешки выводя его в «объятия» очкастого предводителя.

Уверенность незнакомца в том, что добыча никуда не денется, была безграничной. Он даже подмигнул Сергею по-дружески. Мол, потерпи, уважаемый, сейчас покушаем немного, а уж потом, поговорим по душам. Кто эти люди и о чем пойдет разговор, Макарский понял сразу. Как и то, что жить ему оставалось недолго.

Удивляло Сергея лишь одно - как они умудрились его вычислить?.. Хотя... У людей, объявивших на него охоту, опыта в подобных делах должно набраться на вагон и еще на маленькую тележку. Профи, будь они неладны!..

Сергей отхлебнул холодного пива и крепко задумался. Здесь, в ресторане, он был в относительной безопасности. Вряд ли «братья-близнецы» решатся напасть при таком скоплении народа. Нет, они дождутся когда жертва выйдет, подкараулят в темном тамбуре, сделают свое черное дело и выбросят остывающий труп Макарского из вагона. Легко и просто, без затей. А значит, прежде чем покидать это заведение дорожного общепита, стоит хорошенько пораскинуть мозгами. Ведь безвыходных ситуаций, как известно, не бывает.

Решение пришло внезапно. В ту самую минуту, как женский голос объявил по поезвному радио о скором прибытии на станцию «Верхнереченск», в

голове Сергея звякнул невидимый колокольчик и он вспомнил вдруг о делах давно минувших дней и о человеке, который должен был бы жить в этом малоизвестном, затерянном посреди сибирских просторов городе. Если не помер, конечно, или не перебрался куда-нибудь, поближе к цивилизации.

Впрочем, как бы там ни было, но рискнуть стоило. Риск, вообще, дело благородное, а в создавшейся ситуации у Сергея просто-напросто не осталось другого выхода. Пан или пропал! Третьего - не дано.

За окнами потянулись типичные пригородные пейзажи. Склады, тупики, пакгаузы и прочая «прелесть», с упорной настойчивостью жмущаяся всегда к железнодорожной колее во всех городах мира. Верхнереченск исключением не был. Скорее, наоборот. Здесь все это угрюмое нагромождение построек выглядело по-особому мрачно. А может, всему виной было настроение самого Сергея, мысленно уже месившего грязь местной промзоны?

Приближалась станция. Поезд начал медленно притормаживать. Макаровский встал из-за столика и не спеша направился к выходу. Синхронно с ним поднялись и «братья-близнецы». Они сидели ближе к дверям, поэтому имели отличное поле для маневра. Двое из них сразу же вышли в тамбур, а остальные, вежливо пропустив Сергея вперед, двинулась следом.

«Грамотно! - оценил диспозицию врага Макаровский. - Ребята, явно не новички, и работу свою знают».

Впрочем, он тоже не вчера родился. Так что, побрыкаемся еще...

На выходе из вагона-ресторана он чуть притормозил, пропуская идущую навстречу компанию. Трое молодых, слегка подвыпивших парней о чем-то оживленно дискутировали и на Сергея внимания не обратили. А зря! Когда первые двое, обдав Макарского кислым «выхлопом» пивного амбре, прошли мимо, он шагнул навстречу их приотставшему товарищу, схватил его за грудки и, что было силы швырнул на скачущих в тамбуре «близнецов». А сам, отпрыгнув в сторону, рванул красную рукоятку «стоп-крана».

В следующую секунду начался всеобщий кавардак. Оглушительно завизжали тормоза, поезд резко сбросил ход и люди, увлекаемые силой инерции, на несколько мгновений потеряли всякую возможность двигаться. Все, кроме Макарского. Он заблаговременно прижался к стене и, удерживаемый ею от падения, торопливо открывал входные двери вагона...

А потом была нескончаемая гонка по городу. Надо отдать должное «братьям-близнецам», они довольно быстро сообразили что к чему, спрыгнули с поезда и вышли на след беглеца. Хотя несколько важных дел Сергей все же проверить успел. Во-первых, нашел киоск горсправки и, к своей неопишуемой радости, узнал адрес Мамаев. Благо, фамилия его и отчество намертво впечатались в память, а год рождения Макаровский просто-напросто угадал, отталкиваясь от своего собственного. Во-вторых, он купил карту города и прикинул маршрут до дома, где проживает его полузабытый знакомец.

Выходило, что совсем рядом. Правда, идти туда напрямик было бы верхом глупости. Нет, вначале нужно замести следы, запутать и попробовать сбросить «с хвоста» охотников. А уж потом...

«Потом» не получилось. Едва он покинул пристанционную площадь, как вдали, за спиной, замаячили рослые фигуры «братьев-близнецов». И началась охота!..

...Выскочив из темного плена подворотни, Сергей замер на секунду, осматриваясь. Дворик, куда он так стремился, напоминал больше глухой колодец, с плотно подогнанными друг к другу стенами соседних домов. Ни щелей, ни проходов между ними не было. Идеальная мышеловка!

Макарский мысленно чертыхнулся, но, скорее так, для порядка. Фаталист по натуре, он был готов к подобному исходу дела. И смирился с ним. Делай, что надо и будь, что будет! Главное - выполнить то, что он задумал, а потом - хоть трава не расти!

Двор был абсолютно пуст. Если не считать, конечно, вездесущих, хаотично припаркованных машин. Над городом царилась ночь и их владельцы, давно уже нежились в мягких постельках. Им плевать было на застывшего посреди двора незнакомца и на его дальнейшую участь.

Нужный дом Сергей вычислил сразу. Точно так же, как и подъезд с квартирой номер восемь. Метнулся к нему, рванул, что было сил, ручку двери и выругался. Закрыто! Только огонек домофона подмигивает издевательски красным глазом.

Да, ночь, действительно, не задалась! Ладно, попробуем по-другому! Пальцы лихорадочно начали тыкать в кнопки домофонного дисплея. Во все подряд. Где-то, в глубине подъезда, запищал негромко сигнал вызова. И одновременно с ним до слуха беглеца донесся топот приближающихся ног. Преследователи, будь они неладны, добрались-таки до подворотни и решили хорошенько ее осмотреть. Чем осмотр закончится, Сергей прекрасно понимал. Спасти его могло только чудо.

Время быстро утекало, а сигнал домофона продолжал безрезультатно сотрясать тишину спящего подъезда. Боковым зрением Макарский заметил как выскакивает из подворотни первый охотник. Притормозив, «брат-близнец» окинул быстрым взглядом двор, заметил добычу и крикнул:

- Он здесь!

Все! Finita la comedia! Охота окончена, зверь загнан в угол, осталось только взять его на прицел и...

И в этот момент судьба смилостивилась над несчастным беглецом. Писк домофона оборвался, сменившись заспанным голосом:

- Кто там?

Сердце Макарского екнуло.

- Сосед, открой! Ключи дома оставил! - Взмолился Сергей, косясь на застывшего у подворотни, охотника. А тот, почуяв неладное, вскинул уродливый, с толстой трубкой глушителя пистолет:

- Стой, где стоишь, приятель! Или буду стрелять!

Угроза его слилась с протяжным писком отпираемого магнитного замка и с раздраженным бормотанием «соседа»:

- Задолбали, алкаши проклятые! Ни днем, ни ночью покоя нет!

Беглец снова схватился за ручку, рывком распахнул прочную стальную дверь и запрыгнул в подъезд. А в следующую секунду где-то позади лязгнул металл затвора и в спину Сергея словно кувалдой ударили. Боли он не почувствовал. Даже успел лихорадочно захлопнуть дверь прямо перед носом набегающего. Потом пересек небольшой полутемный холл и, не дойдя пары шагов до лестничного марша, рухнул на бетонную мозаику пола, разбивая в кровь лицо...

2

Одиночество его было недолгим. Всего минут в десять. Но Макарский успел за это время сделать многое, а самое главное, сумел избавиться от того, за чем, собственно говоря, и гонялись охотники.

Еще он успел вытащить и выбросить в люк мусоропровода sim-карту. Оставлять ее на поживу врагам было бы крайне неразумно. Вначале Сергей собирался швырнуть туда же и сотовый телефон, однако, передумал. От-

существование такой важной для современного человека вещи, как «мобила», наверняка вызовет у охотников приступ любопытства и в поисках его они вполне могут переусердствовать, найдя то, чего найти не должны.

Нет уж, пусть лучше телефон останется на виду, послужит напоследок. Цельным его, правда, тоже оставлять не стоит. Зачем упрощать охотникам жизнь?..

Собрав в кулак последние силы, Макаровский размахнулся и запустил черную коробочку о стену. Удар получился удачным. Брызнули, разлетаясь во все стороны пластиковые ошметки. Наиболее крупные из них Сергей давил каблуком, а после, окончательно обессиленный, медленно осел на подгибающихся под весом собственного тела ногах.

У каждого есть предел, за которым не помогает уже никакой адреналин. Макаровский свою финишную черту пересек...

Через пару минут подоспели, сумев вскрыть замок, «братья-близнецы». Раненного они увидели сразу. Сергей сидел на полу, зажавшись в дальний угол предлестничного холла и истекал кровью. Грудь его учащенно вздымалась, а из уголка рта струился тоненький, красный ручеек.

- Ну, здравствуй, амиго! - Сказал, приблизившись, старший из охотников. - Долго же ты над нами измывался.

Губы Макаровского скривились в жутковатой, больше напоминающей оскал улыбке:

- Пошел ты! - Выдохнул он и закашлялся, захлебнувшись собственной кровью.

- Пойду. - Кивнул спокойно старший. - Но, чуть попозже. Вначале ты отдашь мне одну вещичку. А в знак благодарности я подарю тебе быструю смерть.

Он взял Сергея за отвороты рубашки и с силой рванул. Брызнули, разлетаясь во все стороны, пуговицы, обнажилась загорелая, перепачканная кровью, грудь.

- Проклятье! - Прошептал разочарованно охотник, а в глазах его полыхнул гнев. - Успел спрятать, да? - Спросил он, почти ласково, и вдруг, изо всех сил, наотмашь ударил Макаровского ладонью по щеке. - Говори, где она?

Сергей молчал. Несколько долгих секунд он и охотник в упор, не мигая смотрели друг на друга.

- Ладно, - пробормотал, отводя глаза старший. - Мы сами ее найдем, - и, повернувшись к товарищам, рявкнул. - Обыскать! Каждый угол! Каждый закуток! Она где-то здесь!

Тройка крепких, вышколенных ищеек бросилась на поиски, а старший тем временем, неторопливо обшарил карманы Макаровского. В них было на удивление пусто. Только бумажник с документами и довольно приличной суммой денег.

- Не густо, - покачал головой старший. - Что, даже мобильника нет? Или потерял, по городу бегаючи?

Раненный молчал, зато подал голос один из охотников.

- А это не его ли разбитый телефон валяется? - И указал пальцем на рассыпанную у ступенек кучу пластиковых осколков.

Старший подошел поближе, склонился над находкой.

- Да, похоже на то, - пробормотал он негромко и, разогнувшись, приказал. - Колян, собери этот хлам. Может удастся его идентифицировать. И обязательно найди sim-карту.

Тот, кого называли «Коляном», торопливо начал подбирать с пола осколки разбитого вдребезги аппарата, а старший вернулся к пойманному беглецу.

- Ну, вот, уважаемый, телефон твой мы уже нашли. И остальное найдем. Обязательно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Таксист высадил Глеба у обочины, рядом с полутемным провалом подворотни. Соваться туда он наотрез отказался, аргументировав это тем, что «в ваших чертовых дворах и на велосипеде не развернешься!» «Бомбила», конечно, снаглед и в другое время Ордынцев сумел бы поставить его на место, но только не сейчас. После вчерашнего застолья голова гудела и любой резкий звук или движение отдавались такой нестерпимой болью, что жить не хотелось. А права качать и подавно. Черт с ним, с таксистом, здоровье дороже.

Глеб рассчитался, вылез из машины и торопливо побрел домой. Скорее бы уже переступить порог квартиры, забраться под контрастный душ, хорошенько откиснуть, а потом, поправив здоровье пивком из холодильника, завалиться в постель. Часов, эдак, на двенадцать! Отоспаться, вновь принять душ и, подкрепившись плотным ужином, почувствовать себя, наконец, полноценным человеком.

Эх, мечты, мечты! От нарисованных в голове перспектив, Ордынцев даже шаг прибавил. Что тут же отозвалось новым приступом похмельной мигрени. Вообще-то, пил он редко, да и злоупотреблять спиртным было не в его правилах. Но вчера словно с цепи сорвался! Благо, хоть повод вполне уважительный: день рождения Степы Сокольников, друга с детского сада.

Вначале все было вполне пристойно: ресторан, тосты, веселье и смех, а вот потом... Потом он отключился и пришел в себя только утром, лежа на диване в Степиной гостиной.

Самого приятеля дома уже не было. Что, впрочем, и не удивительно. Сокольников - птица ранняя. Да и работа у него - не в пример Глебовой: требует дисциплины.

Так что провожать Ордынцева было некому. Разве что коту Яшке. Но тот лишь лениво приподнял голову и, дождавшись, когда дверь квартиры хлопнется, снова уткнулся в свою мягкую и черную, как смоль, шерсть...

Миновав кишку подворотни, Глеб вышел во двор и, не останавливаясь, свернул к своему подъезду. Потянулся было за ключом от входной двери, но увидел изуродованный каким-то варваром замок и лишь покачал раздраженно головой. Господи, когда же наши люди отучатся не пакостить там, где живут. В том, что замок сломал кто-то из своих, а не приехавший сюда из другого конца города идиот, Ордынцев не сомневался.

Он юркнул в душноватую прохладу подъезда. Все, он почти дома! Оставалось только подняться на второй этаж, открыть дверь квартиры и - бегом под душ!

Не сбавляя шаг, снова нащупал в кармане ключи. Однако вытащить их на свет божий не успел. На середине лестничного пролета дорогу ему заступила объемистая женская фигура.

- Здравствуйте, Глеб Романович! Давненько не виделись! Как здоровьице? «Не дождетесь!» - Чуть было не выпалил в ответ Ордынцев, но вовремя опомнился и прикусил язык. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас говорить. Особенно со своей «любимой» соседкой. Зоя Михайловна из седьмой квартиры была болезненно словоохотлива и, единожды распахнув рот, закрывала его крайне редко, да и то лишь для того, чтобы перевести дух. Вполне реальная перспектива застрять с ней на ступеньках лестницы, всего в паре шагов от душа и холодного пива, Глебу не улыбалась. Однако дорога наверх была надежно блокирована, а глыбоподобная, бальзаковского возраста дама полна решимости поболтать.

- Глеб Романович, а вы дома-то, сегодня и не ночевали, да? - Выпала, с упреком в голосе, женщина. - Жаль. У нас здесь такое ночью творилось!

Ордынцев скривился. От дражайшей Зои Михайловны ничего не укроется. А уж отследить, дома ли сосед или нет, для нее вообще - дело чести!..

- И что же случилось? - Спросил без особого энтузиазма Глеб.

Женщина гордо окинула Ордынцева презрительным взглядом и, тряхнув многослойным подбородком, торжественно произнесла:

- Убийство!

Ух ты! Неужели? По большому счету верить словам Зои Михайловны было нельзя. Сплетница она известная, но все же...

- Настоящее? - Уточнил с невольным интересом в голосе Глеб.

Соседка мгновенно это почувствовала и ее прорвало:

- Конечно, настоящее! Я сама видела! Проснулась ночью, чтобы окошко приоткрыть. Уж больно жарко в квартирах становится. Вдруг вижу: во двор мужик какой-то заскочил. И напрямик к нашему подъезду! А следом за ним еще четверо! Все крепкие такие и при оружии! Мужчина принялся вызывать кого-то по домофону. Кого именно, не знаю, но в подъезд его впустили. Он, бедолага, едва успел внутрь заскочить и двери перед носом у бандитов захлопнул. Вот только не помогло ему это. Они, не долго думая, взломали замок и вошли внутрь. А один остался на улице. Караулить.

Соседка сделала короткую, но выразительную паузу и затараторила вновь:

- Я сразу поняла, что добром дело не кончится! Что будет убийство! Хотела даже в полицию позвонить, но передумала.

- И почему же?

- Испугалась. Вдруг меня, как свидетеля, выследят и тоже убьют? Нет уж, пусть наши доблестные органы сами разбираются. Им за это деньги платят.

- Понятно. - Глеб кивнул. Зародившийся было интерес к рассказу Зои Михайловны быстро угас. Слишком уж он напоминал очередную, лишнюю здравого смысла байку. Женщина продолжала говорить, а Ордынцев мысленно прикидывал, как бы проскользнуть мимо ее дородных боков и, пока соседка не очухалась от подобной наглости, спрятаться за дверь квартиры? Отчаянно болела голова и слушать бредни словоохотливой дамы становилось невозможно.

А та, не замечая потухшего взгляда собеседника, продолжала тараторить:

- Минут через десять они вышли. И бедолагу-мужика с собой утащили. Подхватили под руки, как пьяного, и увели. Вот только мертвый он был, а не пьяный. Убили его бандиты. Прямо в подъезде. Я, когда они убрались, тихонько двери открыла и спустилась вниз. Вон там, - женщина кивнула за спину Ордынцева, - весь пол был кровью заляпан.

А вот это уже серьезно! Глеб невольно обернулся и окинул взглядом предлестничный холл. Однако ни на полу, ни на стенах, ничего похожего на засохшую кровь, не увидел. И снова мысленно выругался. Господи, да кому он верит? Зоя Михайловна и не такое расскажет!

- И где же кровь? - Спросил он, теряя терпение. - Нет там ничего!

- Конечно, нет! - Тут же нашлась соседка. - Ее баба Дуся оттерла! Она, с утра полы в подъезде мыла.

Уборщица их дома была женщиной ответственной и работу свою делала на совесть. Так что, вполне могла...

«Нет! - Встряхнул головой Ордынцев. - Бред все это! Бред сивой кобылы!» И, пока соседка окончательно не замусорила ему мозги своими байками, Глеб решительно заявил:

- Извините, Зоя Михайловна, но мне пора!

А затем, пока дама не опомнилась, торопливо взбежал наверх. Протиснуться в узкую щель между необъятными женскими телесами и ограждением лестницы, оказалось весьма непросто. Однако с этой задачей он успешно справился, с разгону воткнул в замочную скважину ключ и прошмыгнул в квартиру.

Все! Дома! Из-за двери доносился едва уловимый голос Зои Михайловны. Видимо, лишившись собеседника, бедняга сплетничала со стенами подъезда. Ну, да бог с ней! Теперь-то пусть говорит с кем угодно и сколько угодно! А Глебу охота сейчас одного: забраться под тугие струи душа! И долго-долго стоять под ним, смывая пот и похмельную усталость...

2

Едва Кречет переступил порог своего кабинета, как на рабочем столе ожил телефон. Время стояло предобеденное и, казалось бы, ничего особенного в звонке не было, однако настойчивая трель его больно резанула слух, заставив мужчину вздрогнуть и истуканом застыть у входной двери.

Кречет всегда чувствовал опасность. Как зверь, задолго до ее приближения. Вот и сейчас обычный телефонный вызов заставил нервы сжаться, а мышцы, не старого еще и прекрасно тренированного тела на мгновение закаменеть.

Аппарат продолжал трезвонить. И с каждым новым сигналом ощущение надвигающейся беды росло и крепло. Кречет чертыхнулся. Брать трубку не хотелось, но и прятать голову в песок, как трусливый страус, он не собирался. В конце-концов, это же просто звонок! Обычный телефонный звонок!..

Преодолевая невольное оцепенение, он подошел к столу и снял трубку:

- Слушаю.

- Привет, сибиряк! - Глуховатый, чуть надтреснутый голос на другом конце линии одним своим звучанием полностью подтвердил худшие ожидания Кречета. - Что, совсем одичал в своей тайге? Уже и на звонки отвечать научился?

Хозяин кабинета сдавленно выдохнул:

- Ле...

- Стоп! - Рыкнул, мгновенно суровея, голос из трубки. - Обойдемся без имен. Узнал, и ладно.

Кречет мысленно послал своего невидимого собеседника куда подальше. Еще и издевается, гнида!

Не узнать своего московского покровителя он не мог. Априори. И отказать ему тоже. Слишком многое связывало Кречета с этим человеком. Слишком много такого, от чего невозможно отмахнуться и забыть.

- У меня к тебе просьба, сибиряк, - продолжал между тем москвич. - На днях с тобой свяжется один человек. Окажи ему всяческое содействие. Хорошо?

- Все, что в моих силах, - отозвался Кречет. Ладонь его, намертво прикипевшая к трубке, взмокла, а на лбу выступили мелкие бисеринки пота.

- Вот и ладушки, - удовлетворенно буркнул москвич и, не попрощавшись отключился.

3

Тонкий вибрирующий звук родился на самой границе сознания. Навязчивый, словно писк комара, он стремительно рос, становясь все громче и громче, пока, наконец, не проник в голову и не взорвался там оглушительным ревом набата.

Глеб Ордынцев взвился на кровати и обшарил шальным взглядом спальню. Никого! Вокруг царил полумрак и лишь от неплотно зашторенного окна стелилась узенькая дорожка солнечного света.

Звук не исчезал. Он бродил по квартире, многоголосым эхом отражался от стен и беспрестанно теребил слух, не давая Ордынцеву ни секунды покоя.

Да что б тебя!

До Глеба дошло, наконец, из-за чего он проснулся. Из-за банальнейшего телефонного звонка! Именно его незатейливая «трель» плавала в воздухе, лишая всякой надежды на спокойную жизнь.

Проклятье! Глеб стер с лица липкую испарину и покосился на часы. Половина второго. Судя по лучику солнечного света - за окном полдень. В висках ухала кровь, но похмельных болей не наблюдалось. Значит, выпитая бутылочка пива пошла на пользу!.. И то - хорошо!

Он встал и, шлепая по полу босыми ногами, направился в соседнюю комнату. Туда, где разрываясь от натуги продолжал дребезжать телефон. Рванул к уху трубку и глухо рыкнул:

- Алло!

- Пап! Привет!

Сон, как ветром сдуло.

- Лерка! Ты?

- А кто же еще!

Дочь Валерия не была дома почти полгода. Путь из Америки в Верхнереченск довольно долог, да и график учебы не позволял студентке Массачусетского технологического университета совершать частые вояжи на родину.

- А почему у тебя сотовый отключен? - С ходу перешла в наступление Лерка. - Я, как дура, звоню-звоню, а «абонент» все недоступен и недоступен.

Твою дивизию! Только теперь Глеб вспомнил, что аккумулятор его «мобильника» «на нуле», а сам аппарат бесполезным грузом покоится в кармане пиджака.

- Разряжен, - признался Ордынцев и, выводя разговор на другую тему, спросил. - Как твои дела? Двоек много нахватала?

- Чуть-чуть! - Хихикнула дочка. И уже вполне серьезно добавила. - Не переживай, папка! У меня все нормально. На уикенд ездили со Стивом, к Ниагаре. Такая красотища! Обалдеть! Я тебе «электронкой» фотки вышлю. Залюбуешься.

Глеб вслушивался в беззаботное щебетание дочери и чувствовал, как разливается на сердце теплая волна радости. Даже очередное упоминание о загадочном Стиве больше не могло испортить ощущение праздника. Инстинкты родителя подсказывали Ордынцеву, что его ребенок счастлив, а это - самое главное! Все остальное - мелочи, не заслуживающие внимания!

- Ладно, пап! - Заторопилась вдруг Валерия. - У меня лекция начинается! Говорить больше не могу! Все, пока!

И отключилась.

Глеб нехотя опустил трубку. Разговор с дочерью был краток, а сказать хотелось так много... Ну, ничего, совсем скоро лето, каникулы и возвращение Лерки домой. Пусть не навсегда, но все же...

После смерти супруги, дочь оставалась единственным, родным ему человеком и разлука с нею была невыносима. Однако, когда на повестке дня встал вопрос: ехать ей в Америку или нет, Глеб не раздумывая велел паковать чемоданы. Хорошее образование это, пожалуй, последнее, что он мог ей дать.

Ордынцев присел на краешек дивана. Спать больше не хотелось. А вот кофе выпить - самое время! Хотя, нет! Вначале нужно поставить на зарядку сотовый телефон, потом ополоснуться под душем и привести себя в божеский вид. Вечеринка окончена, пора собираться с силами и приступить к опостылевшей работе.

Глеб Романович Ордынцев был довольно успешным писателем, а в соседней комнате, гордо именуемой «кабинетом», дожидался своего хозяина ноутбук с неоконченным текстом романа. Автор зашивался, сроки поджимали, вскоре рукопись должна уже лечь на стол издателя, а «ложиться», по большому счету, было еще нечему. В удобоваримой форме книги пока не существовало и когда она появится, Ордынцев представлял смутно. Каждый день он садился за компьютер, стучал пальцами по клавиатуре, а потом, перечитав написанное, выделял текст траурной чернотой и безжалостно давил на «Vakspace».

Состояние, в котором пребывал Глеб, принято именовать «творческим кризисом». Для себя же он выбрал другой термин - «заколodило». Роман откровенно не шел, сюжет расплывался, обрастая никому не нужными деталями, а автор лишь наблюдал отстраненно за всем этим безобразием, не в силах взять себя в руки и справиться, наконец, с непослушным своим творением. Он все отчетливее понимал, что книга закончена не будет. Никогда! Понимал, злился и снова, и снова, как Александр Матросов на амбразуру, бросался на ненавистную клавиатуру компьютера. Потом читал написанный текст, выделял его траурным тоном и опять жал на «Vakspace».

Ситуация складывалась патовая и единственным выходом из нее было - остановиться, перевести дух, забыв на время о том, что ты писатель. Однако Ордынцева связывали обязательства перед издательством и необходимость оплачивать обучение дочери. Если с первым он еще сумел бы как-то разобраться, то учеба Лерки обсуждению не подлежала. Глеб, как настоящий родитель, считал себя обязанным дать приличное образование своему единственному ребенку...

Свежевыбритый и скрипящий от чистоты, он сварил себе чашечку кофе, а потом направился в кабинет.

- Сгорел бы ты, сволочь, что ли! - проворчал Глеб, активируя программу запуска компьютера и, пока ноутбук «грузился», проверил автоответчик телефона.

Сообщений было мало. С тех пор, как мир познал прелести Интернета и сотовой связи, желающих общаться по обычному, проводному телефону, резко поубавилось. А оставляющих послания на автоответчике стало и того меньше. Глеб бегло прослушал рекламу какого-то магазина, неизвестно как забредшего на его номер, очередное приглашение на презентацию чего-то там, интеллектуально-познавательного, напоминание о том, что пора оплатить услуги связи и...

Стоп! А это что?..

- Привет, Мамай! - Произнес тихий мужской голос.

Глеб вздрогнул. Полузабытое армейское прозвище словно молнией прошило мозг, заставив напрячься и затаить дыхание.

- Жаль, что не удалось встретиться, - продолжал между тем хрипловатый, с чуть заметной картавинкой бас. - Но, на все воля божья. Когда прослушаешь это сообщение, спустись, пожалуйста, вниз и загляни в свой почтовый ящик. Я оставил там подарок. Думаю, ты его узнаешь и вспомнишь то место, где увидел его впервые. - Голос из автоответчика сделал небольшую паузу, с присвистом переведя дыхание. Вообще, чем дольше Глеб слушал неизвестного абонента, тем больше крепла в нем уверенность в том, что человек, назвавший его «Мамаем» болен и состояние его ухудшается с каждой минутой.

- А теперь возьми листок бумаги и запиши: 0-6-15-10-3-1-21-48-0, - пробормотал голос из динамика автоответчика. - Если попадешь в Цюрих, загляни на Кайзерштрассе. Дом номер двенадцать. Там, для тебя, кое-что есть.

Голос прервался коротким стоном. Человеку, наговаривающему послание, было больно. Очень больно. Глеб явственно услышал, как скрипят, давя вырвавшийся стон, зубы.

- И еще одна просьба, - уже почти шепотом произнес незнакомец. - Отвези мой подарок туда, где он был найден... Это очень важно, старлей...

Снова короткая пауза и тихое:

- Прощай...

Запись оборвалась, оставив Ордынцева в полнейшем недоумении. Он включил повтор, но лишь на третьем прослушивании в памяти шевельнулось смутное воспоминание. Голос из автоответчика был ему знаком. Знаком очень и очень давно, еще с тех времен, когда...

Черт! Не может быть! Глеб встрепенулся и как был, босой и в халате, ринулся к входной двери. На ходу сунул ноги в шлепки, схватил с тумбочки ключи и выскочил на лестничную площадку. Сбежал по ступенькам вниз к выстроившимся в ряд почтовым ящикам и отомкнул тот, на котором красовалась цифра «8».

Ящик был под завязку набит макулатурой. Листки рекламных объявлений, бесплатные газеты и прочий мусор, который тоннами сгребают потом дворники и отправляют на свалки города. Ордынцев решительно вымел ворох бумаги из ящика и, чуть было не уронил затерявшийся в ее недрах невзрачный металлический кружляшок с продетым в специальную проушину шнурком для ношения на шее.

Вид железки, которую с большой натяжкой можно было назвать медальоном, буквально загипнотизировал Глеба, мгновенно окатив его таким валом воспоминаний, что он не в силах был ни думать, ни шевелиться...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

1988 г.

Северный Афганистан

- Разрешите?

Глеб переступил порог и замер, выжидательно поглядывая на комбата. Майор Затулин был в кабинете не один. За приставным столом для совещаний сидел коренастый молодой человек в гражданской одежде.

- Проходи, не мозоль глаза, - кивнул командир и, спохватившись добавил.

- Да, кстати, знакомься. Это - товарищ Макаровский из Москвы. Прибыл в наши края погоду изучать.

- Сергей, - гость торопливо встал. - Метеоролог.

С виду он был одних с Глебом лет. В меру длинноволос, с детским румянцем на гладковыбритых щеках.

- Старший лейтенант Ордынцев, - по всей форме представился Глеб. - Командир разведывательно-диверсионной группы.

Честно говоря, он не ожидал увидеть в роли уважаемого ученого такого вот пионера-переростка. Когда пришел приказ сопроводить в горы представителя Академии наук СССР, воображение нарисовало Ордынцеву седобородого старичка с бакенбардами и в пенсне. А на деле оказалось...

В общем, Глеб был слегка разочарован.

- Ладно, - хмыкнул, словно прочитав его мысли, комбат. - Церемонию знакомства объявляю закрытой. Переходим к делу.

Он выбрался из-за стола и отдернул занавеску у висящей на стене карты:

- Итак, целью предстоящей операции является разведка окрестностей у высоты 3432, - толстый палец майора с размаху ткнулся в означенную точку, - поиск безопасного пути на ее вершину и изучение возможности обустройства там армейского блок-поста и станции метеорологического наблюдения. - Комбат оторвал указующий перст от карты и перевел взгляд на Ордынцева. - Все правильно? Я ничего не упустил?

- Никак нет! - Буркнул Глеб, чувствуя, как в районе солнечного сплетения разливается неприятный холодок тревоги. Судя по тону, Затулин чего-то не договаривал.

- Так вот, - продолжил майор, - в разработанные нами планы закрались кое-какие изменения. Первоначально предполагалось, что разведгруппа добирается до вершины горы самостоятельно и лишь потом, вертушкой, туда забросят товарища Макарского...

Холодок тревоги стремительно превращался в ледяной айсберг.

- И?... - Нетерпеливо подстегнул командира Глеб.

- Наш московский гость настаивает на том, чтобы идти в горы вместе с вами.

Твою дивизию!

- Зачем? У нас - боевая операция и гражданские мне там не нужны!

- Видите ли, - торопливо вклинился в разговор ученый. - Прежде чем обустроить метеостанцию, необходимо произвести кое-какие расчеты и исследования. И не только на самой вершине, но и на подступах к ней...

Бред сивой кобылы! Глеб был далек от науки, однако расплывчатые пояснения москвича его совершенно не убедили.

- Товарищ Макарский, - спросил он, бесцеремонно прервав гостя. - Вы в горах раньше бывали?

Метеоролог осекся и, растерянно хлопнув ресницами, кивнул:

- Да! В восьмидесятом. На Домбай, с однокурсниками ездили. Отдыхать.

Офицеры быстро переглянулись.

- Ну, если на Домбай... - Протянул с нескрываемой издевкой Ордынцев. - Тогда, конечно! Вопросов больше нет! - И демонстративно отвернулся к окну.

Перспектива «прогулки» по горам в обществе неподготовленного столичного хлюпика его откровенно не радовала. Этот длинноволосый маменькин сынок сдуется на первом же километре пути. А на вершину его придется поднимать на спинах солдат.

Старлей мысленно выругался. Черт бы подрал, этих деятелей науки! Вечно у них не как у людей!

- Хорошо, - он круто развернулся и устремил на москвича пристальный взгляд. - Давайте, поступим иначе! Сейчас товарищ Макарский подроб-

ненько обрисует мне все, что нужно сделать по пути к вершине. Я мальчик смысленный, если мне толково объяснят, вполне смогу управиться самостоятельно. Ну, а если что не пойму, всегда есть возможность проконсультироваться по радио. Как вам такой вариант? Устраивает?

На несколько долгих минут в кабинете воцарилась напряженная тишина. Лишь стрекотала за дверью пишущая машинка, да перекрикивались приглушенно солдаты во дворе штаба.

Наконец Макаровский заговорил:

- Извините, но - нет! Я все должен сделать лично! По дороге наверх нужно произвести несколько специфических замеров атмосферного давления, скорости и направления ветра, а также целую кучу сложнейших расчетов... В общем, убедиться в том, что место под станцию выбрано правильно. - Он перевел дух и добавил. - С меня за малейшую неточность в Москве голову снимут! Да и со степенью ученой пролечу, как фанера над Парижем.

Глеб еле сдержался:

- Послушай, уважаемый, мы ведь не на прогулку собрались. Нам больше двух верст в гору карабкаться. По камням и отвесным скалам. С оружием, припасами и с тобой впридачу! А еще есть вероятность нарваться на «духов». - Серые глаза разведчика царапнули метеоролога своим колючим ледком, словно давая ему понять, что время любезностей закончилось. - Знаешь, как местные шутники с пленными развлекаются? Рассказать?

- Не надо, - вздохнул Макаровский и вдруг, подняв голову, встретился с Ордынцевым взглядом. Таким же холодным и твердым, как сталь. - Что бы там ни было, а в горы я пойду. Это не обсуждается.

Он мог бы и не говорить. Старлей все понял по глазам. «Однако, - озадаченно присвистнул Глеб, - парнишка-то, с характером!»

Назревающий конфликт Затулин погасил просто. Кликнув дежурного офицера, комбат распорядился отвести гостя на кухню, накормить, а затем определить на ночлег. Поняв, что его вежливо выпроваживают, Макаровский встал и, подхватив свой небольшой рюкзачок, молча вышел из кабинета.

- Товарищ майор, - взмолился Ордынцев, едва за метеорологом захлопнулась дверь, - мне его на горбу тащить? Он же горы только на картинке видел!

- Нужно будет - потащишь! - отрезал комбат. - Приказ получен, изволь его выполнять!

- Слушаюсь! - Поднялся, помрачнев лицом, разведчик. - Только одна просьба. Если этот деятель свернет себе шею или подхватит «горную» болезнь, с меня не спрашивайте. Договорились?

Командир мрачно зыркнул на подчиненного и, вернувшись к столу, достал из пачки дукатовскую «Яву».

- Ладно, Мамай, не кипятись, - сказал примирительно, чиркнул бензиновой зажигалкой и пустил под потолок струйку синеватого дыма. - Думаешь, меня такая чехарда радует? Носятся с этим «академиком» недоделанным, как с писаной торбой! Даже из штаба армии звонили: адъютант командующего. Интересовался, не обижаем ли мы науку? А потом минут десять доказывал мне важность точного метеопрогноза в планировании боевых действий! - Затулин зло сплюнул. - Тоже мне, полководец выискался! Генеральских сапог хранитель!

Он глубоко затянулся и уже спокойнее добавил:

- Короче, Мамаюшка, буквоеда столичного в горы брать придется. И точка! Вопрос решенный... Да, кстати, - вспомнил комбат, - он, похоже, еще и

летать боится! Когда из вертолета вылез, бледный был, как поганка. Так что, присматривай за ним повнимательнее. Возьми под личную опеку, прямо с момента посадки в вертушку... Ну и просьба, так сказать, личного характера: постарайся вернуть этого «туриста» живым и, по возможности, здоровым. Договорились?

- Посмотрим, - буркнул Глеб и, не выдержав улыбнулся. - Как вы его называли? «Буквояд»? Что ж, вполне подходящее прозвище для будущего академика.

2

Отстрелив порцию тепловых ловушек, вертолеты взмыли в небо и минутой позже растаяли среди угрюмо серых скал.

Ордынцев проводил их взглядом и внезапно почувствовал заползающую в сердце тоску. Нестерпимо захотелось домой, прочь от этих надоевших до чертиков гор, от палящего солнца и вездесущей пыли...

Он встряхнул головой, усилием воли заставил себя вернуться в реальность.

- Попрыгали! - Скомандовал негромко.

Разведчики привычно заскакали на месте. Амуниция была подогнана идеально. Ничего не брякало и не гремело. Даже у москвича. Впрочем, его снаряжением занимался сам прапорщик Несмачных - живая легенда батальона, воевавший в Афгане пять лет.

- А вот и цель нынешней прогулки, - старший лейтенант ткнул пальцем в одну из близлежащих гор. Вершина ее, словно царской короной, венчалась трехглавой, едва различимой с такого удаления скалой. - Наша задача: разведать подступы и закрепиться наверху до подхода мотострелков.

На кой черт понадобилось ставить там блок-пост и метеостанцию Ордынцев не ведал. А спрашивать у Макарского не хотелось. Да и сам ученый, после размолвки в штабе, как-то разом скис и к общению особо не стремился. Ни с Глебом, ни с его подчиненными. Что ж, баба с возу - кобыле легче. Пусть молчит, больше сил на подъем останется. Дорога им предстоит трудная. Даже по меркам привыкших ко всему разведчиков. А уж об изнеженном книжном черве и говорить не стоит. Буквояд, он и в Африке - Буквояд!

Расстояние в горах обманчиво. Несмотря на кажущуюся близость, до конечной точки маршрута было не менее двух дней пути. Это, в лучшем случае, если не возникнет какой-нибудь форс-мажор. Ордынцев мысленно прокрутил перед глазами карту местности. Наиболее короткой и относительно удобной дорогой для восхождения было узкое, тянущееся почти до самой вершины ущелье. Вот оно, родимое, темнеет. Совсем близко, рукой подать. Зловещее, словно распахнутая пасть удава, готового в любой момент проглотить неизвестно зачем пожаловавших сюда чужаков. Если пройти по нему дальше, то, примерно на полпути к коронующей гору скале, наткнешься на крошечный кишлак, который, как пробка бутылку, наглухо запирает дальнейшую дорогу наверх. Собственно из-за него группу Ордынцева и высадили так далеко от конечной цели. Местные аборигены считались «мирными», но в здешних краях ни в чем нельзя быть уверенным на все сто процентов. Разведчикам предстояло пройти через селение и на собственной шкуре убедиться, что декларации горцев соответствуют реальному положению дел. Произвести, как мрачно шутил комбат, «охоту на живца».

Миссия, хоть и почетная, но крайне неблагодарная. И, главное, чревата самыми плачевными последствиями.

Под сердцем Ордынцева вновь шевельнулось сосущее чувство тоски. Старлей мысленно выругался. Черт побери! Да что с ним такое творится? Второй день сам не свой ходит!

Он окинул взором изготовившихся к маршу разведчиков и подозвал сержанта Егорова.

- Гога, присмотри за Буквоедом. Не дай бог, случится с ним что, потом отписываться замучаемся.

- Есть! - сержант кивнул своей крупной, наголо выбритой головой и широкоим шагом направился к Макаарскому.

- Слышь, братишка, - сказал он, поравнявшись со столичным гостем. - Становись-ка, ты, в центр колонны и топай след в след за впередиидущим. Здесь все горы минами нашпигованы. Глазом моргнуть не успеешь, как ноги оторвет.

Гога явно преувеличивал, но на москвича угроза произвела впечатление. Он как-то весь съежился и торопливо занял отведенное ему место. А сержант, украдкой подмигнув сослуживцам, пристроился следом.

- Ладно, ребяташки, тронулись! - совсем не по-уставному скомандовал Ордынцев и разведчики нестройной цепочкой начали втягиваться в ущелье.

3

Сверху, с высоты птичьего полета, оно должно было напоминать шрам. Глубокий и уродливый, рассекающий тело горы темным, извилистым рубцом. Когда-то, в стародавние времена, там несла свои воды бурная речка. Но потом что-то в матушке-природе разладилось, поток иссяк, а от былой его мощи остались только жалкие воспоминания в виде чахлого ручейка да огромного множества валунов, беспорядочно разбросанных по дну пересохшего русла.

Местность поражала своей первозданной дикостью, хотя зачаточные признаки цивилизации добрались все же и сюда. Между камнями петляла узкая, едва различимая глазом тропинка. Указать ее на карте позабыли, однако Ордынцев не сомневался: конечным ее пунктом был именно кишлак. Почему? Да по той простой причине, что ничего другого поблизости больше не имелось.

Что ж, с драной овцы - хоть шерсти клок! Невзирая на опасность минирования, более комфортабельного пути наверх не существовало. Тащиться через непроходимые нагромождения камней было слишком тяжело, а учитывая присутствие в группе такого балласта, как Буквоед, чревато травмами и перспективой застрять в ущелье на бесконечно долгое время. Поэтому из двух зол старлей выбрал меньшее. Он вывел отряд на тропу и, внимательно поглядывая под ноги, двинулся вперед.

Минуты складывались в часы. Солнце, перевалив зенит, медленно тащилось книзу. А разведчики все шли и шли дальше. Их редкая цепочка змеилась по дну ущелья, с завидной точностью повторяя каждый изгиб дорожки. Шли в полном молчании. И не ради сохранения секретности. Нет. На досужие разговоры попросту не хватало сил. Тропинка, хоть и облегчала путь, но не могла спасти от копящейся, с каждым шагом, усталости.

Подъем выматывал. Движение отряда замедлялось, а дыхание солдат становилось все натужнее. Им жизненно необходим был отдых. Ни те короткие, в несколько минут, остановки, которые время от времени учинялись, а настоящий, полноценный привал, с возможностью разуться, присесть на разогретую за день гальку и вытянуть натруженные ноги.

Ордынцев прекрасно видел состояние своих людей, но упорно гнал их вперед. Это не было садизмом или командирской придурью. Разработан-

ный при подготовке операции график жестко регламентировал каждый их шаг и предписывал группе, еще до наступления темноты, миновать кишлак. И разведчики шли. Стиснув зубы и заливаясь соленым, как слезы, потом, они тащились по ущелью. Все выше и выше, туда, где за синью небес прятались такие близкие уже звезды.

Долгожданная команда остановиться прозвучала ближе к вечеру.

- Отдых - сорок минут! - Распорядился Глеб и утер рукавом испарину. - Можно курить!

Измученные солдаты с облегчением рухнули на землю. Дружно, как срезанная косой трава. И затихли. Первые несколько минут со всех концов походного бивака раздавалось лишь хриплое дыхание выжатых до последней капли людей. А потом, молодость начала брать свое. Забулькала вода из фляжек, задымились, такие сладкие после долгого воздержания, сигареты. Мокрые, посеревшие от усталости и пыли лица понемногу прояснились. Ордынцев окинул их взором и хмыкнул удовлетворенно. Порядок! Пацаны у него жилистые, не такое выдерживали!

Он вытащил карту и прикинул расстояние. До кишлака оставалось метров четыреста. Потом поискал взглядом Несмачных:

- Саша, возьми пару ребят и наведайся к селению. Присмотрись, чем там наши «мирные» занимаются?

Прапор кивнул и вскоре тройка разведчиков скрылась за изгибом ущелья. А Ордынцев направился к москвичу. Что бы он о нем не думал, но долг командира обязывал заботиться обо всех членах команды. Без исключения.

- Как дела? - Вопрос старшего лейтенанта был излишним. Одного взгляда на Буквоеда хватило, чтобы понять - метеоролог на пределе. По крайней мере - физически. Прислонившись спиной к теплему боку валуна, он полулежал, широко раскинув руки. Глаза его были прикрыты, а грудь, под пропитанным потом комбинезоном, судорожно вздымалась.

- Хреново, - честно признался Макарский. - Никак не могу отдышаться. Воздуха не хватает.

Что ж, этого и следовало ожидать! Две с половиной тысячи метров над уровнем моря, не Эверест, конечно, но для жителя Москвы - высота, более чем серьезная. Особенно, если без акклиматизации, да при таких нагрузках...

- Не хочу тебя пугать, но дальше, - старлей кивнул в сторону невидимой отсюда вершины, - будет еще хуже.

Губы ученого дрогнули, обозначив подобие улыбки.

- Ничего, выдержу. Я - выносливый.

«Тупой ты, а не выносливый! - С досадой подумал Глеб. - Чего тебя в горы понесло? Сидел бы себе спокойно в гарнизоне! Ждал пока мы взберемся на эту злосчастную вершину! А потом прилетел бы вертушкой на все готовенькое!»

Впрочем, если уж быть до конца честным, москвич начинал ему нравиться. Он не хныкал и не требовал к себе особого внимания. Целый день протопал наравне со всеми, как заведенный, накрепко прилипнув к спине идущего впереди. А на привалах, пока разведчики шумно переводили дух, Макарский успевал достать из своего тощего рюкзака какие-то диковинные приборы и основательно над ними поколдовать.

Вот тебе и столица изнеженная!

- Пить будешь? - Старлей присел рядом и отстегнул от пояса флягу.

- Давай.

Буквоед прильнул к горлышку. Жадно и основательно.

- Как ноги? - поинтересовался Глеб, дождавшись, когда метеоролог утолит жажду. - Не стер?

- Черт его знает! Еще не смотрел.

- Ну, тогда разувайся.

Макаров зыркнул и молча потянулся к шнуркам. Снял кроссовки, затем, влажные от пота, носки.

- Запашок тот еще! - Сказал виновато. - Функциональные особенности организма.

Запах от ног Буквоеда, действительно, исходил мощный. Хоть противогаз надевай. А вот с натертостями дело обстояло гораздо лучше. Долгая дорога не прошла, конечно, бесследно, но могло быть и страшнее!

- Давай-ка, брат, вставай и топай к ручью, - то ли приказал, то ли посоветовал старлей. - Ополосни хорошенько ступни и протри их насухо.

Ученый смущенно глянул на офицера и покорно встал.

- Гога! - окликнул тем временем Ордынцев бритоголового сержанта. - Достань пару таблеток сухого спирта! И разотри помельче!

Егоров все понял с полуслова. Когда метеоролог вернулся к своей «лежке», его уже ждал растертый в муку уротропин и моточек лейкопластыря.

- Сухие носки есть? - спросил Ордынцев.

- Да. Где-то были.

- Доставай.

Макарский послушно вытащил из рюкзака пару новеньких шерстяных носков:

- Подойдут?

- То, что надо, - кивнул старлей и, бесцеремонно отобрав их у хозяина, насыпал внутрь каждого по равной дозе растертого уротропина.

- Так лучше будет, - Глеб, удовлетворенно хмыкнув, вернул москвичу имущество. А следом бросил ему на колени лейкопластырь. - Прежде чем обуешься, заклей на ступнях все потертости.

- Угу, - метеоролог повертел в руках носки и подозрительно понюхал их содержимое. - А что за дрянь вы туда насыпали?

- Сухой спирт.

- И зачем?

- Чтобы ноги не потели.

- А-а, - протянул Макарский, но так, кажется, ничего и не понял.

От дальнейших расспросов Глеба спасло появление Несмачных. Его крошечный отряд вынырнул из каменного лабиринта. Разведчики шли не одни. Рядом с прапором бодро семенил седобородый дедок в чалме и старом, заношенном до дыр, халате.

- Это еще что за чудо? - пробормотал старлей, всматриваясь в незваного гостя.

- Аксакал местный, из кишлака, - объяснил, подходя ближе, Несмачных. - Оказывается, эти черти следят за нами от самого места высадки! Представляешь? Даже я ничего не заметил!

Признание прапорщика граничило с откровенным восхищением. Пять лет войны превратили его в настоящего профессионала, за версту чующего врага. А тут, на тебе, такой конфуз!

- И что ему нужно?

- Требуется встречи с «главным начальником», - одними губами усмехнулся Несмачных. - Обещает сообщить ему нечто, крайне важное.

Между тем, афганец разобрался, наконец, в табели о рангах и, вплотную подойдя к Ордынцеву, неторопливо заговорил. На фарси. Его худое, иссе-

ченное морщинами лицо было преисполнено властной уверенностью, а выцветшие от времени глаза, смотрели на офицера твердо и решительно.

«Крепкий дедок, - с невольным уважением подумал Глеб. - Такой попусту языком трепать не станет».

- Ну и о чем речь? - он нетерпеливо покосился на Несмачных. Поднято-ревший в афганских диалектах прапор исполнял при группе роль внештатного толмача.

- Старик не разрешает нам идти дальше. Говорит, что гора эта - священная и Аллах может сильно осерчать, ежели нога неверного осквернит святыне развалины.

О чем это он? Ордынцев недоуменно посмотрел на Несмачных:

- Что за ахиня? Какие еще развалины?

Прапорщик лишь пожал плечами:

- Не знаю. Я только перевел его слова.

- Там, наверху, раньше крепость стояла, - поднявшийся на ноги метеоролог покряхтывая подошел к переговорщикам. - Очень древняя. Называлась «Согдийская скала».

- И что из того? - информация Макарского только добавила путаницы.

- Видимо, местные считают ее руины священными. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Густые брови старлея сдвинулись ближе к переносице.

- Нам только этого не хватало! - пробормотал он устало и вдруг с подозрением покосился на москвича. - А ты откуда про руины знаешь? На карте они не отмечены.

- Как откуда? - Макарский даже растерялся слегка. - Из книг, конечно! Крепость ведь очень известная. О ней все биографы Александра Македонского писали...

В сбивчивые объяснения Буквоеда бесцеремонно вклинился прапорщик Несмачных.

- Так что отвечать деду, командир? Он ждет.

- Скажи, что мы обдумаем его слова.

Прапор перевел. Выслушав, старик бросил в сторону Ордынцева укоряющий взгляд и молча побрел к кишлаку.

- Похоже, мы влипли, - озабоченно посмотрел вслед аксакалу Несмачных.

- По самые помидоры! - Согласился Ордынцев. Судя по всему, местные настроены решительно. Когда дело касается религии, они становятся глухими к любым доводам разума.

Старший лейтенант поискал глазами радиста:

- Белкин, мать твою! Связь с батальоном! Быстро!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

*Наши дни
Верхнереченск
Россия*

«Человечек» от московского покровителя не заставил себя долго ждать. Не прошло и пары часов, как ожил аппарат внутренней связи и бодрый голос секретарши доложил:

- Прибыл господин Ананьев. Утверждает, что привез вам привет из Москвы. И что вы его ждете.

Кречет мгновенно сообразил о ком идет речь и поморщился: «Ага, как же! Жду не дождусь!» Но вслух буркнул:

- Пусть заходит.

Сухопарый пожилой мужчина в старомодных роговых очках не понравился ему сразу, как только переступил порог кабинета. Невзирая на свою, более чем заурядную внешность, посетитель буквально излучал угрозу.

- Здравствуйте, - сказал он вежливо. - Меня зовут Владимир Дмитриевич. Вас должны были предупредить...

- Да, конечно, - натянуто улыбнулся Кречет, - проходите, присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Прежде чем усесться, гость опустил на стол перед хозяином кабинета небольшой пластиковый пакет.

- Здесь осколки сотового телефона. К сожалению, sim-карта к нему не сохранилась, а мне крайне важно установить кто и с кем по нему разговаривал. Это - реально?

Честно говоря, Кречет ожидал чего угодно, но не такой вот ерунды. Он открыл пакет и высыпал содержимое на полированную поверхность стола. То, что предстало перед его глазами, действительно, еще совсем недавно было телефоном. Причем, довольно хорошим. А теперь, случайно или по чьей-то злой воле, аппарат превратился в пригоршню изуродованных кусков черного пластика.

- Крепко же ему досталось! - Хмыкнул, закончив осмотр, Кречет. - Придется повозиться.

- И как долго? - В глазах гостя полыхнула искорка надежды.

- Без понятия! - Пожал плечами хозяин кабинета. Меньше всего ему хотелось оказаться в роли болтуна, дающего несбыточные обещания. - Я сейчас передам осколки специалистам, а они решат: реально с ними что-либо сделать или нет? Договорились?

Огонек в глазах собеседника слегка попитух.

- Хорошо, - вздохнул он обреченно. - Зовите своих спецов.

2

Буквоед?!.. Боже правый, неужели здесь побывал Буквоед?

Ордынцев вынырнул из пучины воспоминаний и, слегка ошалевший, потер подбородок. Чудеса, да и только! Как умудрился неумеха - ученый уцелеть там, где сгнули закаленные войной разведчики? И вообще, где он пропадал двадцать с лишним лет? А, самое главное, что за игру он затеял и зачем, спрашивается, привез Глебу свой неказистый «подарок»?

Вопросов было слишком много. Они, как рой рассерженных пчел, гудели в голове, мешая сосредоточиться и попробовать найти ответы хоть на некоторые из них. Ордынцев прислонился спиной к перилам лестницы и, осторожно разжав пальцы, посмотрел на медальон. Там, в ущелье, он не успел как следует его разглядеть. Да и сейчас, в скупом свете подъездных ламп, сделать это было сложновато.

Впрочем, кое-что он все же увидел.

Кровь! На шероховатой, плохо обработанной поверхности кругляша отчетливо темнели бурые, чуть вытянутые и очень похожие на отпечатки пальцев, пятна. Видимо человек, последним бравший медальон в руки, был изрядно замаран кровью.

Твою дивизию! По спине Ордынцева растекся предательский холодок. Вспомнился вдруг рассказ соседки о ночном происшествии. А что, если вся

ее болтовня - правда? И прятавшийся в подъезде мужик никто иной, как Буквоед?

Глеб судорожно сглотнул. Он почувствовал, что совершенно перестает что-либо понимать. А еще его неодолимо потянуло вниз, туда, где Зоя Михайловна (судя по ее словам, конечно) лицеизрела прошлой ночью кровавые кляксы.

Оторвавшись от перил, он медленно, шаг за шагом начал спускаться в подъездный холл. А на последней ступеньке замер, осматриваясь. Ничего! Ни малейшего намека на разыгравшуюся недавно трагедию. Баба Дуся потрудилась на славу: пол сверкал хирургической чистотой. И все же, Ордынцеву стало не по себе. Перед глазами, словно наяву, предстала скрюченная в дальнем углу холла фигурка мертвого человека...

Где-то наверху стукнула дверь, ожил мотор лифта. Глеб вздрогнул и очнулся. Наваждение какое-то! Наслушался, называется, сказок с похмелья! Вот и мерещится теперь бог знает что!

Да и вообще - чушь все это! Фантазии воспаленного сознания. Нужно попробовать писать детективы. Должно неплохо получаться. Ордынцев через силу улыбнулся. Ну, зачем, спрашивается, кому-то убивать Буквоеда? Тем более здесь, за тысячи верст от его драгоценной Москвы?.. Или он уже не в первопрестольной живет?.. А, впрочем, один черт! Главное, не в Верхнереченске! Это точно!..

Глеб сунул «подарок» в карман и решительно двинулся вверх. Обрато, в квартиру. Торчать посреди лестницы дальше было бы просто глупо.

Вернувшись в свой кабинет, он уселся за письменный стол и поднес к глазам медальон. Пришла пора рассмотреть находку повнимательнее.

Увы, Ордынцева ждало жесточайшее разочарование. Довольно крупный, в половину его ладони, овал не отличался ни красотой, ни мастерством исполнения. Более того, создалось впечатление, что украшение делали не профессионалы, а совершенно далекие от этого ремесла люди. Причем, с закрытыми глазами и при полном отсутствии инструментов. Более-менее гладкая лицевая сторона медальона была испещрена какими-то непонятными символами, которые тугой спиралью разбегались от центра к неровным краям «подарка». Понять, что это - надписи на неведомом языке или набор случайных царапин, не представлялось возможным. Для этого требовалось увеличительное стекло, которого у Ордынцева отродясь не водилось.

Тыльной стороне медальона повезло еще меньше, чем лицевой. На ней энтузиазм творцов «шедевра» явно иссяк и они решили ограничиться лишь небольшим, выдавленным в самом центре овала, восьмигранным углублением. Вся остальная его поверхность была шершава и бугриста настолько, что напрашивался один-единственный вывод: рука мастера ее не касалась. Совсем.

Ну, а самым приличным местом на медальоне было изящно выполненное ушко для шнура. На его полустертых гранях Глеб рассмотрел даже подобие какого-то узора...

Да уж, «подарочек» тот еще! Он покачал находку на ладони. Веса почти не ощущалось. Значит, на какой-нибудь из благородных металлов можно не рассчитывать. Наверняка - сплав. Хотя, чисто внешне очень напоминает серебро. Слегка потемневшее от времени.

Ордынцев положил медальон на стол и разочарованно вздохнул. Увы, до ценного приза подарок Макарского явно не дотягивал. И до полуценного, тоже. Зачем он вообще хранил столько лет эту кустарную безделушку? Как сувенир? Память об ушедшей молодости? Нет, не похоже. Здесь что-то другое.

В голове опять закружился целый хоровод вопросов. Глеб буквально утонул в них, совершенно не понимая, что к чему. И лишь одно он осознавал с кристальной ясностью - в этом деле должен разбираться специалист. На лавры Эркюля Пуаро Ордынцев не претендовал и с радостью спихнул бы решение доставшейся ему головоломки в более профессиональные руки. Степкины, например. Как-никак, частный детектив, целое сыскное агентство содержит.

Помочь, может и не поможет, но хоть добрый совет даст.

Глеб взял трубку сотового телефона и набрал нужный номер. Сокольников отозвался сразу:

- Слушаю тебя, дружище!

- Степа, ты не занят? - Спросил, на всякий случай, Ордынцев.

- А что, ты хочешь пригласить меня на свидание?

- Ну, типа того.

В трубке воцарилась секундная пауза. Приятель думал.

- Ладно, договорились. Где и когда?

- Без разницы где, лишь бы поскорее.

- Вот даже как? - Сокольников был сыщиком и не мог не заметить волнение, звучавшее в голосе друга. Он враз посерьезнел и спросил. - Что стряслось, Глебушка?

- Не знаю. Но, судя по всему, убийство.

И опять в динамике телефона воцарилась тишина. На этот раз долгая и гнетущая. Глебу даже показалось, будто он слышит, как ворочаются, поскрипывая, мысли в голове приятеля.

- Дружище, - произнес наконец Степан. - Ты это серьезно?

- Да.

Сокольников тяжело вздохнул:

- Хорошо. Через часок подгребай к моему офису. Встретимся в кафе напротив. «Рандеву» называется. Знаешь такое?

- Угу.

- Отлично. Заодно и перекусим.

3

Отыскать кафе «Рандеву» большого труда не составило. Его неброская вывеска красовалась через дорогу от мрачно-серого особняка, в котором располагался офис Степиного агентства, а установленный сбоку от входа стенд с импровизированным меню удивлял своим изобилием и вполне демократичными ценами.

Глеб нырнул в прохладу заведения и увидел сидящего за дальним столиком Сокольникова. Приятель с аппетитом уплетал бифштекс.

Степан Федорович мало походил на сыщика. Высокий, плечистый, с широкоскулым крестьянским лицом и пудовыми кулаками, он напоминал скорее вышибалу из заурядного кабака. Однако, внешность - штука обманчивая. Лучшего частного детектива в городе не было. Да и в области, пожалуй, тоже.

- Уф-ф! - Выдохнул Сокольников, дожевывая чуть сыроватое мясо. - Со вчерашнего дня не жрамши. Хорошо вам, бездельникам, сидите дома, бумагу мараете. Рядом холодильник с пивком, кухня со снедью... Красота, короче.

Глеб вспомнил о своем, более чем скромном обеде, и лишь хмыкнул в ответ:

- Ага. Красота.

- Вот и я так думаю. - Степан оторвался от тарелки и скользнул взглядом по собеседнику. - Как, оклемался после банкета?

- Более-менее, - пожал плечами Глеб.
 - Может, остограммимся?
 - Нет, я с утра пивком похмелился. Больше ничего не хочу.
 - Ну, ну, - усмехнулся Сокольников. - А вчера хотел! Всего и сразу. Я, пока тебя домой приволок, думал - с ума сойду. Хорошо хоть с Ирккой вовремя развелся. Ночевали бы мы с тобой на коврике, под дверью.

Бывшая жена Степана отличалась весьма крутым нравом и, закрыть перед пьяным мужем двери в квартиру, было для нее - в порядке вещей.

- Ладно, - Сокольников прикончил бифштекс и, отодвинув в сторону опустевшую тарелку, принялся размешивать кофе. - Рассказывай, что стряслось?

Глеб обреченно вздохнул. Все! Как говаривал товарищ Цезарь: «Рубикон перейден»! Теперь, даже если он попытается замять разговор или перевести его в шутку, Степан не позволит. Вон глаза как сверкают! Ищейка, она и есть - ищейка!

- Не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, - начал он осторожно. - Но есть некоторые основания полагать, что прошлой ночью в подъезде моего дома совершено преступление...

Кофейная ложечка со звоном брякнулась в блюдце.

- Глеб Романович! - скрипнул раздраженным голосом Сокольников. - Мы не на дипломатическом приеме! Не тяни!...

- А ты - не ори! - зло парировал Ордынцев. - И так полным придурком себя чувствую, а тут еще ты подстегиваешь!

Он обиженно умолк и над столом нависла гнетущая тишина. Глеб, честно говоря, и сам не ожидал, что отреагирует на реплику приятеля подобным образом. Нервы, будь они неладны!

Пауза затягивалась. Наконец Сокольникову надоело играть в молчанку, плотно сжатые губы его разомкнулись и по скуластому лицу растеклась вполне себе добродушная улыбка.

- Ладно, Глебушка, расслабься. Покричали и хватит. Рассказывай, что и как. Только, пожалуйста, давай без философии. В моей профессии главное что? Факты, факты и еще раз - факты. Я привык оперировать фактами и железобетонными доказательствами. Все остальное - от лукавого.

- Ну да, ну да, - кивнул Ордынцев. Кивнул и задумался крепко. Ни фактами, ни мало-мальски приемлемыми доказательствами он не обладал. Не считать же таковыми рассказы Зои Михайловны, да наличие сломанного замка на подъездной двери?

- Понимаешь, Степа, - сказал он, поразмыслив немного. - Нет у меня ни того, ни другого. Поэтому и обратился к тебе за советом. У тебя, кстати, как со временем?

- А что?

- А то, что рассказ получится довольно долгим.

Сыщик хмыкнул и бросил взгляд на ручной хронометр:

- Ну, думаю, час-полтора, выкроить смогу. Управишься?

- Постараюсь, - улыбнулся благодарно Глеб и заговорил...

4

Монолог его длился минут сорок. За это время он успел рассказать и о знакомстве с Макаарским, и о бесславном рейде по ущелью, и о странном, наговоренном на автоответчик послании воскресшего Буквоеда, и о найденном в почтовом ящике медальоне, и, конечно же, об утверждениях соседки относительно ночного происшествия в подъезде...

А в завершение речи выложил на стол перед сыщиком злополучный «подарок».

Надо отдать должное терпению Сокольникова. Он слушал молча, не перебывая. И лишь когда приятель закончил свой рассказ, произнес глухо:

- Это все?

- Да.

Рука сыщика потянулась было к кругляшу, но тут же замерла, так и не коснувшись его. Степан разглядел уже едва заметные пятна крови.

- Это чья? - Спросил он негромко.

- Не знаю. Когда я вытащил медальон из почтового ящика, он уже был таким.

- Понятно, - Сокольников полез за сигаретами. Закурил, а потом снова устался на злополучную железку.

- Вот что, Глебушка, - сказал он, выпуская под потолок тоненькую струйку дыма. - Первый мой совет такой: спрячь свою цапку и, прежде чем кому-то еще показывать, хорошенько ее отмой. Щеточкой, да со стиральным порошком. Понял?

- Но... - Открыл было рот, Ордынцев.

- Никаких «но»! Я не знаю что это за медальон и чья на нем кровь. Однако настоятельно тебя прошу, отмой его до зеркального блеска. Чтобы и намек на кровь не осталось.

Степан сделал еще одну затяжку, отправил недокуренную сигарету в пепельницу.

- А вообще, цапку твою, надо бы грамотному антиквару показать. Может по ней Эрмитаж давно плачет.

Ордынцев убрал медальон в карман и в упор посмотрел на сыщика.

- Это все, что ты мне скажешь?

- А что ты еще хотел услышать? - Удивленно вскинул брови Степан. - Я не следователь и не оперативник угрозыска. Я - частный детектив. И с моей колокольни, ты уж извини, дружище, история твоя яйца выеденного не стоит.

Он покосился на мрачающее лицо приятеля и добавил примирительно:

- Не обижайся, Глебушка. Ты просил совета, я тебе его и даю. Отмой медальон и выбрось из головы всю эту блажь относительно убийства. В жизни столько всяких странностей и совпадений. Да и вообще, с чего ты решил, что Буквоеда твоего, убили? Из-за пятен на медальоне и соседкиных страшилок? Так сам же говоришь, что Зоя...

- Михайловна...

- ...женщина с фантазией и наплести может чего угодно. Ведь кроме нее, родимой, никто и ничего больше не видел? Ни ночных разбойничков с столетями, ни залитого кровью подъезда. Так?

Глеб неохотно кивнул.

- Да и пятна на медальоне твоём в проверке нуждаются. Возможно и не кровь это вовсе, а краска какая-нибудь.

Сыщик перевел дыхание и поднялся из-за стола.

- В общем, дружище, наплуй и забудь. А я, со своей стороны, обещаю навести справки о неопознанных жмуриках и, заодно, постараюсь пробить информашку по твоему метеорологу. Как говоришь, его зовут?

- Макарский Сергей. Примерно, тысяча шестидесятого-шестидесят четвертого года рождения.

- Ну, Макарский так Макарский, - кивнул на прощание Сокольников. - Подумаю, короче, чем можно тебе помочь. А если что проклюнется, позвоню.

5

Глеб покинул кафе, раздираемый двоякими и весьма противоречивыми чувствами. С одной стороны, его ошутимо задел отказ приятеля всерьез воспринимать подозрения относительно убийства. Предложение Степана навести справки о судьбе Буквоеда больше походило на дежурную отмазку. Ничего, мол, не обещаю, но сделаю все, что в моих силах... Сделает он, как же!..

Нет, Ордынцев ни в коем случае не обвинял друга в черствости и бездушии. Работа у него такая - никому не верить на слово.

Хотя, если честно, осадочек от их нескладной беседы все-таки остался. Нехороший такой, осадочек.

В то же время Ордынцев ощущал и некое подспудное облегчение. Если уж столь маститый сыскарь практически в открытую обозвал измышления товарища бредом сумасшедшего, значит, так оно и есть! Уж кто-кто, а Сокольников в подобных делах должен разбираться.

Вечерело. Жаркое майское солнце медленно катилось к закату, царапая огненно-красным диском крыши многоэтажек. Пахло сиренью, выхлопными газами и разогретым за день асфальтом. Ордынцев не спеша добрал до своего старенького, припаркованного неподалеку от кафе «форда», забрался в душноватый салон и запустил двигатель. Дело сделано. Пора было возвращаться домой.

Вырулив на проезжую часть, он вклинился в монотонный, едва ползущий вперед поток машин. Наступал час пик и центральные улицы Верхнереченска задыхались в транспортном коллапсе. Глеб подумал, что при подобных темпах, лет через десять ездить по городу вообще станет невозможно.

- Пора обзаводиться велосипедом, - проворчал он, притормаживая перед очередным затором.

Глаза его следили за грязно-серым задом стоящей впереди «Волги», а мысли опять невольно скатывались на проторенную тропу.

«Нет тела - нет дела!» Подмечено, конечно, верно, однако подобная формулировка никак не могла ответить Глебу на два мучивших его вопроса: зачем возник из двадцатилетнего забвения Буквоед и почему он потом исчез снова?

В том, что голос на автоответчике принадлежит метеорологу, Ордынцев не сомневался. Точно так же, как не сомневался и в подлинности медальона. Хоть и видел его всего один раз, мельком и более двух десятилетий назад.

«Хорошо, - подумал Глеб. - Предположим, что Буквоед собирается вернуть свою находку обратно, в Афганистан. Тогда при чем здесь я?»

Грязно-серая «волга» медленно продвинулась вперед. Ордынцев выжал сцепление, потянувшись следом. А через минуту вновь остановился.

«При чем здесь я? - Повторил он мысленно вопрос. - Друзьями мы никогда не были, отношения никакие не поддерживали... Я даже отчества его не знаю!.. Сергей Макарский, метеоролог из Москвы! Вот, собственно, и все, что мне о нем известно...»

Стоп!..

Ордынцева озарило вдруг совершенно дикой догадкой. А если Буквоед приехал в Верхнереченск, чтобы нанять Глеба в качестве проводника? Или телохранителя?.. Афганистан и сегодня не самое спокойное место на земле. То талибы шалят, то миротворцы. Макарский и надумал привлечь к делу старого знакомого. А потом и вовсе решил переложить всю ответственность за медальон на плечи Ордынцева. Позвонил, напел с три короба, сунул же-

лезку в почтовый ящик и сидит теперь где-нибудь неподалеку, наблюдает за дерганьем отставного разведчика.

Глеб подавил зародившуюся было волну праведного гнева. Спокойствие и только спокойствие! Это всего лишь предположение. Глупое и фантастическое...

Грязно-серая «Волга» вновь ожила и Ордынцев торопливо двинулся за ней...

6

Эксперты «разродились» ближе к вечеру. Выслушав их доклад, Кречет посмурнел и надолго задумался. Новости его не обрадовали.

Но, делать было нечего, хочет он того или нет, а с «человечком» его московского покровителя придется встречаться. И полученную информацию озвучивать...

Спустя час с небольшим, Ананьев вошел в кабинет.

- Чем порадуете? - Прямо с порога поинтересовался он вместо приветствия.

- Да есть кое-что, - Кречет вытащил из ящика стола пакет с хранящимися внутри осколками разбитого телефона. - Несмотря на то, что отданный вами на экспертизу аппарат находится в крайне плачевном состоянии, удалось установить его идентификационный номер, а также отследить где и кем он был приобретен. Официальной хозяйкой телефона является Матвеева Зинаида Валерьевна, 1932 года рождения, проживающая в Москве. В том, что мобильник принадлежит ей чисто номинально, я лично не сомневаюсь. Но, если требуется, можно навести справки...

- Не стоит, - отмахнулся Ананьев. - Это уже не столь существенно. Меня интересуют контакты. Входящие и исходящие звонки.

- Здесь тоже особых проблем нет. Мои люди связались с оператором, который предоставлял услуги данному абоненту и получили от него вот такую распечатку. - Кречет протянул гостю несколько скрепленных скоросшивателем листов бумаги с длинным перечнем телефонных номеров. - В основном, номера московские, хотя, есть парочка зарубежных и еще несколько - из других городов России. В том числе - один наш, верхнереченский. Звонили на домашний номер Ордынцеву Глебу Романовичу, тысяча шестьдесят второго года рождения, проживающему по улице Шорса, двенадцать, квартира восемь.

Впервые за толстыми стеклами очков мелькнула искорка интереса. Ананьев придвинул к себе распечатку и занялся старательным ее изучением. Лицом своим он сейчас очень походил на лиса. Старого, матерого хищника, учуявшего запах добычи. Нос его заострился, пергаментно-желтые скулы напряглись, а в водянисто-серых глазах тускло поблескивала сталь.

Не дай бог займет себе такого врага! Лис - зверюга хитрый и коварный. Из тех, кто подкрадывается исподтишка и сразу же вцепляется в глотку. Намертво.

- Очень хорошо, - пробормотал он, наконец, и, не спрашивая разрешения, сунул листки с распечатками во внутренний карман своего пиджака. Потом вновь уставился на Кречета. - Мне нужна машина.

- Какая?

- Скромная, неброская и абсолютно чистая. В смысле - без криминального прошлого. Есть у вас такая?

- Найду, - пожал плечами хозяин кабинета и, на всякий случай, поинтересовался. - С водителем?

- Нет. С документами и незаполненной доверенностью на право управления.

7

Многострадальный роман с нетерпением ждал своего автора. Но прежде чем засесть за работу, Ордынцев открыл, так и не проверенный до сих пор, электронный почтовый ящик.

Писем, за время отсутствия хозяина, скопилось довольно много. А главной «жемчужиной», среди них, было, конечно же, послание от дочки. Хоть и коротенькое, как SMS-ка: «Жива-здорова. Лера». Зато с компенсацией в виде целой кучи прикрепленных к письму файлов с фотографиями. Дочь сдержала слово и прислала родителю настоящий фотоотчет о своей студенческой жизни.

Глеб торопливо начал открывать снимки. Ага, вот Валерия в кампусе университета, вот - на улицах Бостона, а здесь - у пенной стены Ниагарского водопада. На всех фото лицо дочери было веселым и буквально светилось от счастья. Рядом с ней маячил тощий, длинноволосый парень в круглых, как у Джона Леннона, очках.

Это и есть Стив? Тот самый юноша, имя которого в последнее время не сходит с Леркиных уст? Ордынцев всмотрелся в длинноволосого повнимательнее. С виду - парень как парень, ничего особенного. Из тех, кого теперь принято называть «ботанами». И что дочка в нем нашла?

В груди Ордынцева неприятно защемило. Глядя на присланные фотографии он вдруг с отчетливой ясностью осознал одну простую истину: его маленькое чудо - Лерка, выросла! Ей уже, без малого, двадцать один, у нее своя жизнь, свои планы на будущее, свои интересы и свой круг общения. Она медленно, но верно отдаляется от отца, от родительского дома, от всего того, что так дорого было ей в недалеком еще детстве. Валерия постепенно превращается во взрослую и вполне самостоятельную даму, а Ордынцеву остается только одно: наблюдать молча за этим неизбежным процессом и тихонько стареть...

Усилив воли взяв себя в руки, Глеб закрыл Леркино послание и углубился в изучение остальной почты. Впрочем, ничего интересного там больше не обнаружилось. Письма от издателей, письма от читателей, предложение организовать очередной творческий вечер... Рутинка...

Ордынцев закрыл «электронку», отодвинул в сторону ноутбук и порыскал взглядом по столу. Медальон лежал на том же самом месте, где и был оставлен вчера. Тщательно вымытый и просушенный. В лучах заходящего солнца металл, из которого он был отлит, еще больше походил на потускневшее от времени серебро.

Может, все-таки, это оно и есть?

Мысли незаметно перескочили на «подарок» Буквоеда. Что же с ним делать? Похоже на то, что дальнейшая его судьба полностью зависит от воли Ордынцева. А он даже не пытается понять, что представляет из себя медальон и почему Макаарскому вздумалось подарить его едва знакомому человеку?

Твою дивизию! Бывший разведчик сорвался со стула и быстро зашагал по кабинету из угла в угол, от окна к двери. Наконец решившись вернулся к письменному столу и порылся в одном из его многочисленных ящиков. Истрепанная записная книжка нашлась не сразу. Вытащив ее на свет божий, Глеб стер ладонью пыль с потерявшей свой первоначальный цвет обложки и нетерпеливо пролистнул исписанные полузабытыми именами страницы. Ага! Вот и фамилия, которую он искал!

Ордынцев бросил взгляд на часы. Без четверти девять вечера. Поздно, конечно, для деловых звонков, но лучше поздно, чем никогда...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Этой ночью он почти не спал. Вздурораженное сознание раз за разом возвращалось в прошлое - кадр за кадром, выплескивая из потаенных уголков памяти события более чем двадцатилетней давности. На зубах у Глеба снова скрипела пыль, а спину охлаждал стылый воздух афганских гор...

1988 г.

Северный Афганистан

Ордынцев сбросил наушники и раздраженно пнул дорожную гальку. Селанс радиосвязи со штабом ровным счетом ничего не дал. Комбат, видимо не рискуя принимать самостоятельное решение, велел ждать.

Глеб посмотрел на небо. Легко сказать: «Жди!» Время-то утекает! Причем, с катастрофической быстротой! А вместе с ним и все, тщательно выверенные графики движения. Пока командир свяжется с вышестоящим штабом, пока большезвездные стратеги обсудят ситуацию и сообразят, что делать дальше, уже стемнеет. Соваться же ночью во враждебный кишлак равносильно самоубийству.

- Проблемы, командир? - Спросил подошедший Несмачных.

- Пока не знаю. Велено ждать дальнейших распоряжений.

- И то - хлеб, - усмехнулся прапорщик, а потом, вмиг посерьезнев, сказал. - Зря мы все это затеяли. Дальше местные нас не пустят. Поверь моему опыту.

- Да знаю я! - Отмахнулся Ордынцев. Он и сам прекрасно понимал, что слова седобородого старца - не пустое сотрясение воздуха. Через кишлак им предстоит прорываться с боем.

Старлей окинул взором отдыхающих разведчиков и сокрушенно чертыхнулся: штурмовать селение двадцатью штыками - это чистой воды безумие! Тем более сейчас, когда местные знают об их присутствии и, надо полагать, усиленно готовятся к «теплому приему».

Однако приказ остается приказом и самовольно отменять его Ордынцев был не вправе.

- Идеи есть? - спросил он у прапора.

- Только одна. Объявляй ночевку, корми людей и пусть все ложатся спать. Утро вечера мудренее. Покудова отцы-командиры не разродятся, будем тупо сидеть и ждать.

В словах Несмачных присутствовала неоспоримая логика. Предупреждение «духи» объявили и теперь выжидают, чем дело кончится. А значит, пока разведчики не сделали хоть шаг в сторону кишлака, будет сохраняться некое подобие хрупкого перемирия. Так что эту ночь, по крайней мере, можно спать спокойно.

- Хорошо, Саша, - согласился Глеб. - Ночуем здесь. Выставь охрану и подтягивайся. Будем, как Василий Иванович говаривал, думу думать.

Шифроваться больше не имело смысла, и Ордынцев разрешил жечь костры. Ночи в горах стылые, да и горячего в ужин похлепать не мешает. И так весь день всухомятку питались, на ходу.

Взяв банку разогретой каши с мясом и кружку свежесваренного чая, Глеб направился к метеорологу.

- Ешь, столица. У вас в ресторанах такого не подают.

И действительно, изголодавшемуся за день Макарскому консервированная каша с тушенкой показалась шедевром кулинарного искусства. Он топорливо проглотил первые несколько ложек, а потом, немного сбив аппетит, начал жевать уже не спеша, впихивая с горячим чаем.

- Ну, как? - Усмехнулся Глеб. - Вкусно?

- Угу, - кивнул Буквоед, не переставая опорожнять банку.

Ордынцев устроился рядом. Нагретая за день галька хранила еще остатки тепла. Старлей откинулся спиной на один из многочисленных валунов и посмотрел вверх, туда, где за острыми краями ущелья пряталась конечная точка маршрута.

- Так что там за крепость такая знаменитая? - спросил он дождавшись, когда Макарский поест. - Почему местные считают ее священной? И при чем здесь Александр Македонский?

Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что на все эти вопросы метеоролог должен знать ответы. Слишком уж уверенно он заливал об одном ему известной крепости, якобы стоявшей когда-то наверху.

Но москвич лишь пожал плечами:

- Согласно легендам, Македонский был единственным полководцем, который смог ее захватить.

- И что? - Не понял старлей. - В чем прикол-то?

Метеоролог усмехнулся. Открыто, по-доброму:

- На Востоке к Александру Македонскому отношение было особым. Его боготворили и слагали о нем легенды, - начал он негромко. - Собственно говоря, его и за грека-то никто здесь не считал. Он был вроде бы как свой, местный. А Фирдоуси*, так и вообще изобразил его настоящим шахом иранских кровей**. Вот, поэтому и почтительное отношение к крепости, которую никто и никогда, до Александра, не мог покорить, вполне вписывается в менталитет здешнего населения.

- Даже так? - вскинул брови Глеб и снова уставился в сторону невидимой в темноте вершины. - Неужели она действительно была такой неприступной? Или, как в анекдоте, про неуловимого Джо? Просто никому не нужна?

Ордынцев вдруг встрепенулся и мысли его потекли в другом направлении:

- Слушай, а на кой черт ее вообще построили? Здесь же, как на Марсе - никакой жизни на сто верст вокруг! Ни дорог, ни людей.

- Значит, была причина, - отозвался метеоролог. - Древние никогда и ничего не строили просто так. Тем более, в горах. - Макарский доел кашу и, поставив у ног пустую банку, обхватил ладонями кружку с остывающим чаем. - Когда-то, давным-давно, в этих краях существовала страна, именуемая Сог-

* Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси. Родился около 935 (34-36) г., умер между 1020-1030 гг. Персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» (Книга царей), ему приписывается также поэма «Юсуф и Зулейха» (библейско-коранический сюжет об Иосифе). Пользуется большой популярностью и считается национальным поэтом в Иране, Таджикистане и Афганистане. Фирдоуси высоко ценил знание: «К словам разумным ты ищи пути, весь мир пройди, чтоб знания обрести». Прозвище «хаким» («мудрец», «ученый») он получил за глубину и широту своих знаний.

** В «Шахнаме» Фирдоуси Искандар рожден иранской матерью царственного рода, как законный престолонаследник, он приходит в Иран и побеждает царствующего Дара, сына Дараба. Приводится ряд сказочных эпизодов с Искандаром, напоминающих эпизоды популярного в древности романа Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском, - походы в Индию, поиски живой воды, построение вала против диких народов - Йаджудж и Маджудж.

дианой. Ее жители и создали крепость, назвав ее «Согдийской скалой». А зимой 327 года до нашей эры сюда заявился сам Александр Македонский. Пришел он, естественно, не один, а со всем своим войском. Осадил «Скалу» и предложил ее защитникам капитулировать. Однако, те лишь рассмеялись в ответ. «Вначале, отыщи воинов с крыльями птиц, - сказали они надменно. - Ибо только птицы смогут долететь до наших стен. И лишь потом мы поговорим о сдаче». Сам понимаешь, в какую ярость пришел от таких слов Александр. Ему, не знавшему поражений полководцу, словно в лицо плюнули. «Хотите увидеть крылатых македонян? - Воскликнул он гневно. - Хорошо! Вы их увидите!» И той же ночью отправил на покорение скалы - «трезубца», которая венчает гору, триста самых отборных воинов. На их родине, в Македонии, всегда хватало отвесных склонов, поэтому все земляки царя были прирожденными альпинистами. Поочередно подсаживая друг друга, с помощью веревок и острых железных костылей македоняне добрались до вершины «трезубца». Оттуда непокорная крепость была как на ладони. Александр, узнав о выполнении задания, тут же направил к согдианцам парламентариев, сказать, что его крылатые воины не только взлетели, но и заняли уже господствующую высоту. Известие об этом повергло защитников крепости в ужас. Они настолько испугались, что немедленно открыли ворота и сдались на милость победителя. А потом случилось еще одно чудо! Македонский не стал разорять крепость и казнить ее высокомерных обитателей. Наоборот, он осыпал их своими милостями и даже женился на дочери одного из местных военачальников - Роксане.

Макарский замолчал и одним глотком допил совершенно остывший уже чай.

- Да, - вздохнул Ордынцев. - Поучительная история. Кстати, а откуда ты ее знаешь?

- Как откуда? - удивленно уставился на него метеоролог. - Из книжек, конечно! Читал когда-то, на досуге.

- Ах, да! Забыл! - Старший лейтенант рассмеялся и встал на ноги. - Ты же у нас - Буквоед!

Пожелав Макарскому спокойной ночи, он направился к Несмачных. Прошрое - прошлым, а о будущем тоже подумать не мешает...

2

Ночь прошла спокойно. И лишь на рассвете из штаба батальона поступила новая вводная. Группе старшего лейтенанта Ордынцева предписывалось немедленно отойти от селения на безопасное расстояние и не приближаться к нему, вплоть до особого распоряжения.

- Они, что там, совсем с ума посходили? - Озадаченно почесал затылок Глеб и переглянулся с Несмачных. Оба прекрасно понимали, что означают подобные приказы.

Кишлак был обречен.

А спустя тридцать минут, когда из-за восточных отрогов гор выглянуло оранжево-желтое солнышко, вся округа наполнилась свистом вертолетных винтов, и над ущельем закружили грозные туши Ми-24...

Еще через полчаса, расстреляв весь свой боезапас, вертолеты улетели. Рокот винтов растворился за отрогами гор, и наступила тишина. Вязкая и тягучая.

Селения больше не существовало. Огненный смерч ПТУРСов стер его с лица земли, оставив лишь догорающие руины, облако красноватой пыли и тянущиеся к небу столбы маслянисто-черного дыма.

Вслед за улетевшими «вертушками» пришел приказ из штаба батальона. Разведчикам предписывалось произвести «зачистку» кишлака и продолжить движение к вершине.

- Что и следовало ожидать! - Буркнул Ордынцев и дал команду строиться.

Вскоре редкая, ошетилившаяся оружием цепь солдат вступила в селение. Вернее, в то, что от него осталось. Никого из местных жителей видно не было. Ни живых, ни мертвых. Только руины, пыль и вездесущий запах сгоревшего тротила.

- А где же люди? - спросил Буквояд, пораженный представшей картиной.

Ответил ему сержант Егоров. Зло и сквозь зубы:

- Ушли, конечно! Они же не самоубийцы, знали, чем дело обернется. Баб своих и детей отправили в горы, а сами засели выше по ущелью и ждут не дождутся, когда мы подойдем ближе. - Он смачно сплюнул и добавил насмешливо. - Потерпи, столица, скоро сам все увидишь.

- Гога! - Одернул разведчика Ордынцев. - Заткнись и не пугай человека! Лучше по сторонам смотри внимательнее! А ты, - он кивнул метеорологу, - держись поближе ко мне. И в случае чего, сразу падай на землю. Уяснил?

Ответить Буквояд не успел. Перебил его оклик Егорова:

- Товарищ старший лейтенант! Смотрите!

Глеб проследил за направлением сержантской руки. Шагах в трех от Гоги, засыпанный по грудь обломками дувала, лежал старик. Тот самый, что приходил вчера к разведчикам. Лежал на спине, недвижимо, устремив в небо свой крючковатый, как у Бабы-яги, нос. Слетевшая с головы чалма валялась рядом, а пыльный ветерок теребил его редкие, грязновато-белые волосы.

- Твою дивизию! - Прошептал, не сдержавшись Ордынцев и, подойдя к аксакалу, опустил перед ним на корточки. Осторожно приложил пальцы к артерии на шее старика. Пульс, слабенький, но прощупывался.

- Живой! - пробормотал Глеб поднимаясь. Смертей за время командировки в Афганистан он повидал много. И тем приятнее было осознание того, что лежащий под развалинами аксакал, несмотря ни на что, выжил. Враг он или нет, неважно. Прежде всего, он - человек.

Обернувшись, Ордынцев поискал глазами Егорова:

- Гога! Выкапывайте деда и окажите ему первую помощь! Только осторожнее! Не дай бог, у него растяжка под задницей окажется!

3

Из-под завала старика вытащили быстро, но с предельной осторожностью. Случаи минирования раненных и убитых были не в редкость. И с одной, и с другой противоборствующей стороны.

К счастью, на этот раз обошлось без смертоносных «сюрпризов». Раненого уложили на спину. Ордынцев вновь над ним склонился и, внимательно осмотрев, покачал головой: плохо дело! Глебу хватило одного взгляда, чтобы понять, дед - не жилец. По крайней мере, здесь, в полевых условиях, помочь ему нечем.

- Белкин! - Окликнул капитан радиста. - Свяжись со штабом. Скажи, что у нас «двухсотый». Пусть высылают «вертушку» для эвакуации.

Он вытер со лба пот и велел стоявшему поблизости Егорову:

- Гога, остаешься с раненым. - Взгляд его переключился на метеоролога. - И ты тоже. Дождетесь «санитарку», загрузите «духа» и бегом догонять нас. Все ясно?

Макарский хотел было что-то возразить, но Глеб остановил его взмахом руки:

- Отставить разговоры! Или отправлю тебя вместе с дедом обратно! Уяснил?
Буквоед молча кивнул.

- Вот и отлично! - удовлетворенно буркнул офицер и, уже обращаясь к Егорову, добавил. - Вколи раненному промедол, пока он от болевого шока не загнулся.

Основную группу Гога и Буквоед догнали минут через сорок, когда долина с уничтоженным кишлаком осталась далеко позади.

- В чем дело? - Недовольно рыкнул на сержанта Ордынцев. - Почему так быстро?

Раздражение офицера коренилось в данном комбату обещании вернуть столичного гостя «живым и, по возможности, здоровым». В том, что впереди засада, Глеб не сомневался. Местные ушли из кишлака не для того, чтобы прятаться. Такое поведение не в характере у гордых горцев. Они наверняка, затаились чуть выше, там, где ущелье становится совсем узким, а стены его - гладкими и отвесными, превращаясь в идеальную мышеловку для забредших туда чужаков. Там-то и предстоит крохотному отряду разведчиков схлестнуться с истинными хозяевами этих мест. Схлестнуться не на жизнь, а на смерть. И впутывать в кровавую мясорубку заезжего метеоролога Ордынцев не собирался. Нет уж, пусть отсидится себе на развалинах кишлака, в относительной безопасности, под присмотром многоопытного Гоги. А там, дай бог, свидимся еще...

- Помер наш «дух», товарищ старший лейтенант, - виновато пожал плечами Егоров. - Пришел в сознание, пошептался о чем-то с москвичом и помер.

- Что значит, «пошептался»? - Не понял Ордынцев. - Они разговаривали?

- Так точно.

Ни фиги себе! Глеб недоверчиво посмотрел на сержанта, а потом поискал глазами Буквоеда. Метеоролог брел чуть поодаль и, судя по отстраненному выражению лица, мысленно был далеко и от ущелья, и от взбирающихся в гору разведчиков.

- Товарищ Макаровский! - Окликнул его Ордынцев.

Метеоролог встрепенулся, торопливо сунул правую, сжатую в кулак, руку в карман комбинезона и прибавил шаг.

- А ты что, фарси знаешь? - Спросил Глеб, когда столичный гость поравнялся с ним.

- Немного.

- Интересное кино! - Протянул голосом офицер. - И каким боком знание иностранных языков стыкуется с профессией метеоролога?

- Это длинная история, - отмахнулся Макаровский. - Собственно, из-за знания фарси меня и отправили сюда, в Афганистан.

Ответ старлея не удовлетворил. Совсем. Однако, акцентировать на этом внимание он не стал. Лишь поинтересовался:

- И о чем же вы со стариком беседовали?

- Да так. - Нехитрый вопрос основательно смутил москвича. - Он мне завещал вот это? - Буквоед выдернул из кармана правую руку, разжал кулак и показал Ордынцеву овальный кругляшок.

Это был медальон. Тот самый, который, спустя два с половиной десятилетия, окажется в руках у самого Глеба. И тоже - в виде завещания. Но тогда времени рассматривать его у старшего лейтенанта не было. Впереди их ждала засада и бой.

Ордынцев покачал головой и, теряя интерес к метеорологу, сказал только:

- Мил человек, а знаешь ли ты, что делают на войне с мародерами?
Впрочем, Буквояд не испугался. Глаза его смотрели на старлея прямо, без опаски:

- Старик мне сам отдал медальон. - И кивнул в сторону Егорова. - Вот и товарищ сержант подтвердит. При нем дело было.

Гога кивнул утвердительно.

- Ладно, - завершил беседу Глеб. - На первый раз поверю.

И вновь окликнул радиста:

- Белкин! Труби «санитарке» отбой! Опоздали, голубчики!

4

И вновь, редкая цепочка солдат упорно карабкалась в гору. Их загорелые молодые лица покрывали пыль и копоть, а от пропотевших насквозь комбинезонов ощутимо несло гарью.

Ордынцев приостановился и, вытирая со лба испарину, окинул свой отряд взором. Несмотря на дикую усталость, отстающих не было. Даже Буквояд, монотонно покачиваясь, плелся, умудряясь еще поглядывать на зажатый в руке медальон!

«Молодец, столица!» - мысленно подивился выносливости москвича Глеб. Но вслух, скорее для порядка, прикрикнул. - Подтянуться! И по сторонам смотреть не забываем! Макаровский, тебя это тоже касается!

Услышав свою фамилию, Буквояд вздрогнул и, торопливо спрятав железный кружлячок в карман, вопросительно посмотрел на командира. Судя по выражению лица, метеоролог так углубился в какие-то, ему только ведомые размышления, что даже не понял о чем шла речь.

- Под ноги смотри! - Гаркнул Ордынцев. - Нам только калек сейчас не хватает!

Ущелье резко сужалось. Идти становилось все труднее. После кишлака тропинка исчезла и дорогу приходилось выбирать, что называется, «на ощупь», петляя среди беспорядочного нагромождения камней. Это еще больше замедляло движение, отнимая у разведчиков и время, и силы.

Внезапно шагавший впереди отряда Несмачных резко вскинул руку с предупредительно сжатыми в кулак пальцами - немой сигнал остановиться! Цепочка разведчиков мгновенно замерла. И только Буквояд, мало смыслящий в тонкостях армейского языка жестов, продолжил, по инерции, движение, врезавшись в спину впереди идущего солдата.

А до слуха Ордынцева долетел невнятный шум. Катился он откуда-то сверху и, с каждым мгновением становясь все громче, быстро перерастал в угрожающий рокот.

- Это что еще за хрень? - Глеб недоуменно посмотрел на Несмачных.

Прапор что-то кричал, яростно махал руками и медленно пятился назад. Слова его заглушало стремительно нарастающим гулом, но смысл их был понятен и так.

- Уходим! - Рывкнул во все горло Ордынцев. - Все назад! Бегом!

Он вдруг понял причину беспокойства Несмачных: сверху, по узкой горловине ущелья, неслась вода!

Но откуда! Откуда она здесь взялась? Неужели возродилась внезапно давным-давно пересохшая речка?

Бред какой-то!

Впрочем, думать о чем-либо было уже поздно. Так же, как и убежать. Мощный, сметающий все на своем пути поток выплеснулся из-за ущелья

ного изгиба и многометровой стеной обрушился на растерянно мечущихся между камней солдат.

Последнее, что увидел Ордынцев, было бледное, без единой кровинки лицо Буквоеда. Прижавшись спиной к стене ущелья, он не мигая смотрел на приближающийся водяной вал. А потом в грудь старшему лейтенанту ударила тугая волна, подхватила и, накрыв с головой, стремительно понесла вниз...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Будильник звенел не умолкая. Ордынцев открыл глаза и тупо уставился в потолок. Твою дивизию! Где это он? Куда подевались отвесные стены ущелья и пронзительно-голубое небо? Почему взгляд его упирается в белый потолок и бронзовую люстру?

Древнее механическое чудовище продолжало настойчиво терзать слух и нервы. Сколько раз Глеб порывался разнести настырный будильник вдребезги, шмякнуть о стену или выбросить в окно, но каждый раз лишь хлопал смиренно по торчащей из круглого, железного корпуса кнопке и, наслаждаясь наступившей вдруг тишиной, поднимался с постели и брел умываться. Однако этот, отчаянно дребезжащий монстр никогда не звенел просто так, от нечего делать. Если он подал сигнал просыпаться, значит, хозяину действительно нужно вставать.

Ордынцев не стал нарушать традицию. Отключив будильник, сел на кровати и, разгоняя остатки сна, принялся вспоминать, зачем, собственно говоря, его разбудили. А в голове продолжали кружиться обрывки ночных воспоминаний. Горы, «вертушки», горящий кишлак и растерянное, побелевшее от волнения лицо Буквоеда. Увидав прилетевшие вертолеты и осознав, зачем они зависли над ущельем, Макаровский был настолько потрясен, что потерял дар речи. Он только смотрел молча на штурмовую карусель, а в глазах его застыла такая неподдельная боль, от которой даже зачерствевшему на войне Ордынцеву стало тошно...

Буквоед!.. Точно!..

Глеб вынырнул из липкой полудремы. Он вспомнил, наконец, зачем заводил будильник! Этим утром у него назначена встреча с Кеплером! Вчера на звонок Ордынцева он прореагировал весьма недвусмысленно, попросив «молодого человека» внимательнее посмотреть на часы и подумать хорошенько, стоило ли будить в такое время «старого больного еврея», который едва-едва сумел уснуть... Потом, сменив вдруг гнев на милость, старейший антиквар Верхнереченска согласился-таки встретиться с Глебом завтра, часиков, эдак, в половине одиннадцатого утра.

Ордынцев покосился на свое механическое чудовище. Минутная стрелка блуждала уже в районе десяти минут десятого. Нужно спешить! Опаздывать на консультацию к Кеплеру очень нежелательно. Старик с причудами, может и обидеться.

Наскоро умывшись и кое-как поведив по щекам бритвой, Глеб выскочил из квартиры и, перепрыгивая через две ступеньки, поскакал вниз. И чуть было не снес на бегу бабу Дусю, сухощавую пожилую женщину, медленно взбирающуюся вверх по лестнице с ведром воды и шваброй в руках.

- Осторожнее, оглашенный! - Пискнула уборщица, шарахаясь в сторону и едва не роняя на пол ведро. - И сам убьешься и меня зашибешь! Опять потом кровичу по всему подъезду отмывать придется!

Глеб стремительно затормозил и встал как вкопанный перед возмущенной старушкой.

- Баба Дуся, извините, Христа ради! Торопился очень.

- Под ноги-то все равно смотреть надо! - Уже чуть мягче проворчала уборщица.

- Баба Дуся, - перешел в наступление Ордынцев. - А что вы насчет крови в подъезде говорили?

Старушка посмотрела на Глеба, как на пришельца из глубин космоса:

- Неужто не слышал какой вчера ночью мордобой у вас здесь был?

- Нет, - виновато пожал плечами Ордынцев. - Я дома не ночевал.

- А, ну ежели так!.. - И баба Дуся разразилась гневной речью относительно тех «сволочей, которые понапиваются до беспамятства, а потом морды друг дружке по подъездам колотят».

- Весь холл кровийшей уляпали, паразиты! Я уж хотела в милицию звонить. Хорошо хоть парень какой-то проходил мимо, сказал, что драка была. Мужики водку не поделили. А потом выпили мировую и по домам разошлись. Ежели б не этот хлопец, я бы подумала, что смертоубийство в вашем доме случилось. Больно много крови было.

Глеб покосился на часы. Без пятнадцати десять. До встречи с Кеплером оставалось всего ничего. Нужно закругляться и бежать дальше.

Он еще раз извинился перед старушкой и, выйдя из подъезда, направился в сторону подворотни. Кеплер жил в паре кварталов от Ордынцева и ехать к нему на машине не имело смысла. Дольше заводить будешь.

«Что ж за хрень такая получается? - Думал, вышагивая по тротуару, писатель. - Вроде бы и была заварушка в подъезде, а вроде и не было ее. Просто - мужики передрались»? Раньше такого у них не случалось, но все когда-то бывает в первый раз.

И при чем здесь тогда Буквояд? Он к этой драке каким боком причастен?

Рассказ бабы Дуси не столько прояснял картину, сколько еще больше ее запутывал.

- Ну, Серега! - Пробормотал с раздражением Ордынцев. - Попадись только мне на глаза! Дух из тебя вытрясу!

2

Официально старейший антиквар Верхнереченска Иосиф Соломонович Кеплер давно уже находился на заслуженном и, судя по огромной, хорошо обставленной квартире, довольно безбедном отдыхе.

Двери перед посетителем открыл шкафообразный охранник.

- Господин Ордынцев? - Спросил он вместо приветствия. - Будьте добры, предъявите ваши документы.

Для гостя подобное обращение новостью не стало.

У каждого свои фобии и тараканы, что уж говорить о старом, пуганном жизнью человеке. Впервые Глеб встретился с Кеплером лет десять назад и прием, оказанный ему тогда, был примерно таким же.

Секьюрити внимательно изучил паспорт, затем прошелся по посетителю металлодетектором, заставил вытащить и предъявить все, находящиеся в карманах металлические предметы, и лишь потом отвел его в кабинет антиквара.

- Иосиф Соломонович, к вам господин Ордынцев, - доложил охранник с порога и, уловив едва заметный кивок старческой головы, отступил в сторону.

Заслуженный пенсионер Кеплер восседал за огромным, обтянутым коричневой кожей столом и благостно улыбался:

- Глеб Романович! Дорогой! Рад видеть тебя в добром здравии!

«Рад-то, рад, - мысленно съязвил Ордынцев. - Но, обыскать все равно не позабыл!»! Вслух, естественно, сказал другое:

- Да и вы, Иосиф Соломонович, как всегда - бодрячком!

- Куда уж мне до вас, молодых! - Хохотнул Кеплер и, мгновенно посерьезнев, спросил. - Показывай, давай, что принес?

Время реверансов закончилось, пора было переходить к делу. Глеб вытащил из кармана медальон и положил на стол перед антикваром:

- Вот. Хотелось бы знать, с чем я имею дело.

Старик взял кругляшок в руки не сразу. Вначале осмотрел, словно сапер мину, внимательно и даже с долей подозрения во взгляде. Потом осторожно к нему прикоснулся, ощупал подушечками пальцев его поверхность, тихонько хмыкнул одному ему ведомым умозаключениям и, наконец, аккуратно, двумя пальцами, приподнял.

- Занятная вещица, - пробормотал он негромко, второй, свободной рукой вытащил из нагрудного кармана лупу и начал осмотр.

А Глеб, тем временем, с интересом наблюдал за самим антикваром.

Кеплер был очень стар. Наверно, такой же древний, как и те вещи, которыми всю жизнь проторговал. Морщинистое лицо его покрывали темные пигментные пятна, а нос, весь в красных прожилках, нависал над верхней губой вялым, мясистым хоботком. Большой красотой он не отличался и в молодости, а уж сейчас - и подавно. Зато как специалист, Иосиф Соломонович был великолепен.

- М-да, - вздохнул он, отнимая от глаз лупу. - Вещица, без сомнений, старинная. Даже скажу больше - древняя. Но, как ювелирное или художественное произведение, цены не имеет. - Кеплер сделал короткую паузу и поправился. - Не в том смысле, что бесценная, а в том, что не стоит ни шиша. Я понятно выражаюсь?

- Более чем, - кивнул Ордынцев. Примерно такого приговора он и ожидал.

- Металл, из которого изготовлен предмет, мне неизвестен, - продолжал между тем старик. - Одно могу сказать точно: это не золото, не серебро и не платина. Возможно, какой-нибудь сплав. Если желаешь узнать точнее - обратиться к специалистам.

Он повертел медальон в руках, поднес его к абажуру включенной лампы и долго рассматривал со всех сторон.

- Могу я поинтересоваться, откуда он у тебя? - спросил, как бы между делом.

- Да так, - замялся Ордынцев. - Подарок.

- А-а, - понимающе качнул головой старый еврей. - Хочешь продать?

- Пока не знаю. Сами же сказали - он ничего не стоит.

- Увы, да. - Кеплер, наконец-то, оставил медальон в покое, осторожно положив его на стол. Точь-в-точь на то самое место, откуда и взял. - Я бы посоветовал обратиться к хорошему специалисту - археологу. Вполне возможно, вещица имеет историческую ценность. Тогда, после соответствующей экспертизы, конечно, ты мог бы продать ее какому-нибудь музею или частному коллекционеру. Не думаю, чтобы за большие но, все же - за деньги. - Он бросил на Ордынцева косой взгляд и добавил. - У меня, кстати, есть на примете парочка знакомых, которые просто помешаны на безделушках «с душком истории».

«Так вот ты куда клонишь!» - сообразил наконец Глеб. - Решил, значит, навариться на комиссионных?»

И усмехнулся, понимая:

- Хорошо, я подумаю.

- Конечно! - Поддержал его антиквар. - В таких делах спешить нельзя.

Как говорится, семь раз отмерь... Еще я знаю одного очень хорошего эксперта в нужной тебе области. Профессор Амосов. Слышал о таком?

Ордынцев кивнул. Верхнереченск не настолько большой город, чтобы не знать его выдающихся жителей. Пусть даже заочно. Личным знакомством с деканом исторического факультета Верхнереченского университета Глеб похвастать не мог. Увы.

- Семен Семенович очень грамотный специалист, - продолжал свою «хвалящую оду» Кеплер. - Если есть желание, могу устроить встречу.

Честно говоря, Глеб уже не рад был тому, что napросился в гости к антиквару. А позориться еще и перед светилом местной науки не хотелось совсем. И так понятно, что медальон - обычная безделушка. Единственная же его ценность заключается в непонятной прихоти Буквоеда. Вот приспичило ему доставить кругляшок в горы Афганистана и хоть ты тресни, а отвези! Такой, видите ли, бзык, у него случился.

Собственно говоря, Глеб почти ничего о Макаарском и не знает. А то, что знает, относится к Буквоеду двадцатилетней давности. За эти годы он мог свихнуться, например. Или обзавестись какой-нибудь идеей фикс, положив на алтарь ее осуществления всего себя, без остатка.

Двадцать пять лет - слишком долгий срок, чтобы всерьез воспринимать странные и довольно подозрительные, с точки зрения здравого смысла, подарки от вынырнувшего из небытия человека.

- Нет, спасибо, - сказал Глеб, забирая со стола медальон. - Как-нибудь, в другой раз.

- Ну, дело твое, - развел руками антиквар и поднялся. Он был мал и тощ, словно недокормленный в детстве подросток. - А на тот случай, если все же передумаешь, возьми номерок Амосова. - Кеплер протянул гостю белый квадратик визитки. - Скажешь Семену Семеновичу, что от меня. Думаю, он не откажется от встречи.

Старый еврей знал, как делать гешефт. Умел быть полезным. И окружающим, и, естественно, самому себе.

Визитку Ордынцев взял. Не глядя сунул ее в карман и, попрощавшись покинул кабинет антиквара.

3

Пока Глеб беседовал с Кеплером, начала портиться погода. Ласковое майское солнышко спряталось за хмурым одеялом туч, готовых вот-вот пролиться на город дождевыми потоками. Где-то, в отдалении, гроыхала гроза.

- Час от часу не легче! - пробормотал, досадливо Ордынцев, прикидывая, успеет ли он добежать до своего дома, прежде чем начнется дождь или лучше не рисковать и вызвать такси? Вообще-то, любому виду транспорта Глеб предпочитал собственные ноги. Он любил, если позволяло время и расстояние, прогуляться пешком.

Раздумья Ордынцева длились недолго. Выступив из-под подъездного козырька, он решительно зашагал к своему дому.

Надвигающийся дождь принес прохладу. Воздух посвежел, ощутимо пахло озоном. Глеб сунул руки в карманы брюк и пальцы сами нащупали шероховатую поверхность медальона.

- Вот, дурак! - пробормотал улыбнувшись писатель. - Понапридумывал всяких небылиц и сам же в них и поверил!

Его начал пробирать нервный смехок. Шерлок Холмс, хренов! Решил найти скрытый смысл в безделушке, изготовленной древним неумехой-кустарем. Тоже мне - шедевр мирового искусства!

Глеб свернул к обочине, собираясь перейти улицу и внезапно почувствовал взгляд. Мимолетный, но невыносимо тяжелый. Кто-то, идущий следом, мазнул глазами по его спине и отвернулся. Торопливо, словно боясь себя выдать.

Это еще что за новости? Ордынцев рефлекторно напрягся. Такого с ним не случалось со времен Афганистана. Именно там он впервые ощутил на себе подобный взгляд. В горах, за секунду до того, как рядом с головой щелкнула о камни пуля невидимого стрелка.

Глеб перешел проезжую часть, снова вступил на тротуар и украдкой посмотрел через плечо. Никого подозрительного вокруг не наблюдалось. На улице было немногочисленно. Какой-то парень, в кожаной, не по сезону теплой курточке, бредет, поигрывая зажатой в руке газетой. Позади него две дородные тетki, оживленно переговариваясь, торопятся к остановке автобуса. Еще дальше - мужчина, под ручку с совсем еще юной девушкой...

Ордынцев чертыхнулся. Стоп! Довольно! Ему только мании преследования для полного счастья и не хватает! Даже если кто-то и посмотрел на слишком вежливо на его спину, это еще не повод сходить с ума!..

Над головой раскатисто прогрохотал гром и с неба упали первые капли дождя. Крупные и холодные, как ледышки. Глеб зябко поежился. Добежать до дома он уже не успевал. Зато совсем рядом, в двух шагах от него, приветливо поблескивала прибитой к двери подковой знакомая кафешка. Ордынцев не раздумывая устремился внутрь.

Здесь его знали. Довольно часто, не желая мучиться дома с туркой, он заскакивал сюда выпить чашечку кофе. Благо, готовили его в заведении со скромным названием «Подкова», вполне прилично.

- Вам, как всегда? - поинтересовалась подошедшая официантка, улыбочивая светловолосая девчонка, учившаяся когда-то в одном с Леркой классе.

- Да, Аннушка, с коньячком, если можно.

За широкими окнами резко потемнело и по стеклам забарабанил дождь. Даже, скорее, ливень. Его косые струи сплошной стеной отрезали малочисленных посетителей кафе от внешнего мира. «Подкова», словно океанский лайнер, плыла теперь сквозь пелену дождя в неизвестность. Из неоткуда в никуда.

- Ваш кофе!

Мелодичный голос официантки и ударивший в нос аромат свежесваренного напитка вырвали Глеба из колдовского оцепенения, навеянного дождем.

- Спасибо, Аннушка, - наградил девушку ответной улыбкой Ордынцев. - Ты сегодня обворожительна!

- Я знаю! - Прыснула официантка и отошла к стойке бара, а Глеб, взяв в руки крохотную чашку, сделал осторожный глоток.

И едва не поперхнулся, когда его спину снова обожгло чьим-то тяжелым взглядом.

Твою дивизию! Ордынцев отставил чашку и демонстративно не скрываясь обернулся в ту сторону, откуда прилетел взгляд. За ближайшим к выходу из «Подковы» столиком устраивался тот самый парень, в кожаной, не по

сезону теплой курточке. Газеты при нем уже не было, а сам он с головы до пят вымок и выглядел довольно жалко.

Глаза их на долю секунды встретились, а потом парень смущенно потупился и начал сосредоточенно вытирать носовым платком свое мокрое лицо.

Глеб отвернулся. Агрессия его быстро сошла на нет. Несмотря на откровенно враждебный взгляд, ничего угрожающего в парне за дальним столиком не было. Обыкновенный молодой человек, спрятавшийся, как и Ордынцев, от дождя под ближайшей крышей.

Ну и пусть смотрит, если есть желание. Во всяком случае, коснись чего, постоять за себя Глеб сумеет. Армейское прошлое хоть и кануло в Лету, но навыки остались. На уровне рефлексов, намертво вбитые инструкторами в мышечную память организма.

Впрочем, парень больше никак себя не проявлял. Наскоро проглотив рюмку водки, для профилактики от простуды, наверно, он рассчитался и торопливо покинул кафе.

А Ордынцев долго еще сидел, откинувшись на спинку стула и поглядывая через окно на заливающий тротуары дождь. Плеск воды навевал воспоминания, снова, в который уже раз за последние сутки, перенося бывшего разведчика в прошлое...

4

1988 г.

Северный Афганистан

Глеб очнулся от боли. Резкой и пронзительной. Голова гудела, мысли путались и никак не желали выстраиваться во что-то цельное.

Впрочем, это - еще цветочки. Основным же источником его мучений был правый бок. Туда, словно вогнали острый, раскаленный добела крюк, который безжалостно ворочался под ребрами и грозил вот-вот проткнуть легкие.

Боль становилась нестерпимой. Настолько, что Глеб не сдержался и застонал. Вернее, попытался это сделать. Но, едва его губы разомкнулись, как в рот хлынула вода. Он поперхнулся, закашлялся и... окончательно вспомнил, где находится.

Твою дивизию! Так ведь и утонуть недолго! Судорожно взмахнув руками, он рванулся вверх, к теплу и свету. На секунду голова его выскочила из воды. Глеб сделал торопливый вдох и открыл глаза. Вокруг бушевала пенная стремнина реки, а высоко в небе, зажатое стенами ущелья светило солнце. Сюда, вниз, лучи его почти не проникали, однако на душе у старлея стало немного веселее.

Слава богу! Он все еще жив! Губы сами собой растянулись в глуповатой улыбке, но тут же, словно в отместку за преждевременную радость, правый бок пронзила новая волна боли и что-то твердое, основательно засевшее между ребер, якорем потянуло мужчину на дно.

Источника своих страданий Ордынцев не видел, однако, чисто интуитивно догадался, что это может быть. Пока он находился без сознания, течение безумной реки прибило тело к огромному, одиноко торчащему из воды обломку скалы и насадило боком на один из его острых выступов.

И тем это спасло ему жизнь. Если бы не «крючок» под ребрами, Глеба уже давно размолотило потоком о стены ущелья.

Глоток воздуха и осознание того, что с ним приключилось, окончательно вернули ему способность думать. И одновременно разбудили дремавшие до сей поры, инстинкты самосохранения. Практически вслепую он нащупал

шероховатую поверхность камня, уперся в него всеми четырьмя конечностями и из последних сил рванулся в сторону.

- Давай!!!

В районе грудной клетки будто бомба взорвалась! Дикая, нестерпимая боль оглушила, парализовав все мышцы. Но полностью погасить сознание разведчика она так и не смогла. Каким-то шестым чувством Глеб ощутил, как правый бок его соскальзывает с каменного крючка. Медленно, толчками, со слышимым даже сквозь воду противным скрипом.

Рывок! Еще! Еще!

Есть!..

В следующую секунду течение подхватило обессиленное тело и стремительно потянуло его за собой вниз, к подножию горы.

Нет! Нельзя! Он должен остаться здесь!

Нечеловеческим усилием воли Ордынцев выдернул себя из объятий болевого шока и в последний момент успел ухватиться руками за камень. Пальцы нащупали под водой злополучный выступ и вцепились в него мертвой хваткой.

Вот так-то лучше!

Скрипя зубами от напряжения и боли, он подтянулся. Голова вновь вынырнула из воды, а легкие получили, наконец, спасительную порцию воздуха.

Хорошо! Так держать!

Глеб еще немного подтянулся и всем телом прилип к выступающей из воды верхушке камня. Все! Спасен!.. Теперь от гранитного монолита его и танком не оторвешь! Он прижался к мокрой, холодной тверди и с наслаждением зажмурился. Ордынцеву позарез нужен был отдых. Хоть на минутку, хоть на краткий миг. Лишь бы перевести дыхание и собраться немного с силами. Рядом редела в бессильной злобе река, то и дело швыряясь в человека градом ледяных брызг. Ну и черт с ними, не страшно! Главное - он выжил, а значит есть надежда, что уцелели и другие...

...Потом, на поиски пропавших разведчиков прилетела десантура и тщательно, метр за метром обшарила всю округу. Обнаружила на вершине горы развалины какой-то древней крепости и попутно разгадала загадку внезапного наводнения, вмиг смывшего двадцать, ничего не подозревающих солдат.

Было все, до обидного, просто. Оказывается, река, в стародавние времена бежавшая по дну ущелья, совсем не пересохла. Руки каких-то умельцев изменили ее русло и по системе тоннелей она начала стекать в огромную подземную пещеру, расположенную чуть выше злополучного кишлака. Там, огороженное хитроумными дамбами, плескалось целое озеро ледяной и кристально-чистой воды. Кто построил все эти гидротехнические сооружения, так и осталось загадкой. Одно было ясно: делались они очень и очень давно. Может, даже одновременно с той самой крепостью, о которой рассказывал Буквоед.

Зато не составило никакого труда уяснить, с какой целью их возводили. При необходимости, с помощью специального шлюза, вся эта многотысячетонная масса воды практически мгновенно спускалась в ущелье, на короткий миг превращая его в смертельную ловушку для любого, кто имел несчастье там оказаться.

Именно под этот рукотворный «девятый вал» и попали разведчики. Столь замысловатым способом «бачи»* отомстили им за уничтоженный ракетным ударом кишлак...

* «Бачи» (слэнг) - афганцы.

Обшарившие ущелье солдаты нашли тела всех разведчиков. Выжил только Ордынцев.

Да еще Буквоеда признали пропавшим без вести, потому как ни живым, ни мертвым, обнаружить его так и не удалось...

5

Гроза закончилась так же быстро, как и началась. Ливень стих, небо слегка просветлело и Ордынцев заторопился домой.

А там его уже ждал новый сюрприз. Тоже - не из приятных. Сунув ключ в замочную скважину, Глеб с удивлением обнаружил, что входная дверь не заперта.

- Что за?.. - Обескураженно пробормотал он и попытался вспомнить, закрывал ли уходя квартиру?

Вообще-то, подобной небрежностью Ордынцев никогда еще не грешил. Хотя все, как известно, когда-то бывает в первый раз.

Так и не решившись утверждать со стопроцентной точностью, что брошенное не запертым жилище - не его рук дело, Глеб переступил порог и замер, не узнавая собственной обители. Прихожка была перевернута вверх дном. Одежда, обувь, сапожные щетки, сто лет хранившиеся на антресолях коробки - все это безобразной кучей валялось на полу.

Твою дивизию! После секундного шока до Ордынцева начала потихоньку доходить суть произошедшего. Сам ли он забыл закрыть входную дверь или ее вскрыли злоумышленники, но в квартире кто-то погостил. И не с очень добрыми намерениями.

Глеб прислушался. Вокруг царил тишина. Если воры и не ушли еще, то, услышав шум, затаились.

Ладно. Сейчас проверим!

Не разуваюсь он осторожно прошелся по комнатам. Пусто. И мусорно. Как и в прихожке, во всей остальной части жилища царил полнейший ералаш.

Час от часу не легче! Ордынцев присел на краешек дивана и обвел глазами учиненный погром. По идее, давно пора было звонить в полицию, но что-то его удерживало. Что-то, чего он и сам не мог пока понять.

Глеб встал, снова прошелся по квартире и лишь тогда осознал наконец причину своей нерасторопности. В кабинете, поверх груды сваленных на пол книг, лежали его золотые часы. Швейцарские и очень дорогие. Почему их не забрали?

Странные, однако, воры посетили его берлогу!

Заинтригованный Глеб поковырялся в вещах. Документы, деньги и парочка золотых запонок тоже оказались нетронутыми.

Чудеса!

Если воры что-то и искали, то отнюдь - не ценности или деньги. Тогда что же?

Ответ напрашивался сам собой. Глеб достал из кармана медальон и задумчиво повертел его в руках. Интересное кино получается! Неужели неведомые домушники искали именно его?.. Зачем?..

А сознание уже резанула непрошенная мысль. Что, если Буквоед действительно мертв, и убили его именно из-за этой самой вещицы? Убили, но до медальона добраться так и не смогли! Макаровский успел сунуть железку в почтовый ящик, передав в наследство Ордынцеву не только ее, но и все проблемы ее сопровождающие?..

Ну, спасибо, братишка, удружил! Глеб снова опустился на диван и совершенно по-новому взглянул на невзрачный подарок метеоролога.

Что такого ценного может в нем скрываться? Ведь даже признанный спец в области антиквариата не нашел в медальоне ничего заслуживающего внимания?

Может, действительно, все дело в истории?..

Внезапно Ордынцев вспомнил тяжелый взгляд в спину и дважды попадавшего ему на глаза молодца в кожанке. А немного поразмыслив, пришел к неутешительному выводу: похоже, первое его впечатление оказалось верным. За ним следили. Вернее, паренек в куртке присматривал за тем, чтобы Глеб не забрел случайно раньше времени домой...

Пронзительный звонок телефона заставил Ордынцева вздрогнуть. Он спешно сорвал трубку и рявкнул:

- Да!

- Папа? - Голос Валерии обиженно дрогнул. - Я не вовремя?

Глеб осел на диван и медленно перевел дыхание. Проклятье! Не хватало еще дочку напугать!

- Извини, Лера, я не думал, что это ты. Как дела?

- Нормально. А с тобой все в порядке?

- Да.

- Мне показалось, что ты чем-то очень сильно расстроен?

- Успокойся, милая! - Бодро отозвался Ордынцев. - Все тип-топ.

И торопливо уводя разговор в более безопасное русло, сказал:

- Посмотрел присланные фотографии. Этот паренек, в очках, и есть твой ненаглядный Стив?

Лерка засмеялась:

- Да. И, судя по тону, он тебе не понравился?

- А он и не барышня, чтобы мне нравиться! - Натянуто пошутил Глеб. - У вас - роман?

На секунду в трубке зависла пауза. А потом Лерка взорвалась:

- Папка! - Она протестующе повысила голос. - Если ты еще не заметил, я уже взрослая девочка!

- Да знаю я, знаю. Не кипятись. - Поспешил остудить пыл дочери Ордынцев. - Просто, волнуюсь я за тебя. Боюсь, как бы глупостей не наделала.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Валерия сменила гнев на милость. Из динамика снова полился ее звонкий смех:

- Папка, папка, какой же ты у меня хороший! Я тебя очень-очень люблю! А со Стивом мы - друзья. По крайней мере, пока. Он мне, конечно, нравится! Он умный и добрый. Как ты. Но ничего серьезного между нами нет. Так что спи спокойно. О'кей?

Ну, что тут скажешь? В глазах Ордынцева защипало.

- Ага, - вздохнул он обреченно. - Океюшки.

Несмотря ни на что, после разговора с дочерью на душе стало немного легче. Так и не удосужившись побеспокоить полицию, Глеб вернулся в прихожку и повернул ключом в замке входной двери. Не сломан. Закрывается легко. Видимо, чтобы проникнуть в квартиру, злоумышленники воспользовались отмычкой, а уходя, просто прикрыли поплотнее дверь и даже не стали пытаться ее запереть.

Да и зачем? Свое дело они сделали, а светиться лишние секунды у порога чужой квартиры было бы не совсем разумно.

«Пора ставить дверь на сигнализацию», - подумал Ордынцев и тут же, позабыв о столь разумном решении, занялся уборкой.

Часа через полтора, не спеша ликвидировав следы погрома, Глеб заглянул в холодильник, вытащил оттуда полкоралки копченой колбасы и пару

сырых яиц. Больше ничего съестного не оказалось. Следовало бы сбежать в магазин, запастись провизией.

Но это позже. Утомленный утренней нервозностью организм не мог больше ждать. Он требовал еды. Какой угодно, лишь бы сейчас, не откладывая.

Сварганив себе яичницу с колбасой и запив ее зеленым чаем, Глеб блаженно откинулся на спинку стула. Посмотрел выжидательно на телефон. Ну же, соколки, звоните! Украсть медальон не получилось, пора бы вам перейти к более цивилизованным действиям. Хотя, если на их совести уже есть убийство, то ждать от них джентльменских поступков не стоит. А вот попытаться выяснить с кем он имеет дело, в данном случае просто жизненно необходимо.

Мысли опять завертелись вокруг медальона. Ну не стыковался вид этого куска железа с той суетой, которая вокруг него завертелась. Какой-то секрет у неброской вещицы все же должен быть!

И ничего другого, кроме его исторической ценности, в голову не приходило. Во время афганской эпопеи Макаровский рассказывал о крепости на вершине горы и о покорении ее войсками Александра Македонского. Не здесь ли скрывается разгадка? Может медальон каким-то боком связан с именем великого полководца?

Рука Ордынцева сама потянулась к взятой у антиквара визитке. Эх, была не была! Показал себя полным кретином в гостях у Кеплера, почему бы не повторить тот же трюк и с Амосовым?..

Телефон профессора отозвался не сразу. Глеб хотел уже положить трубку, когда услышал недовольное:

- Слушаю!

Судя по голосу, ведущего археолога области оторвали от очень важных дел. Поэтому Глеб сразу же перешел к главному:

- Здравствуйте, Семен Семенович! Моя фамилия Ордынцев. Я - по поводу небольшой консультации.

- Ах да! - вспомнил Амосов и, уже более дружелюбно, добавил. - Еся меня предупреждал. Давайте-ка, через часок, подъезжайте в университет. А там, созвонимся и я вас встречу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Профессор Амосов оказался крепким, поджарым старичком с удивительно цепким взглядом. Густая шевелюра его отливала благородной сединой, а высокий лоб пересекали глубокие морщины.

Несмотря на преклонность лет, он явно пребывал в неплохой физической форме. Подтянутый, с прямой спиной и обветренным, успевшим уже загореть лицом.

- Ну-с, показывайте, что такое поставило нашего бедного Есю в тупик? - Сказал профессор, крепко пожимая Ордынцеву руку. - Кеплер мне звонил сегодня. И, признаюсь честно, я давненько не помню, чтобы он был настолько озадачен!

После этих слов пришел черед «озадачиться» и Глебу. Значит антиквар оценил все же показанную ему вещицу? Но предпочел промолчать, перенаправив посетителя в более компетентные руки?

Однако!

Глеб вытащил медальон и протянул его профессору. Амосов торопливо нацепил на нос очки, а потом, остановившись прямо посреди длинного и

довольно оживленного университетского коридора, поднес кружляшок к проему окна и принялся внимательно разглядывать. Вокруг сновали, обтекающая застывших мужчин, студенты. С профессором здоровались, а он, полностью увлеченный своим делом, лишь кивал рассеянно головой.

- М-да, - промычал, наконец, Семен Семенович, с явным сожалением отрываясь от созерцания медальона. - Занятная штука. И откуда она у вас?

- Из Афганистана, - не стал вдаваться в подробности Глеб.

- Путешествовали?

- Так точно, - усмехнулся Ордынцев. - В каске и в сапогах.

- В смысле?

- Служил я там, в восьмидесятых. В ограниченном контингенте советских войск.

Лицо профессора просияло:

- Ах, вот вы о чем! А я-то - пень старый - сразу не сообразил. И как случилось?

- По-разному.

Вдаваться в воспоминания Ордынцев не собирался. Не за этим он сюда пожаловал.

- А знаете, я ведь тоже бывал в тех краях, - сказал Амосов, снимая очки. - Только в конце семидесятых. Как раз перед самым вводом войск. Мне тогда крупно повезло. Я умудрился попасть в экспедицию профессора Сарианиди. Слыхали о кладе «Тилля Тепе»*?

Глеб отрицательно покачал головой. В чем, в чем, а в археологии он был не силен.

- Под городом Шеберганом, в Северном Афганистане, мы обнаружили несколько царских захоронений бактрийского периода. Совершенно не тронутых лопатами грабителей! - Глаза Семена Семеновича азартно блеснули. - Представляете? Это крайне редкая удача для археолога! Первое столетие до нашей эры и в идеальном состоянии! Мы раскопали пять могил, достали из них около двадцати тысяч предметов. В основном - украшений и монет. К сожалению, от всех этих сокровищ остались только описи и фотографии. Вывезти находки в Союз афганцы не позволили. А потом началась война и следы их потерялись.

Амосов по-детски подбросил медальон в воздух и ловко поймал его обратно.

* *Тилля Тепе* («золотой холм» перс.), холм около современного города Шебергана в Афганистане с остатками следов древних сооружений. Это было наиболее древнее поселение всего Шеберганского района. Оно возникло около трех тысяч лет назад. Холм Тилля Тепе представляет собой руины не рядового поселка, а монументального сооружения, видимо храма, построенного в конце II тысячелетия до н. э. Жители возвели на этом месте шестиметровой высоты кирпичную платформу, обнесли ее мощной оборонительной стеной с круглыми башнями. Внутри храм разделяла массивная стена на два парадных многоколонных зала с алтарем в центре одного из них. Несколько раз храм перестраивался и видоизменялся, пока к середине I тысячелетия до н. э. не был сожжен пришельцами. На пепелище некоторое время ютилась небольшая деревушка, но и она вскоре опустела. В IV в. до н. э., когда в Бактрию вступают войска Александра Македонского, это был уже совершенно безлюдный холм.

В конце 1970-х годов при раскопках, проводимых в этих местах профессором Сарианиди, были обнаружены семь царских захоронений, пять из которых археологи вскрыли. Из них достали около 20 тысяч золотых предметов. Коллекция эта получила название «Шеберганского клада» или «клада Тилля Тепе». Впоследствии в прессе эти же находки фигурировали под названием «Бактрийское золото».

- Так вот: эта ваша «штукенция» напоминает мне один из артефактов клада «Гилля Тепе». Только тот был более изящнее и выполнен в серебре. А вот здесь, в центре, где у вас восьмигранная выемка, сверкал огромный агат.

- Может он раньше и в этом медальоне был? - Выдвинул предположение Ордынцев. - А потом потерялся или вытащили? Лет-то немало прошло.

- Вполне возможно, - согласился Амосов и толкнул дверь своего кабинета. - Входите, присаживайтесь.

Обитель научного светила была весьма скромной: письменный стол, компьютер, несколько стульев и огромный, во всю стену, книжный шкаф. Единственным украшением кабинета служила стройная черноволосая женщина в джинсах и легкомысленном топике, поливающая цветы на подоконнике. Но и та, при виде вошедшего профессора, стрельнула в сторону Ордынцева недовольным взглядом и, не сказав ни слова, вышла. У Глеба создалось впечатление, что он невольно нарушил какие-то женские планы.

Амосов же, казалось, даже не заметил ни даму, ни ее демонстративный уход. Он не останавливаясь сразу же направился к книжному шкафу и, поковырявшись там, вытащил на свет божий объемистый, слегка припорошенный пылью альбом.

- Вот, смотрите. - Профессор грохнул фолиант на стол перед Ордынцевым и торопливо пролистал несколько страниц. - Здесь фотографии находок, о которых я говорил. А вот, - он ткнул пальцем в один из снимков, - тот самый медальон.

Глеб всмотрелся в фото. Действительно, похоже! Только контуры поворнее, а сторона, которая у ордынцевского, осталась необработанной, на бактрийском изделии идеально отшлифована и покрыта замысловатым узором. Ну и, конечно же, сразу бросался в глаза агат в центре! Огромный, просто фантастически большой камень, насыщенно-черного цвета.

- Ну и как? - Поинтересовался Семен Семенович. - Находите сходство?

- Несомненно.

Археолог вновь осмотрел лежащую на его ладони «штукенцию»:

- А могу я узнать поточнее о месте, где вы его взяли? Афганистан - он ведь очень большой.

Скрывать такие подробности Глеб не счел нужным:

- Тоже на севере. Недалеко от Файзабада.

Ученый на секунду задумался.

- Ага, понял. Но это уже не Бактрия! В тех краях властвовало другое государство. Согдиана.

- Да, да! - Вспомнил Ордынцев. - А место, где нашли медальон, называлось «Согдийская скала».

Амосов замер, недоверчиво уставившись на посетителя.

- Вы уверены?

- Да. По крайней мере, так говорил один товарищ, который был там вместе с нами. Вершину горы, на которую мы взбирались, украшали развалины старинной крепости и он обзывал их «Согдийской скалой». А еще рассказывал о том, как Александр Македонский захватил ее с помощью «крылатых воинов». Или, проще - альпинистов, которые...

- Я знаю, - прервал Глеба профессор. - Только ваш спутник, по-моему, слишком поверхностно подходит к историческим реалиям. Иначе не стал бы делать столь поспешных выводов. О Согдийской скале ученые спорят

давно, однако вычислить ее точное месторасположение никому пока так и не удалось.

Амосов присел на краешек заставленного цветочными горшками подоконника и, словно извиняясь, улыбнулся:

- Увы, Глеб...

- Романович, - подсказал Ордынцев.

- Увы, Глеб Романович, судя по всему, вас ввели в заблуждение. По крайней мере, последние исследования ученых доказывают, что скорее всего легендарная крепость находилась на территории нынешнего Узбекистана*. А вообще, вокруг Согдийской скалы бродит великое множество легенд и преданий. Например, - улыбнулся профессор, - в качестве бреда, конечно, могу вам поведать одну из них. Древние обитатели тех мест верили, что в этой крепости живут потомки богов. Когда-то, в незапамятные, допотопные еще времена, они спустились на землю и некоторое время обитали среди людей. Даже сожительствовали с женщинами из местных племен. Боги - как и положено богам - умели летать, читать чужие мысли, двигать взглядом предметы. В общем, творили разные чудеса, вплоть до воскрешения усопших. А потом собрались дружно и умотали обратно на небо, оставив своих беременных любовниц рожать в одиночестве нажитых от богов детей. Местные мужики очень осерчали на улетевших и, недолго думая, заточили их бывших пассий, вместе с потомством, в отрезанную от всего мира высокогорную крепость. Которая впоследствии и получила название Согдийская скала. Детки росли. И хоть явных признаков их божественной сути так и не проявилось, окружающие все равно относились к ним с большой долей подозрения. И, одновременно, на всякий случай, с почтением. Македонский, когда покорил крепость, хотел перебить всех ее защитников в наказание за их дерзость. Но умные люди подсказали Александру, с кем он имеет дело. Тогда полководец, считавший себя сыном Зевса, решил породниться с потомками чужих богов. И женился на девушке по имени Роксана. Шаг, несмотря на всю кажущуюся абсурдность, вполне логичный. Македонский мечтал о создании божественной династии и хотел повелевать всем миром!

Профессор опять улыбнулся:

- Повторяю, что все рассказанное относится к области народного фольклора. В реальности дело обстояло гораздо проще. Крепость защищали непокорные согдианцы и Александр не мог начать Индийский поход, не давлив последние очаги сопротивления в своем тылу.

Амосов встал с подоконника и снова уставился на медальон.

- Честно говоря, Глеб Романович, ваша «штуakenция» меня здорово заинтриговала. С виду неказиста, но чувствуется в ней седая старина. А еще у меня сложилось впечатление, что медальон с шеберганского клада - это лишь поздняя копия вашего. - Он помолчал в раздумьях, потом спросил. - Вы не могли бы оставить мне его на пару деньков? Хочу познакомиться с ним поближе.

От такого предложения Ордынцев даже растерялся слегка. А Амосов, расценив молчание гостя по-своему, уселся за стол и начал писать расписку.

- Мне требуется два-три дня, - сказал профессор напоследок. - Потом я настрою соответствующее заключение и верну ваш медальон в целостности и сохранности.

* В ста километрах к югу от Самарканда, в ущелье Кок-су.

2

Труп обнаружили рыбаки. Вернее, он сам себя обнаружил, зацепившись за крючок удочки, а несчастному хозяину рыболовной снасти ничего иного не оставалось, как вытащить утопленника на берег и торопливо вызвать полицию.

Труп был свежий, без заметных признаков разложения. Да и речные обитатели поработать над ним еще не успели.

- Сутки, максимум, полтора, - безапелляционно констатировал медэксперт. - Точнее скажу после вскрытия.

Следователь кивнул и, вытащив из мятой пачки «Кэмела» сигарету, щелкнул зажигалкой. На простого утопленника мужчина не тянул, на самоубийцу или жертву несчастного случая - тоже. Не тянул по той простой причине, что в теле бедолаги сидели две пули: одна под левой лопаткой, вторая - в голове.

А еще у него были отрублены кисти рук. Видимо, убийца очень хотел, чтобы его «клиента» не опознали.

- Грамотно кончили, - изрек один из оперов, высокий и болезненно худой парень с ядерной фамилией Бугай. - С контрольным в башку. Чувствуется, что профи сработал.

«Нашел чем восхищаться!» - Недовольно поморщился следователь. Дежурство явно не задалось. Вначале был выезд на кровавую «бытовуху», теперь вот этот «жмур», невесть откуда заплывший в «гости» к рыбакам. Впрочем, откуда он «заплыл» было более-менее понятно. Метрах в четырехстах выше по течению виднелся автомобильный мост. Вот оттуда мужика и притащило течением. Киллеры, прикончившие его, привязали к ногам убитого какой-то груз и сбросили с моста. Чтобы, как говорится, «концы в воду». Однако то ли веревка оказалась с дефектом, то ли еще по какой причине груз оборвался, а стремнина вынесла несостоявшегося утопленника на речную отмель. Прямоком на крючок рыбацкой удочки.

Следователь еще раз взглянул на покойного. Тот лежал на спине в луже набежавшей с мокрой одежды воды. На ногах его белели обрывки веревочных пут, во всклоченной гриве абсолютно седых волос застрял какой-то мусор, а заострившееся землисто-серое лицо «украшал» рваный, тянущийся от правого виска через всю щеку к подбородку шрам. Старый и уродливый, делающий мертвеца похожим на средневекового пирата. Ну, а дополняло картину, аккуратное, расположившееся в самом центре морщинистого лба отверстие. След от вошедшей в череп пули.

Да, «контролили» мужика с профессиональной педантичностью. Следователь со злостью отшвырнул едва прикуренную сигарету. Еще один «висяк» на его голову! Что ж ему так везет сегодня?

В том, что это дело попадет в производство именно к нему, следователь был уверен на все сто.

- Чем порадуете? - Спросил он, подходя к операм.

- А ничем, - сокрушенно пожал плечами Бугай. - Карманы утопленника девственно чисты. Ни то, что документов, соринки малой не осталось. Видать, перед тем как в воду сбросить, «терпилу» хорошенько обшмонали.

Кто бы сомневался! Следователь снова полез в пиджак за сигаретами. И без того дерьмовое настроение его продолжало стремительно уходить в минуса.

Впрочем, отчаиваться и записывать на свой счет очередного «глухаря»* следователь не торопился. Шансы, что убийство раскроется, имелись. И немалые.

* «Глухарь» (слэнг) - не раскрытое убийство.

Во-первых, слишком уж приметным было лицо фигуранта. «Шикарный» шрам сразу выделял его из любой толпы прохожих. К тому же, шрам старый, а значит успел намозолить людям глаза. Кто-нибудь обязательно вспомнит этого седо-гривого «пирата». Главное, проявить немного терпения и настойчивости.

Во-вторых - одежда. Неброская, но говорящая знающему человеку о многом. Костюм на мертвом был не из дешевых, да и ботинки из отличнейшей кожи тянули не на одну сотню долларов. Такими на рынках не торгуют.

Значит, при жизни мужчина не бедствовал. А это тоже зацепка. Неопознанными состоятельные граждане обычно не умирают. У них есть наследники, компаньоны. Через день-другой кто-то из них обязательно объявится и проведет опознание.

В кармане пиджака звякнул телефон.

- Алексей Васильевич, - голос дежурного по городу заставил следователя напрячься. - Еще одно убийство. Двойное. Завалили какого-то антиквара и его телохранителя.

3

Вечером Глебу позвонил Сокольников.

- Привет! - Выпалил он нетерпеливо и сразу же перешел в атаку. - Ну и задачку ты мне подкинул, старина!

- Ты о чем? - Слегка растерялся Ордынцев.

- Не о чем, а о ком! О Макарском, конечно, о ком же еще!

У Глеба даже дыхание сперло:

- Неужели нашел?

- Это - как поглядеть, - раскатисто хохотнул приятель. - Может нашел, а может и нет. - Он сделал драматическую паузу и продолжил. - Самого твоего метеоролога я, конечно же, не искал. А вот досье на Сергея Игнатьевича Макарского раздобыл. Только, чур, не спрашивай где и как! Хорошо?

- Степа, не томи! - взмолился Ордынцев. Его уже трясло от нетерпения и любопытства.

- Так вот, - торжественно изрек сыщик. - Буквоед твой оказался весьма занимательным типом. А самое главное - мертвым.

В груди Ордынцева больно екнуло сердце:

- Значит его все же убили?

- Не совсем, - отозвался Степан. - Он погиб. В автомобильной катастрофе. И знаешь, когда?

- Ну?..

- Летом 1988-года. Сорвался в пропасть в Таджикистане.

- Как так? - Опешил Глеб.

- Не знаю, дружище. Гадание на кофейной гуще - не мой профиль. Кстати, ты сейчас дома?

- Да.

- Тогда включай компьютер и загляни в свою электронную почту. Я тебе сбросил кое-какую информашку. Почитай, попей чайку, а потом перезвони мне. Спать я сегодня лягу не скоро, так что - не потревожишь.

Последние слова приятеля Ордынцев слушал на бегу. Он вихрем ворвался в свой кабинет, запустил компьютер и, грузно рухнув в кресло, перевел дыхание.

Спокойствие и только спокойствие! Усилием воли Глеб заставил сердечную мышцу биться ритмичнее. Вот так! Никакого нервоза! Голова должна быть светлой и ясной.

Наконец загрузочное мельтешение на экране монитора сменилось веселенькой заставкой, на которой пышногрудая блондинка в купальнике наблюдала закат среди пальм и песчаных пляжей. Ордынцев придвинулся поближе к компьютеру и открыл почтовый ящик.

Как такового, письма не было. Лишь несколько прикрепленных файлов. Ордынцев открыл первый и увидел фотографию Буквоеда.

Это, действительно, был он! Тот, двадцатипятилетней давности!

- Ну, здравствуй, юность боевая! - пробормотал себе под нос Глеб. - Давненько не виделись!

В следующем файле шла краткая биографическая справка.

Согласно ей, Макаровский Сергей Игнатьевич родился в 1961 году в городе Балашиха Московской области. Там же он провел детство и закончил среднюю школу. Потом поступил в МГУ, на факультет, именуемый Институтом стран Азии и Африки, и после окончания отделения истории стран Ближнего и Среднего Востока продолжил обучение в аспирантуре. В 1984 году, в самый канун пресловутой «перестройки», защитился и стал кандидатом исторических наук. А в 1988-ом, во время археологической экспедиции в Таджикистан, погиб в результате автомобильной катастрофы.

К справке прилагалось и заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого следовало, что автомобиль УАЗ -464, на котором востоковед Макаровский возвращался из горного Бадахшана в Душанбе, слетел с дорожного серпантина, упал в пропасть и загорелся. Обугленный труп ученого опознали по стоматологической карте и фрагментарно уцелевшим отпечаткам пальцев.

Все. На этом официально задокументированная часть биографии Макаровского заканчивалась. Как он умудрился ожить и, спустя двадцать с хвостиком лет, заявиться в Верхнереченск история умалчивала. Точно так же, как ни слова не было сказано о его поездке в Афганистан.

Создавалось впечатление, что Буквоед, биографию которого Глеб читает, и тот, с которым они встречались за Речкой*, это совершенно разные люди.

Один был историком, другой - метеоролог. Один - разбился в Таджикистане, другой - пропал без вести в афганских горах...

Ордынцев снова вернулся к файлу с фотографией. Молодой крепкотелый парень, с умным, слегка напряженным взглядом. Брови сосредоточенно нахмурены, а в уголках плотно сжатых губ играет тщательно скрываемое веселье.

Да, это он! Никаких сомнений. Это - Буквоед...

Тишину квартиры расколол телефонный звонок. Ордынцев вздрогнул. Твою дивизию! Так и зайкой остаться можно!

Он снял трубку:

- Алло!

- Почту смотрел? - Видимо Степан и сам сгорал от любопытства.

- Угу.

- И как? Интересно?

- Очень. Вот только понимать я стал еще меньше.

- Эх, Глебушка, Глебушка, - сочувственно вздохнул Сокольников. - Наивная ты простота. Шпионом твой Макаровский был. Или разведчиком. Это - смотря на кого работал. А где-то в спецхранах, под очень внушительным

* «Речка» (слэнг). - Имеется ввиду река Пяндж, по которой проходила Советско-афганская граница.

грифом секретности, лежит папочка с настоящей его биографией. Там есть и воинское звание, и перечень полученных наград, и список операций, в которых он участвовал. - Степан перевел дыхание. - В этом списочке наверняка указано, что летом 1988 года товарищ Макаровский, под видом ученого-метеоролога, выполнял важное и жутко секретное задание в горах Афганистана. Где и пропал без вести.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Первая половина следующего дня прошла на удивление спокойно. Проснувшись, Глеб уселся за рукопись и, почти до самого вечера не вставал из-за письменного стола.

Работа спорилась. Пальцы летали над клавиатурой, а на мониторе строка за строкой рождалась очередная глава его многострадального романа. Ордынцев давно не писал на бумаге. Разве что делал иногда наброски или фиксировал внезапно посетившие голову мысли. Все остальное он доверял компьютеру.

Работа над рукописью поглотила его настолько, что когда зазвенел телефон он даже вздрогнул от неожиданности. Слишком резок и неуместен был сейчас этот звук. Слишком чужд для того мира, в котором пребывал писатель.

Глеб поднял трубку:

- Алло.

- Глеб Романович, здравствуйте! Это Амосов. Узнали?

- Конечно! Добрый день, Семен Семенович.

- Вот добрым его как раз и не назовешь, - вздохнул горестно профессор. - Вы новости местные смотрели?

- Нет, - насторожился Ордынцев. Честно говоря, ни радио, ни телевизор он особо не жаловал. Новости узнавал обычно из Интернета, просматривая между делом полосы информационных сайтов. - А что стряслось?

- Кеплера убили. Вчера еще. Прямо в квартире.

- Кто?

- Неизвестно. Полиция пока ничего конкретного не говорит.

- А как же охранник? - Глеб вспомнил вдруг плечистого секьюрити антиквара. - Неужели не защитил старика?

- Его тоже убили.

Ого! У Глеба перехватило дыхание, а по спине начал растекаться предательский холодок. Невольно вспомнился поход к Кеплеру, ощущение слезки на улице и учиненный неизвестными злодеями погром в квартире. А теперь, как завершающий аккорд, известие о смерти старика!

Можно, конечно, прикинуться дурачком и списать все творящееся вокруг на случайное стечение обстоятельств, но...

Черт побери! И ведь все сходится! События прошлого дня сами собой выстроились в единую целостную цепочку. Когда он ушел к антиквару, злоумышленники отправили следом «хвост», а сами тем временем забрались к Глебу в жилище. Девяносто девять процентов из ста, что целью их визита был злополучный афганский сувенир. Не обнаружив его у Ордынцева, бандиты переключились на самое вероятное место, где медальон мог оказаться - на кеплеровскую квартиру.

Дальше цепочка, к сожалению, обрывалась. А сценарии развития событий начинали множиться, теряя ту «железобетонную» основу, которую так

любит частный детектив Сокольников. Но, в общем, они довольно четко укладываются в две магистральные версии. Если Кеплера убили сразу, то вскоре неведомые злодеи снова заявятся «на огонек» к Глебу. И в этот раз они не будут особо с ним церемониться.

Если же антиквара вначале допросили, то вполне вероятно, что всплыло имя Амосова...

Плохо! Очень плохо! Медальон становится опасен. Причем - смертельно!..

Холодок со спины начал быстро перебираться в область грудной клетки. «Сергея, Сергей! Во что же ты меня втравил?» - Подумал Ордынцев. А вслух спросил:

- Семен Семенович, где медальон?

- В лаборатории, у химиков. Они пытаются определить состав металла, из которого он отлит. А заодно установить время его изготовления. - Амосов сделал короткую паузу и добавил. - Да вы не переживайте! За сохранность вашей «штуkenции» я ручаюсь головой. Ничего страшного с ней не случится.

Глеб протяжно вздохнул. С медальоном может и не случится, а вот за людей, которые с ним соприкоснулись, он начинал всерьез опасаться.

- Семен Семенович, будьте осторожны. Возможно, Кеплера убили именно из-за этой самой «штуkenции».

В трубке воцарилась тишина. Амосов переваривал услышанное.

- Да ну, глупости! - Изрек он наконец. - Медальон не настолько ценен, чтобы из-за него убивали людей.

- Как знать, как знать, - пробормотал в ответ Ордынцев. - В любом случае поостерегитесь. А завтра утром я обязательно его заберу.

И, предупреждая ненужные расспросы, отключился.

2

Несколько долгих минут он сидел неподвижно, закаменев, словно памятник разбитым надеждам. Потом встал, прошелся по комнате и, подойдя к окну, прижался горячим лбом к прохладе стекла. Вечерело. Солнце перевалило через крыши и укатилось куда-то к закату. Их уютный и глубокий, как колодец, дворик наполнился тенью и приятной прохладой. Взгляд Ордынцева скользнул по припаркованным у подъездов машинам, по гомонящей на детской площадке ребятне и застыл, зацепившись за знакомое лицо. Широкоплечий, спортивного вида парень лениво курил возле приютившейся у въезда во двор машины - неброской, грязно-синей «тойоты» с наглухо тонированными стеклами.

- Тебя мне как раз и не хватало! - Прошипел, наливаясь гневным багрянцем, Ордынцев.

Он узнал курильщика. Именно этот паренек следил за ним по дороге от Кеплера. А теперь он спокойно дымит сигареткой, расположившись под самыми окнами!

- Ну, сучонок! Держись!

Ордынцев никогда не считал себя героем. Как, впрочем, и трусом тоже. А из бурной офицерской молодости вынес одно золотое правило: лучшая защита - это нападение. Только атакуя можно переломить ситуацию, разрушить планы врага и перехватить инициативу.

Что ж, если не знаешь как поступить дальше, сделай шаг вперед!

И Глеб сделал. Он торопливо обулся и, как был в футболке и спортивных штанах, выскочил из квартиры. Ему надоело играть в эти непонятные

кошки-мышки. Надоело чувствовать себя дичью, пойманной на прицел неведомого охотника. Хватит, пора показать зубы и прояснить ситуацию. Раз и навсегда!

Вихрем слетев на первый этаж, он выбежал из подъезда и... застыл, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни грязно-синей «тойоты», ни дымящего возле нее парня больше не наблюдалось!

3

Вернувшись домой, Ордынцев посмотрел на себя в зеркало.

- Да, Глеб Романович, - вздохнул, внимательно разглядывая широкоскулое, с заметным вкраплением азиатской крови лицо. - Такими темпами ты скоро в психушку загремишь! Под фанфары!

Он не мог поверить, что парень с сигаретой ему привиделся. Слишком уж реальной была картинка.

Нет, скорее всего наблюдатель заметил выглянувшего в окно Ордынцева и решил смыться. От греха подальше.

А значит, рано или поздно, он появится вновь.

Глеб осторожно, прячась за шторой, выглянул во двор. Пусто.

Проклятье! Неужели и впрямь померещилось?

Он тряхнул гудящей, как растревоженный улей головой и вернулся в кабинет. К черту! Был парень или не был, следят за ним или нет, а он будет жить своей обычной жизнью и никакие уроды не смогут ему в этом помешать!..

Об убийстве антиквара на местных новостных сайтах писали довольно много. И, в основном, одно и то же. Неустановленная группа налетчиков проникла в квартиру Кеплера. Убили охранника, а самого хозяина связали и подвергли мучительным пыткам. Таким, что сердце старика не выдержало. Он умер от инфаркта.

Судя по словам сотрудника пресс-службы ГУВД, имело место банальное ограбление. Правда, что и в каких размерах похищено, следствие сказать пока затруднялось. Не знало оно и численного состава банды. Камеры видеонаблюдения, установленные в подъезде и в квартире Кеплера, оказались отключены, что наводило на мысль о причастности к преступлению кого-то из близких антиквара.

Глеб откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Мимо! Если верить заявлениям полиции, все его размышления о причинах убийства Кеплера яйца выеденного не стоят. Он понавыдумывал теорий заговоров, а действительность оказалась куда как проще и страшнее. Квартира богатого антиквара - очень лакомая приманка для разного рода отморозков.

Сразу же вспомнился Амосов. Позвонить ему, что ли? Может, извиниться? Напугал бедного профессора своими идиотскими бреднями! Глеб потянулся было к телефону, но передумал. Нет, не стоит. Завтра он поедет в универ забирать медальон. Тогда и объяснит Семену Семеновичу из-за чего панику сеял.

Потихоньку напряжение спадало. Мысли об афганском сувенире, убийстве Кеплера и хлопчике из темно-синей «тойоты» сменялись другими, более прозаическими. Пора из мира полуреальных приключений возвращаться на грешную землю. Время идет, а работа над рукописью снова оставалась. И с этим тоже что-то надо делать.

Война - войной, но на хлебушек зарабатывать нужно.

4

Парнишка с сигаретой больше не объявлялся. Ордынцев несколько раз украдкой выглядывал во двор, но ничего подозрительного не замечал. Или ему, действительно, все привиделось, или противник изменил тактику и стал хитрее.

Впрочем, Глебу было плевать. Он снова погрузился в мир будущего романа и все происходящее «в реале» его сейчас мало волновало...

За окнами уже совсем стемнело, когда снова зазвонил телефон.

- Глеб Романович! Добрый вечер!

Амосов?!.. Господи, что опять стряслось?

Сердце Ордынцева тревожно сжалось.

- Слушаю вас, Семен Семенович.

- Извините за столь поздний звонок, но, - в голосе археолога плескалось едва сдерживаемое ликование, - дело крайне важное!

- Что случилось? - Невзира на радостный тон собеседника, тревога не уходила.

- Глеб Романович, вы не могли бы подъехать ко мне на кафедру?

- Сейчас? - Ордынцев покосился на часы. Почти одиннадцать вечера.

- Да, сейчас. Уж очень хочется вам кое-что показать.

- Что именно?

- Глеб Романович, дорогой, кажется, я разгадал-таки тайну вашего медальона!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Когда Ордынцев подъехал к монументальному, сталинской постройки зданию исторического факультета, приоткрывшегося чуть в стороне от административного корпуса универа, часы показывали полночь. Город погружался во тьму, а небо затягивало черным одеялом туч.

«Похоже, скоро снова польет», - подумал с досадой Глеб, избегая по широким ступеням парадного входа. Дверь перед ним гостеприимно распахнулась и улыбающаяся физиономия Амосова произнесла:

- Заходите!

- Добрый вечер, Семен Семенович! - Не сдержавшись улыбнулся в ответ Ордынцев и крепко пожал протянутую руку. Неунывающий оптимизм профессора оказался штукой заразной. - Чем порадуете?

- Открытием! - Безапелляционно заявил археолог и кивнул высунувшемуся из будки охраннику. - Со мной! - Крутанул «вертушку» турникета. - Пойдемте в кабинет. Там все сами увидите.

Он не оборачиваясь направился к помпезной лестнице, ведущей на второй этаж. Глеб поспешил следом. Двигался Амосов довольно бодро, хотя выглядел уставшим. Лицо его осунулось и посерело, зато глаза, невзирая на залегшие вокруг тени, лучились радостным блеском, как у заядлого игрока, которому улыбнулась вдруг Фортуна.

- Эх, Глеб Романович, дорогой! - Не сдержавшись покачал головой Амосов. - Как же вы могли столько лет скрывать такую «штуку»? Наука вам этого не простит!

«Ого! - Мысленно присвистнул Ордынцев. - Вот даже как»!

- А в чем, собственно говоря, дело? - Спросил он, сгорая от нетерпения. Его собеседник, хоть и был почтенным профессором, паузу умел тянуть не хуже заправского актера.

Семен Семенович остановился и с интересом посмотрел на гостя:

- Вы что, действительно ни о чем не догадывались?

- Нет.

- Бедняга, - вполне искренне посочувствовал ему археолог. - Ладно, тогда слушайте и удивляйтесь. Начнем с того, что медальону вашему, по самым скромным подсчетам, лет, эдак, двадцать... - он коротко хохотнул и добавил. - В смысле, тысяч.

- Ух ты! - Вырвалось у Ордынцева. - Двадцать тысяч лет? Правда?

- Чистейшая! Могу бумагу показать. Официальный документ, именуемый «Экспертным заключением». Со всеми полагающимися печатями и подписями. - Улыбка сползла с профессорского лица. Видимо недоверие, прозвучавшее в голосе собеседника, его слегка задело. Он отвернулся и застучал каблуками по мрамору ступенек, а гостю не оставалось ничего другого, как покорно плестись следом.

Все же годы давали о себе знать. Поднявшись на второй этаж, Амосов снова остановился. Отдышаться. А потом не сдержавшись заговорил вновь:

- Но почтенный возраст вашего медальона еще не самое удивительное. Основные странности обнаружились, когда я попросил коллег провести его спектральный анализ.

Амосов покосился на спутника, а в глазах его мелькнула насмешливая хитринка:

- Глеб Романович, знаете ли вы из чего сделана ваша «штукенция»?

- Нет, - пожал плечами Ордынцев. - А вы?

- Я - тоже, - признался профессор. - И все наши эксперты в недоумении. Отметим только повышенное содержание в данном материале примесей магния и бария. А вот с чем именно они имеют дело, сказать затруднились. Металла, из которого отлит медальон, официально не существует.

Глеб ошарашенно уставился на собеседника. Шутит он, что ли? А Амосов, как ни в чем не бывало, продолжил путешествие по полутемным коридорам кафедры археологии.

- То есть, вы хотите сказать, - начал было Ордынцев, но Семен Семенович тут же его перебил.

- Да, уважаемый. Я хочу сказать, что все физико-химические показатели говорят об одном - ваш медальон изготовлен из неизвестного современной науке материала и по неизвестной технологии.

Профессор окинул гостя довольным взглядом победителя и добавил:

- К тому же, неизвестен и язык, на котором сделаны надписи на одной из сторон. В этом направлении, правда, экспертиза проведена довольно поверхностно, так что глобальные выводы делать еще рановато.

Амосов перевел дыхание, а потом продолжил удивлять:

- Только и это еще не все. Мои лаборанты - ребята продвинутые, решили отсканировать «штукенцию» и создать ее виртуального двойника. Так вот, когда они увеличили копию в двадцать раз, то знаете, что получили?.. Карту! Якобы необработанная сторона медальона на самом деле является подробнейшим трехмерным изображением какой-то местности. - Профессор притормозил у двери с табличкой «Амосов С.С.» и привычно толкнулся внутрь. - Да вы и сами сейчас во всем убедитесь.

Он переступил порог кабинета:

- Прощу!

2

Помимо вошедших, в кабинете находился еще один человек - все та же стройная черноволосая женщина, которая в первый визит Ордынцева поливала цветы на подоконнике. На этот раз, правда, она не стреляла осудительно в Амосова глазами и не торопилась удалиться за дверь.

Напротив, она бесцеремонно оккупировала профессорское кресло и, даже не взглянув на вошедших, продолжила какие-то, только ей ведомые манипуляции с клавиатурой профессорского же компьютера.

Впрочем, на эту наглость Семен Семенович отреагировал вполне спокойно. Лишь поинтересовался у «окупантши»:

- Ну как, Оленька? Нарыла чего-нибудь интересного?

- Есть два похожих места, - не отрываясь от экрана сказала черноволосая. - Одно в Иране. Совпадение в пределах восьмидесяти пяти процентов. Второе - в предгорьях Перуанских Анд. Там - девяносто два процента идентичности.

- И все? - Голос Семена Семеновича звучал слегка разочарованно.

- Да. К сожалению, программа работает довольно медленно, так что с окончательными выводами придется подождать. Всего, кстати, определилось девять более-менее подходящих точек. Параметры их еще обрабатываются. Пока что степень совместимости весьма невысока. Не более шестидесяти-семидесяти процентов.

- Ну, за двадцать тысяч лет много воды утекло, - пожал плечами Амосов. - Землетрясения, наводнения, эрозия, подвижки земной коры. Ландшафт мог измениться до неузнаваемости.

- Мог, - кивнула женщина. - Однако два десятка тысячелетий - не настолько критический, с точки зрения геоморфологии, срок, чтобы кардинально изменить облик рельефа в целом. Да и начинать, если мы серьезно хотим найти это место, с чего-то надо. Так почему бы и не с Перу или Ирана?

Амосов и женщина продолжали вести малопонятный стороннему слушателю разговор, а взгляд Ордынцева зацепился за какой-то предмет, виднеющийся из-под горы бумаг, наваленных на профессорском столе. Он присмотрелся и узнал краешек своего медальона. Рука непроизвольно потянулась к нему, захотелось забрать и уйти, оставив ученых один на один с их бесконечным диспутом. Но Глеб сдержал порыв. Вместо этого он демонстративно кашлянул:

- К-хе! Простите, что мешаю вашей беседе, но время позднее и я хотел бы, наконец, узнать зачем меня пригласили?

- Ах, да, извините! - вскинулся Амосов и, махнув рукой в сторону женщины, сказал. - Для начала знакомьтесь: Ольга Семеновна, доктор исторических наук, моя дочь. Именно ей принадлежит честь открытия тайны вашего медальона.

Наследница Амосова оторвала взгляд от монитора и, подняв голову, довольно посмотрела вначале на отца, а потом и на его спутника. Глеба обожгло зеленым огнем ее кошачьих глаз. Огромных и внимательных. Только теперь до него дошло, насколько женщина хороша собой. Длинные черные волосы мягкой волной ниспадали ей на плечи, будто рамкой обрамляя продолговатое, загорелое лицо с чистым высоким лбом, аккуратным, чуть вздернутым кверху носиком и слегка припухлыми губами.

Сердце Ордынцева сжалось и заняло. Он осознал вдруг, что эта «докторша» чем-то совсем неуловимым похожа на его покойную жену. Ту, тридцатипятилетнюю Марго, какой она навеки осталась в памяти Глеба.

Усилием воли Ордынцев отвел взгляд. Но, видимо, поздно, потому как щеки Ольги Семеновны начали наливаться румянцем. То ли от стыда, то ли от гнева.

И в этот самый миг плафоны под потолком кабинета мигнули, а потом на корпус исторического факультета опустилась непроглядная тьма.

3

- Что за?.. - Воскликнул озадаченно Амосов.

Глеб на ощупь добрался до двери и выглянул в коридор. Там царил такая же темнота.

- Похоже - света во всем здании нет, - констатировал он. - Я спущусь вниз, узнаю у охраны в чем дело?

- Лучше это сделаю я, - подала из темноты голос Ольга Амосова.

- Почему?

- Вы, не ровен час, заблудитесь во тьме, - хмыкнула женщина. - А я все наши закоулки наизусть знаю. К тому же, - густой мрак кабинета вспорол тоненький лучик света, - у меня в телефоне фонарик имеется.

- Она права, - поддержал дочку профессор. - В наших лабиринтах даже я плутаю.

- Ну, как хотите, - пожал плечами Ордынцев. Напористость Амосовой-младшей его слегка покорила, однако, как человек разумный, он не мог не признать, что она права. На все сто.

Обдав гостя тонким, едва уловимым ароматом духов, Ольга протиснулась через порог и застучала каблучками по пустому и гулкому коридору. Тоненький лучик света, покачиваясь в такт ее шагам, быстро отдалялся, а потом и вовсе исчез за ближайшим углом.

- И часто у вас электричество отключают? - Спросил Глеб, с трудом отрывая взгляд от того места, где растаял силуэт ушедшей женщины.

- Да не так чтобы очень, но бывает, - отозвался профессор и тут же переключился на более интересную для него тему. - Кстати, что вы там говорили о связи медальона со смертью Еси Кеплера?

- Иосифа Соломоновича убили вскорости после моего визита к нему.

- И что? Это имеет какое-то отношение к вещице?

- Не знаю. Возможно. В то самое время, когда я гостил у Кеплера, кто-то произвел обыск в моей квартире. Причем, если это были воры, то очень странные: они не взяли из нее ничего ценного.

- Думаете, искали медальон?

- Похоже на то, - вздохнул Глеб. - Не нашли и отправились к антиквару, решив, что я его продал.

- А откуда они узнали о вашем визите?

- За мной следили.

- А, ну да, ну да, - в голосе археолога мелькнула нотка откровенного недоверия. Слишком уж неправдоподобной казалась история. Да что греха таить, Ордынцев и сам не понимал, где кончается правда и начинается его вымысел. Слишком все переплелось и запуталось.

- Так надо в полицию заявить! - Сказал Амосов. - «Штукенция» ваша, действительно, очень странная и необычная. Чем дольше я с ней вожусь, тем больше вопросов у меня возникает.

- Кстати, - вспомнил Ордынцев и, вытянув руки вперед, сделал осторожный шаг в сторону профессорского стола. - Медальон я, пожалуй, заберу.

Он наткнулся на какой-то стул и тихо выругался.

- Вы куда? - Поинтересовался из темноты Амосов.
 - За медальоном, куда же еще?
 - Он у меня в кармане.
 - Нет. Он на столе, - рука Глеба коснулась груди бумаг и зашарила в поисках прячущегося между ними металлического кругляша.
 - Молодой человек, - вздохнул Семен Семенович. - Там копия. Наши аспиранты сделали. На память. А настоящая «штуakenция» у меня в кармане.
 Тыфу ты! Пальцы Ордынцева нащупали краешек лежащего на столе медальона, прошлись по нему осторожно и отдернулись. Да, на столе лежала копия! Металл был мертвый и холодный. Подушечки пальцев совершенно не почувствовали теплоты.
 А в следующий миг тишину исторического факультета распорол истошный женский крик.
 - Оля!?! - Взвился Амосов. Его фиолетово-черный, едва угадывающийся во мраке комнаты силуэт рванулся было к выходу, но Глеб решительно преградил ему дорогу.
 - Сидите здесь и не высовывайтесь! - Рявкнул он на ухо профессору, а сам, распахнув дверь кабинета, бросился бежать по коридору. Туда, откуда донесся крик.

4

Ольгу Амосову он нашел по ее импровизированному фонарю. Тоненький светодиодный лучик, вырывающийся из корпуса мобильного телефона, словно маяк указывал дорогу в темноте.

Женщина сидела на корточках, склонившись над неподвижным телом охранника. В глазах ее плескался ужас, а перекошенное нервной судорогой лицо, словно белая маска, отсвечивало в темноте не хуже телефонного фонарика.

- Что случилось? - Спросил, подбегая к ней Глеб.

- Он мертв! - Выдохнула, чуть слышно, Амосова.

Ордынцев склонился над охранником и приложил пальцы к его шее. Пульса не ощущалось. Парень действительно был мертв. Судя по неестественно вывернутой голове, ему свернули шею. Быстро и профессионально.

Под сердцем Глеба разлился противный холодок. Он вскочил на ноги сам и рывком поднял Ольгу.

- За мной! - Крикнул Ордынцев и, схватив женщину за руку, потащил ее к лестнице. - Быстрее! Семен Семенович в опасности!

Услышав имя отца, Ольга мгновенно вышла из ступора и даже попыталась вырвать свою кисть из плена цепких мужских пальцев. Правда, безуспешно. Глеб держал крепко. Вместе, шаг в шаг, они помчались по ступенькам широкой лестницы, а топот их ног далеко разносился по гулким коридорам здания. Надеяться, что после такого грохота они сумеют добраться до профессорского кабинета незамеченными, не стоило и думать.

Поэтому, когда густую тьму распорола огненная вспышка, Глеб совсем не удивился. Лишь инстинктивно толкнул спутницу на пол, подумал отстраненно: «С глушителем работают!» и тут же рухнул следом за Ольгой. Высоко над головой знакомо вжикнула пуля. Смягчив падение вытянутыми вперед руками, Ордынцев перекатился в сторону и крикнул Ольге:

- Лежать! - Затем вновь поднялся на ноги. Согнувшись в три погибели и стараясь держаться вплотную к стене, он рванулся вперед, на выстрел, готовый в любую секунду опять рухнуть на пол, уходя с траектории полета

нового свинцового «вжика». Однако, все обошлось. Никто больше по нему не стрелял, зато вдалеке послышался топот удаляющихся ног. Судя по перестуку ботинок, преступников было, как минимум, двое. Глеб ринулся следом за ними, но тут же остановился, услышав отчетливый звук сбоку. Где-то неподалеку, скрытый чернильным мраком, стонал человек.

- Семен Семенович? - Позвал, борясь с нехорошим предчувствием Ордынцев. - Это вы?

- Медальон! - Выдохнул из темноты профессор. - Они хотели забрать медальон!

- Хотели или забрали? - Спросил Глеб, склоняясь над сидящим у двери своего кабинета Амосовым.

- Забрали. Копию. Со стола. И убежали.

Профессорская рука коснулась Ордынцева, прошла по его боку и, достигнув кармана пиджака, сунула внутрь какой-то предмет:

- Глеб Романович, - прошептал Амосов. - Возьмите свою «штуakenцию» и хорошенько ее спрячьте. Когда эти хлопцы сообразят, что схватили подделку, они вернутся обратно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Опять припустил дождь. Крупные холодные капли его срывались с чернильной высоты небес и с громким плеском били о землю, наполняя тишину ночи монотонным, надоедливym гулом. Глеб и Ольга стояли под козырьком больницы. Женщина курила, а Ордынцев молча вслушивался в непрекращающийся шум дождя.

Снятие свидетельских показаний и оформление всех формальностей заняло часа два. Поэтому до больницы, куда увезли профессора, Глеб и Ольга добрались лишь в начале третьего ночи.

И, как оказалось, зря. В палату к пострадавшему их не пустили, а дежурный врач лишь сообщил невнятное:

- Рана не опасная. Обычная ссадина на затылке. Имеет, правда, место сотрясение мозга средней тяжести. Так что господин Амосов побудет пару дней у нас, на контроле. Двигаться ему нельзя, нервничать тоже. А лучшее лекарство - это сон. Мы дали ему снотворное. Со всеми вытекающими... В общем, приходите завтра...

Ну, что ж, завтра, так завтра. Главное, с профессором все в порядке. Удар злоумышленника оказался не настолько сильным, чтобы нанести ему серьезное увечье. А сотрясение... Сотрясение - это мелочи, через месяц уважаемый профессор о нем и не вспомнит...

- Ладно, - нарушила молчание Ольга. - Пора домой ехать.

- Да, - Глеб покосился на женщину и снова почувствовал, как предательски сжалось сердце. Она действительно очень напоминала ему супругу. - Вы где живете?

- На проспекте Революции.

- Я подвезу?

Амосова пожала плечами:

- Бога ради.

Вскоре они уже ехали на ордынцевском «форде» и лениво разговаривали. Спутница курила, а Глеб чувствовал исходящее от нее тепло и тихонько млея. Ольга ему нравилась. Нравилась, несмотря на приличную разницу в

возрасте и, несмотря на то, что они были едва знакомы. Присутствие ее заставляло сердце мужчины биться сильнее, а кровь почти закипать в венах. А еще он остро ощущал желание обладать ею. Обладать физически.

После смерти Марго прошло более десяти лет. Ордынцев не стал монахом и женщины у него время от времени появлялись. Иногда на неделю, иногда всего на одну-единственную ночь. Однако, ни любовью, ни даже мимолетным увлечением назвать эти «романы» было невозможно. Всю свою жизнь Глеб любил только ее - свою жену Маргариту. Любил и продолжал любить...

Едва не закрипев зубами, он вырвался из пелены дум. Да что же такое с ним происходит? Неужели эта черноволосая дамочка смогла разбудить в нем те же чувства, которые когда-то разожгла Марго?..

- О-о, да вы меня не слушаете совсем! - Амосова покосилась на водителя и в голосе ее мелькнули нотки обиды.

- Простите, задумался, - сознался, через силу раздвинув губы в улыбке, Глеб. - А скажите, Ольга, как вы умудрились вычислить местонахождение точки, указанной на медальоне?

- Очень просто. Есть такая программа специальная. Ну, наподобие той, что сличает отпечатки пальцев и из миллионов, забытых в базу данных образцов, выбирает один, наилучшим образом соответствующий предоставленному для опознания. Так и здесь. Принцип примерно тот же. У каждой точки на земном шаре свои, только ей присущие черты. Вот компьютер и ищет совпадения.

- И что, работает безошибочно?

- Практически. Бывают иногда «двойники», как в случае с вашим медальоном. Но и они не стопроцентные. Все равно один подходит под образец больше, другой - чуть меньше. Да и карте, выгравированной на медальоне, около двадцати тысяч лет. Папа прав: за это время много чего изменилось. - Потом тронула за руку Ордынцева. - Ну, вот мы и приехали! - Указала на нужный дом. - Притормозите здесь, пожалуйста.

Глеб выкатил на безлюдный в это время суток тротуар и остановил машину рядом с парадной. Дождь продолжал лить и Ольга могла промокнуть.

- Спасибо, - Амосова приоткрыла дверку, собираясь выйти, а потом вдруг спросила:

- Вы домой не торопитесь?

- Да не особо, - пожал плечами Глеб, а сердце в груди отчаянно екнуло.

- У меня коньяк в буфете завалился. Выпьем по рюмочке? За знакомство и за папино здоровье?

- А муж против не будет?

- Муж - объелся груш, - грустно улыбнулась Ольга. - Глушите машину, Глеб Романович...

2

Самое ценное в современном мире - это информация. И тот, кто обладает ею в полной мере, практически всегда оказывается «на коне».

Каждый день в кабинет Кречета стекались реки и ручейки самой разнообразной информации, а он, как заправский аналитик, перелопачивал эти «авгиевы конюшни», выискивая там крупницы именно того, что помогало ему делать деньги и управлять людьми.

Это занятие доставляло Кречету настоящее наслаждение. Больше даже, чем наркота. Он чувствовал себя богом, властителем человеческих судеб и неприметным кукловодом одновременно.

Правда, не сегодня. Сегодня Кречет готов был даже приплатить немного, лишь бы не знать того, что происходит в его городе.

А там снова запахло лихими девяностыми... Предчувствие беды, посетившее его после звонка из Москвы, начинало сбываться. За сутки Верхнереченск завалило трупами. И за каждым из них маячил сухой и очкастый «человечек» его московского покровителя.

Стори они все в аду! И покровитель, и этот худосочный дьявол с мордой старого лиса! Они порешают свои дела и смоются в Белокаменную, а Кречету здесь жить! Полиция, конечно, не настолько сообразительна, как показывают в кино, но если выяснится все же, что к той горе трупов Кречет имеет хоть косвенное, но отношение, его бизнесу и его репутации будет нанесен непоправимый удар.

Нет, нужно звонить в Москву и требовать от покровителя, чтобы он приструнил своего опричника! Хватит уже трупов! Верхнереченск не настолько велик, чтобы «проглотить» такое количество «жмуриков» одновременно.

Поддавшись порыву, Кречет потянулся было к телефону и тут же вздрогнул от расколовшего кабинетную тишину звонка.

- Слушаю, - сказал он, снимая трубку и уже заранее зная, кто сидит на другом конце линии.

- Привет, сибиряк, - глуховатый голос московского покровителя звучал с чуть заметной иронией. - А ты, смотрю, исправился. Чуть телефон тренькнул, сразу трубку хватаешь.

- Да, честно говоря, я сам собирался вам звонить, - отозвался, чувствуя как пересыхает в горле, Кречет.

- И по какому поводу?

- По «человечку» вашему. Слишком уж он резв оказался. Как бы шею себе не свернул.

Москвич раскатисто засмеялся:

- Не бойся! Не свернет!

- Да я не за него боюсь. От его прыти и я, и дело мое пострадать может.

Собеседник оборвал смех и вполне серьезно сказал:

- Ладно, сибиряк, расслабься. «Человечек» мой уже уехал. Больше он тебя не потревожит. Ну, а за помощь спасибо! При разливе зачтется...

3

Ласковый солнечный лучик прорвался сквозь зашторенное окно и аккуратно коснулся ресниц. Ордынцев открыл глаза. Вокруг было светло и непривычно. Кровать не его, люстра под потолком тоже. Где он?..

И тут же, словно поток через прорванную плотину, хлынули воспоминания о прошедшей ночи. Внутри сразу стало тепло и уютно. Глеб повернул голову, осмотрелся. Ольги рядом не было.

Куда это она подевалась?

Ордынцев встал. Его вещи аккуратной стопкой лежали на соседнем стуле. Глеб усмехнулся. Нет, это явно не его работа. Прошлой ночью они буквально срывали друг с друга одежду, а уж о том, чтобы сложить ее с такой тщательностью, не могло быть и речи.

Значит Оля с утра постаралась. Он невольно улыбнулся, словно изысканную конфетку пробуя на вкус ее имя: Оля - Оленька - О'люшка... Сладко...

Быстро одевшись, он вышел из спальни, заглянул на кухню, в ванную. Ольги нигде не было. Странно. Куда она могла подеваться?

А потом он увидел записку на столе:

«Я у папы. Будешь уходить - захлопни дверь».

И все. Даже подписи нет. Ордынцев тяжело опустился на стул и, подперев ладонями голову, задумался. Черт! Неужели это все? Выпили коньячку, провели вместе ночь и - финиш? Гуд бай, май лав! Главное, не забудь захлопнуть дверь...

И тут же навалило раскаяние. Ольга права! То, что они сотворили, ничем, кроме как внезапным помешательством, не назовешь. Нервная встряска и совместные переживания сблизили их, создав иллюзию влюбленности. А на самом деле...

У Ордынцева защемило в груди.

Все правильно - мимолетный кусочек счастья...

У них нет будущего. Оля слишком молода, а он...

Хотя, если разобраться, разница в пятнадцать лет не настолько критична, чтобы...

В кармане джинсов завибрировал мобильник. Она!.. Враз позабыв обо всех своих черных мыслях, Глеб рванул из кармана аппарат и, не глядя на дисплей, поднес к уху:

- Да!

- Привет, дружище! - Голос Сокольникова лучился оптимизмом. - Ты где пропадаешь?

- А что? - Озвучивать свой, внезапно вспыхнувший роман, Глебу не хотелось.

- Да так, мелочи. Нарыл я по твоему Буквоеду еще кое-какую информашку. Интересуешься?

- Конечно! - Едва не сорвался на крик Ордынцев.

- Ну тогда подгребай в «Рандеву». Минут, эдак, через сорок.

Глеб отключился и взглянул на часы. Почти двенадцать дня. Ого! Вот это он поспал! Не мудрено, что Ольга, не дождавшись его пробуждения, убежала в больницу!

Судорога, сжимавшая сердечную мышцу, слегка ослабила свою хватку, а черные мысли отступили. Нет, все совсем не так, как он себе понапридумывал! Просто Оленька спешила к отцу. Поэтому и не стала его будить. Да и скупость записки тоже из-за спешки.

Глеб вытащил авторучку и на том же листке бумаги, внизу, под Олиным текстом, написал номер своего мобильного телефона. Подумал и добавил:

«Обязательно перезвони. Я, к сожалению, не знаю твоего номера. Целую, Глеб».

4

Сокольников снова ел.

- Привет, - кивнул он, протягивая руку. - Заказывай бифштекс. Его здесь замечательно готовят.

- Нет, спасибо, - Глеб покачал головой и велел подходящему официанту. - Кофе. С молоком и сахаром.

- Ладно, - с ловкостью профессионального фокусника Степан вытащил из-под стола пластиковую папку и бросил ее приятелю. - Не хочешь есть, тогда почитай пока вот это.

- Что там? - нетерпеливо спросил Ордынцев.

- Сам увидишь.

Глеб открыл папку и вытащил несколько откопированных на ксероксе листов бумаги. И две фотографии. Всмотрелся в одну из них и застыл, не в силах отвести глаза.

Мертвое лицо Буквоеда опознать было практически невозможно. Слишком много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Да и шрам, страшный и уродливый, изменил облик Макарского до неузнаваемости.

И все же это был он. Настырный метеоролог Сережа, человек, которому умирающий старик доверил свой медальон. Проклятую вещицу! Она не сумела спасти аксакала, не уберегла Буквоеда и теперь не дает спокойно жить и ему, Глебу Ордынцеву, бывшему офицеру-разведчику с позывным «Мамай».

- Значит, Сергея все же убили? - Спросил он, хотя ответ знал заранее.

- Да. Вчера рыбаки выловили из Оби.

Ордынцев кивнул и, отложив в сторону фотографии, занялся чтением откопированных страниц дела.

Труп «неизвестного», каковым фигурировал в деле Макарский, действительно нашли рыбаки. На речке. Однако погиб он от двух пуль и в воду его сбросили уже мертвым, пытаясь скрыть преступление. Документов при нем не было, кистей рук тоже. Поэтому опознать личность убитого не удалось.

- Надо позвонить следователю, который ведет дело, - сказал Глеб.

- Зачем?

- Сообщить ему обо всем, что я знаю.

Степан отложил вилку, пристально посмотрел на приятеля и вздохнул досадливо:

- Глебушка, дружище, тебе что, проблем захотелось?

- О чем ты?

- Да все о том же, родимый! Следак, к которому ты так рвешься, спит и видит, как бы повесить на кого-нибудь это убийство и быстренько закрыть дело. Ему «глухари» не нужны. Он за них премии не получает. А тут - нате вам, подарок судьбы! Приходит умалишенный писатель и начинает рассказывать сказки о подкинутом в почтовый ящик медальоне, афганском друге, официально давно уже умершем, но ожившем вдруг и приехавшим к нему в гости. Ну и прочий подобный бред. Как ты считаешь - долго ли следователь будет думать, прежде чем определит тебя в главные подозреваемые и закроет в СИЗО?

- Но я же...

- А ты попробуй, докажи! - Повысил голос Степан. - Поверь мне, Глебушка, я отработал в этой системе пятнадцать лет и прекрасно знаю, как она функционирует. Тебе что, охота Лерку круглой сиротой оставить? Да?

Упоминание о дочери, словно удар электрическим током, пронзил Ордынцева с головы до ног. Готовые вылететь слова намертво застряли в глотке, он обмяк и молча уставился на странички откопированного дела.

- Извини, Глебушка, - произнес негромко Сокольников. - Я не хотел тебя пугать, но это действительно так. Официально Букоед давно уже считается покойником. И заяви ты, что выловленный из Оби гражданин является Сергеем Макарским, тебя, в лучшем случае, сочтут ненормальным, а в худшем... В общем, в мили.., тьфу ты, в полиции тебе делать нечего. Пусть сами в своем дерьме разбираются.

Он вытащил сигареты и закурил.

- Расскажи-ка мне лучше, Глебушка, о медальоне, - попросил чуть погодя. - Ведь, судя по всему, Букоеда твоего из-за этой цацки грохнули?

- И не только его, - отозвался Ордынцев. - На днях я носил медальон к одному антиквару. Оценить. А вскоре после моего ухода к нему ввалились какие-то ублюдки и запытали его до смерти...

- Это ты о Кеплере? - Насторожился сыщик.

- Да.

- И что он сказал? Во сколько оценил твою железку?
- Ни во сколько. Иосиф Соломонович перенаправил меня к профессору Амосову.
- И?..
- Семен Семенович провел какие-то исследования и, похоже, сам запутался в их результатах. По его словам выходит, что медальон сей изготовлен из неизвестного современной науке сплава, а возраст его не менее двадцати тысяч лет.
- Сколько?..
- Двадцать тысяч, ты не ослышался. К тому же, на одной из сторон медальона обнаружили миниатюрную карту, указывающую на точку, где-то то ли в Иране, то ли в предгорьях Анд. Может именно из-за этой карты и идет драка? Может там сокровища лежат несметные или корабль инопланетян.
- Сокольников шутку не поддержал. Лишь поморщился досадливо, о чем-то сосредоточенно думая.
- А знаешь ли ты, что этой ночью на твоего уважаемого профессора напали какие-то бандиты? - Спросил он.
- Глеб обреченно кивнул:
- Да, знаю. В это время я был у него.
- Сыщик едва не поперхнулся дымом:
- И не сказал мне?
- Вот - говорю. Вчера, поздно вечером, Амосов попросил меня приехать в университет. А когда мы беседовали, кто-то проник в здание, убил охранника и вырубил электричество. И, пока я бегал туда-сюда, этот «кто-то» стукнул профессора по голове и отобрал у него копию моего медальона.
- Копию? - Вскинул брови сыщик.
- Да. Сотрудники Амосова сделали точную его копию.
- Зачем?
- Вроде бы, как на память.
- Степан покачал головой:
- А оригинал где?
- У меня.
- Ясно.
- Догоревший до фильтра окурков обжег пальцы. Сокольников поморщился и бросил его в пепельницу.
- Вот что я тебе скажу, дружище, - изрек Степан поднимаясь. - Выбрось эту хрень или спрячь подальше. Так, чтобы и самому потом не найти. Слишком уж много непонятого вокруг нее происходит. И мне эти непонятки очень не нравятся. От них кровью пахнет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В холодильнике Ордынцева повесилась мышь. От голода. А теперь эта же участь угрожала и самому хозяину квартиры. По той же, кстати, причине. Глеб подобрал последние запасы яиц, колбасы и слегка завявшей зелени. На яичницу должно хватить, но для полноты желудка требовалось что-нибудь более существенное.

Делать было нечего и, кое-как перекусив, он побрел до ближайшего гастронома. Отоварившись там продуктами, вернулся домой, затолкал покупки в моментально повеселевший холодильник и взялся за рукопись.

Но безуспешно. Голова Ордынцева была забита совершенно другими мыслями и ничего доброго из его трехчасовых потуг не получилось. В конце концов он сдался, перечитал написанное, выделил его и привычно нажал «Backspace».

Все, хватит дурью маяться! Знает ведь прекрасно, что только время горбит зря...

И в этот момент, словно спасая его от дальнейших мук совести, зазвонил телефон.

- Привет, - чуть хриловатый голос Ольги он узнал сразу.

- Здравствуй!

Повисла неловкая пауза. Долгая и гнетущая. Глеб вслушивался в доносившееся из телефонного динамика дыхание и отчетливо понимал, насколько тяжело дается женщине этот звонок. Если ей сейчас не помочь, то она бросит трубку и никогда больше не позвонит вновь.

- Как Семен Семенович себя чувствует? - Спросил Ордынцев торопливо.

- Нормально. Только голова кружится очень. Вставать ему пока врачи запретили. Еще пару дней, сказали, пусть полежит в стационаре. Я посидела с ним немного, а сейчас меня Надя сменила. Сестренка.

И опять - долгая, томительная пауза.

- Обнаружила в записке твой номер, - словно извиняясь за бестактность, сказала наконец Амосова. - И решила позвонить, оставить свой. Мало ли, может пригодится когда-нибудь.

За годы, прошедшие со дня смерти Марго, Ордынцев пережил многие часы отчаяния, боли и одиночества. Иногда чувства эти были столь сильны и нестерпимы, что он даже подумывал о том, чтобы отправиться вслед за супругой. И только существование Лерки удерживало его тогда от страшного и непоправимого поступка.

Но годы брали свое. Боль утраты понемногу стихала, а одиночество скрашивалось каторжной, до полного изнеможения, работой. К тому же - подрастала дочь, а вместе с нею подрастали и заботы о ней. Школа, вуз, поездка в Америку... Привычная работа сменялась привычной же опекой над единственным, родным ему человеком...

- Ты еще молодой, папка! - Сказала ему как-то Лерка. - У тебя еще все впереди.

Тогда ей было семнадцать. Дочка стремительно взрослела, по сто раз на дню выдавая подобные «глубокомысленные» перлы, мало заботясь о том, чтобы понять суть их содержания.

Лерка выросла, а отец ее обрастал постепенно толстыми слоями крепкой, непробиваемой брони, которая помогала ему справляться с оглушительной пустотой, образовавшейся внутри его души, в том самом месте, где когда-то пламенела любовь.

И вдруг на накатанной дорожке стареющего вдовца-одиночки встала ОНА! Ольга! Встала и обожгла огнем своих бездонных зеленых глаз.

- У тебя еще все впереди, папка! - Сказала когда-то дочь и только сейчас до Ордынцева начинало доходить, насколько она была права. Заскорузлая корка его души трещала и сыпалась, а сквозь нее вновь начинал разгораться крошечный пока огонек. Костер нового чувства.

- Оленька, я тебя чем-то обидел? - спросил, задыхаясь от нахлынувших чувств, Глеб.

- Нет, конечно, - отозвалась женщина.

- Тогда почему ты так говоришь?

- Как «так»?

- Так, будто прощаешься. - Ордынцев глубоко вздохнул и, словно бросаясь в омут с головой, выпалил. - Можно тебя пригласить на свидание?

На этот раз пауза была короткой.

- Можно, - выдохнула Ольга. Помолчала секунду и добавила, заметно смешавшись. - А вообще - я сейчас возле твоего подъезда стою...

2

Они долго не могли разомкнуть объятий. А потом Ольга сказала чуть слышно:

- Я, кажется, влюбилась.

- Я - тоже, - эхом отозвался Глеб и поцеловал ее в припухшие губы.

Потом они сидели на кухне, пили чай и не спеша разговаривали. Ордынцев рассказывал о сердечном приступе, прикончившем его жену прямо на пороге собственной квартиры, а Ольга - о неудачном замужестве, не принесшем ей ничего, кроме вынужденного аборта, бездетности и проблем с бывшим мужем - алкоголиком.

- Мы уже два года как развелись, а он каждую неделю приходит, деньги клянчит. Достал!

Ольга потянулась за сигаретой, а Глеб, откровенно не стесняясь, рассматривал ее и любовался. Слегка растрепанная и в надетой на голое тело мужской рубашке, она выглядела еще красивее, чем во время их первой встречи в кабинете профессора Амосова. Точеная шея, гордая посадка головы...

- Неужели такая страшная? - Женщина перехватила мужской взгляд и слегка покраснела от смущения.

- Нет, наоборот!

- Тогда, прекрати меня разглядывать. Это, в конце концов, не прилично.

Глеб засмеялся и отвел глаза.

- Я заскакивала в универ, - сообщила Ольга. - Поработала немного с виртуальной моделью твоего медальона. Вернее, с картой, на нем нарисованной.

Ордынцев напрягся.

- И?..

- Всплыла еще одна точка, практически идеально совпадающая с этой картой. Здесь, рядом, в предгорьях Алтая. Идентичность - девяносто восемь и семь десятых процента!

- Ого!

Мужчина и женщина уставились друг на друга. Они одновременно подумали об одном и том же.

- Может скатаемся на выходных? - предложил Ордынцев. - Посмотрим, что такого интересного там древние спрятали?

Ольга рассмеялась:

- Что, лавры Индианы Джонса покоя не дают?

- Ага, - улыбнулся ей в ответ Ордынцев. - Да и на тебе униформа Лары Крофт* неплохо должна смотреться.

* Герои приключенческих фильмов, повествующих о поисках древних сокровищ и артефактов.

3

На следующий день Глеб наведался к Сокольникову.

- Привет, Степа, не помешал?

- Входи уж, коль приперся, - проворчал сыщик и, захлопнув черную, дорогой кожи папку, быстро сунул ее в ящик письменного стола.

Кабинет Сокольникова большой роскошью не страдал. Все было скромно и функционально, а единственным его украшением мог служить только большой, литров на двести, аквариум с множеством копошащихся за стеклом рыбок. Степа слыл страстным аквариумистом и занимался этим неблагодарным делом с самого раннего детства.

- Рассказывай? - Устался на приятеля сыщик.

- Хочу у тебя машину одолжить. На выходные.

- Какую? - В гараже Степиного агентства их было несколько.

- «Немца» дашь? Мне в горы смотаться надо.

- Хм-м, губа не дура, - присвистнул Сокольников. - И на хрена он тебе сдался?

Под «немцем» Глеб подразумевал мерседесовский «гелендваген», мощную и неплохо зарекомендовавшую себя на горном бездорожье машину, благополучно пылящуюся в «стойле» и используемую, в основном, для выездов на природу.

- Говорю же, в горы сбегать хочу.

Однако Степан был сыщиком и навесить ему «лапши» на уши мало кому удавалось.

- Глебушка, - сказал он, осуждающе пригрозив Ордынцеву пальцем. - Не хорошо друзей обманывать. Давай уже, темнила, колись: с какого перепугу тебя в горы потянуло?

Глеб подумал немного, вздохнул обреченно и начал «колоться».

А когда закончил, то немало удивился реакции приятеля. Вместо того, чтобы поднять Ордынцева на смех, Степан как-то странно на него посмотрел и произнес негромко:

- Значит, клад едете искать?

- О чем ты, Степа? - Даже опешил слегка Глеб. - Просто решили с Олей выходные провести на природе. Возьмем палатку, еды...

- В общем так, дружище! - Нетерпеливо перебил его Сокольников. - «Немца» я дам. Но при одном условии: я еду с вами.

4

Первую половину пути одолели быстро. Туристический сезон еще только начинался и машин на трассе, ведущей к горноалтайским красотам, было немного. Колеса «гелендвагена» неумолимо наматывали километры, с каждой минутой приближая путешественников к темнеющим на горизонте вершинам.

Правда, в отличие от жизнерадостной величественности пейзажей, моральный климат в машине оставлял желать лучшего. Ольга участие в экспедиции Сокольникова встретила в штыки и всю дорогу отмалчивалась, надув губки и демонстративно поглядывая в окошко. Да и Степан, после нескольких безуспешных попыток «наладить контакт» с девушкой друга, тоже притих, полностью занявшись ведением авто.

Миновав столицу Республики Алтай, «гелендваген» проехал еще несколько десятков километров по трассе М-52 и свернул на малоприметную грунтовку.

- Ну, держитесь! - предупредил пассажиров Сокольников. - Сейчас потрясет немного.

А сам покосился на экран GPS-навигатора. Конечная точка их путешествия неуклонно приближалась.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

- Ну и что дальше? - Степан докурил сигарету и, бросив бычок под ноги, с силой вмял его в землю носком туристического ботинка.

Путешественники стояли посреди круглой, как блюдце долины, а со всех сторон их окружали горы. Мрачные и настороженные. А сами непрошенные гости взирали на торчащую посреди долины скалу. Одинокую и совершенно неуместную здесь, в царстве кустов и травы.

- Надо подумать, - отозвался Глеб, с надеждой глядя на Ольгу.

Честно говоря, среди них, троих, она была самым подготовленным для подобных изысканий специалистом. По крайней мере, теоретически.

- Жалко, георадара нет, - вздохнула Амосова. - Если под скалой имеются пустоты, он бы сразу показал, где копать.

- Ага, а еще бы экскаватор, - насмешливо поморщился Сокольников. - И десяток негров в придачу.

- Я серьезно! - Насупилась Ольга.

- Я - тоже.

Отношения их складываться никак не желали. И, хоть открытых стычек удавалось избегать, но напряженное состояние «ни войны, ни мира», заставляло то одного, то другую дерзить, язвить и кусаться.

- Ребята, может хватит уже? - Не сдержался Глеб. - Не надоело еще?

Он - в который раз - обошел скалу по кругу. Глаза внимательно, сантиметр за сантиметром обшарили гранитное основание, изучили каждую трещинку, каждый выступ и каждую мало-мальски заметную шероховатость.

Ничего, на что бы стоило обратить внимание, не наблюдалось.

- Да, бесполезно! - Махнул рукой Сокольников. - Если здесь что-то и есть, то так, с наскока, мы это не найдем.

- А что ты предлагаешь? - Щуря на солнце глаза, поинтересовалась Амосова.

- Вернуться к машине, развести костер и пожрать, наконец, горячего. А потом отдохнуть пару часиков и подумать. Может, что-нибудь разумное в голову и придет!

- Ну, тебя никто не держит, - пожал плечами женщина. - Иди, отдыхай, дыши свежим воздухом. А мы, с Глебом, будем продолжать поиски. Правда, Глеб?

Взгляд Ольги с надеждой впился в Ордынцева, моля: «Поддержи меня! Пожалуйста!»

Глеб не ответив, сел на землю. Прислонился спиной к скале, закрыл глаза. Он чувствовал себя последним болваном, а идея отправиться на поиски тайны больше не казалась ему удачной. Во всяком случае - с нынешним составом экспедиции. Его лучший друг и любимая женщина оказались настолько несовместимы характерами, что впору было разводиться по разным концам долины и привязывать.

А попытки Ольги втянуть в эту «холодную войну» и Глеба, вообще не поддавались объяснению. Зачем ей это? Она ведь не глупая и прекрасно

понимает, что ставит партнера в идиотское положение, заставляя выбирать между любовью и дружбой?

Хотя, рано или поздно, но выбор придется делать. Иначе они друг друга по-настоящему перекусают.

- Степа прав, - сказал Ордынцев. - Пора обедать. - Поднялся на ноги и потопал к стоящему у края долины «гелендвагену».

- Я - остаюсь! - Тут же отрезала Ольга. Лицо ее налилось гневным румянцем, а губы сжались.

- Хорошо, - кивнул не оборачиваясь Глеб. - Когда все будет готово, я позову.

На полдороги его догнал Сокольников.

- Ты зря это сделал, дружище! - Пробормотал он чуть слышно. - Девочка обиделась. И, похоже, серьезно. Лучше вернись, поторчи еще часок возле скалы. А с костром и готовкой я сам управлюсь.

- Нет, - решительно мотнул головой Ордынцев. - Если ее сейчас не приструнить, то ни о каких дальнейших отношениях и речи быть не может. Стар я уже, чтобы к таким взбрыкам привыкать.

- Укрощение строптивой? - Хохотнул, поняв ход мыслей приятеля, Сокольников. - Ну, ну, Шекспир, смотри, без зубов не останься. Сдается мне - Оля твоя орешек крепкий.

Глеб остановился и, развернувшись, в упор уставился на друга:

- Степа, давай я сам как-нибудь со своими проблемами разберусь? Хорошо?

- Да бога ради! - Пожал плечами Сокольников. И демонстративно сменил тему. - Слушай, а Буквоед твой ничего не говорил об этом месте?

- Нет.

- Совсем?

- Да.

- А ты подумай хорошенько. Может, что мимо ушей проскочило?

- Да говорю же тебе, нет! Он сказал, что сожалеет о том, что не удалось встретиться лично, попросил заглянуть в почтовый ящик и забрать подарок. А еще попросил отвезти медальон на то самое место, где он попал в руки Буквоеда. Говорил, что это очень важно. - Глеб помолчал вспоминая. - Все, пожалуй.

И осекся:

- Нет, не все! Еще он назвал какой-то адрес в Цюрихе. И число девятизначное. Попросил, если буду в тех краях, заглянуть по этому адресу...

- Ты его помнишь? - Резко останавливаясь, спросил Степан.

- Нет. Но где-то он у меня записан.

- А число?

- Тоже записано.

Сокольников внимательно, словно в первый раз видит, посмотрел на друга, а потом покачал головой и сообщил торжественно:

- Ордынцев, ты - осел!

Глеб растерянно моргнул:

- Что?

- То, что слышал! Ты - осел! Сокровища твои не здесь лежат, а по швейцарскому адресу, в банке. А число девятизначное - ничто иное, как код доступа к нему!

2

Пообедать им так и не удалось. Когда до «гелендвагена» оставалось пара-тройка шагов, до слуха друзей донесся торжествующий крик Ольги:

- Сюда! Ребята, я нашла!

Глеб и Степан переглянулись и не сговариваясь побежали обратно.

Амосова стояла у скалы и, не отрываясь смотрела куда-то вверх.

- Вон там! - указала она пальцем направление. - Видите?

Глеб проследил за ее рукой. Метрах в трех над землей, на гранитном боку скалы виднелось едва заметное углубление.

- И что? - Озадаченно буркнул Ордынцев.

- А ты подпрыгни!

Мужчина подозрительно покосился на Ольгу - не разыгрывает ли она его.

Нет. Не похоже. Слишком уж взволнована.

Глеб подпрыгнул. Раз, другой, третий. И только тогда увидел то, на что указывала спутница. Знак! На шершавом теле скалы был выбит какой-то знак! Правда, разглядеть его в прыжке не представлялось возможным.

- Черт! - Вздохнул Ордынцев. - Лестница нужна. Или какой-нибудь помост.

- Ага, сейчас! - выпалил, поддавшись общему возбуждению Сокольников, и побежал к «гелендвагену».

- Куда это он? - Удивленно поглядывая ему вслед, спросила Ольга.

- Машину подгонит. С крыши рассматривать твою находку значительно удобнее будет.

3

После того, как Ольга расчистила выбитый на скале знак от пыли и мха, вся неразлучная тройка взобралась на крышу многострадального внедорожника и устала на находку.

Ею оказался небольшой, сантиметров пятнадцати в диаметре, кругляш, с искусно выбитым в центре узором, отдаленно напоминающим витую решетку.

- И что это за хрень? - Сокольников не скрывал разочарования.

- Тибетский узел! - Ответила Ольга. В отличие от Степы, она была преисполнена энтузиазма. Глаза ее горели, а пальцы рук неотрывно поглаживали рисунок.

- Узел?

- Да. Узел бесконечности. Один из восьми благоприятных символов буддизма. Он обозначает стремление к познаниям тайны бессмертия. А еще олицетворяет мудрость и взаимосвязь всех вещей в природе.

- Ух ты! - Насмешливо скривился Сокольников. - Даже так?

- Да. - Ольга была настолько поглощена изучением своей находки, что совершенно не обращала внимания на иронический тон собеседника. - Видите, он как знаменитая перевернутая восьмерка - символ бесконечности! Не имеет ни начала, ни конца.

- И что он здесь делает? - включился в разговор Ордынцев. - Мы достаточно далеко от Тибета.

- Не знаю, - пожала плечами женщина. - Но то, что выбивали его очень и очень давно, видно невооруженным глазом.

- То есть, это не наши доморощенные буддисты постарались?

- Нет. - Ольга пошарила по карманам, достала пилочку для ногтей и попыталась счистить ею пятно моха, проросшего рядом с выбитым на скале кругляшом. Получалось плохо.

- Подожди, - Степан достал из куртки перочинный нож и откинул лезвие.

- Этим удобнее будет, - сказал он, протягивая его женщине.

- Спасибо.

Работа действительно ускорилась. Минут через пять из-под слоя мха проступил еще один кругляш. Так же вдавленный в тело скалы, но на этот раз поменьше первого и заметно отличающийся по цвету.

- Мальчики, а ведь это - металл! - Пробормотала Амосова и осторожно поскребла в выемке лезвием ножа. Под лучами клонящегося к закату солнца тускло блеснуло. - Точно, вмурованный в скалу металл!

А у Ордынцева сердце отчаянно заколотилось в груди. Он узнал цвет и структуру расчищенного пятна. Точь-в-точь, как у его медальона! Рука сама потянулась за ним в карман.

- Отойди, - попросил Глеб женщину и, выступив вперед, приложил медальон к вмурованному в скалу кругляшу. Размеры их и очертания совпали идеально.

А потом металл под пальцами Ордынцева начал стремительно нагреваться.

- Ого! - Глеб попытался оторвать медальон от кругляша, но безуспешно. Он накрепко «прилип» к скале. И продолжал греться.

Начало припекать кожу. Ордынцев отдернул руку и растерянно посмотрел на «подарок» Буквоеда. Афганский сувенир наполнялся голубоватым сиянием.

- Это еще что такое? - Пробормотал стоящий сбоку Степа. А потом, инстинктивно попятился назад. - Ребята, давайте-ка отойдем подальше. Еще взорвется ненароком.

Он спрыгнул с крыши внедорожника. Ольга и Глеб последовали его примеру.

А сияние продолжало разгораться и набирать сил. На медальон уже было больно смотреть. Свет его становился столь нестерпимым, что слепил глаза.

- Блин! - Сокольников вспомнил вдруг о своей машине и, стремительно нырнув в салон, попытался запустить двигатель. Несколько раз повжикал стартером, зло сплюнул и выбрался из «гелендвагена».

- Ничего не понимаю, - сказал растерянно. - Не заводится.

- И не заведется, - хмуро буркнул Глеб, рассматривая свой кварцевый хронометр. - Посмотри, что с часами творится!

Обе стрелки, словно сошедшие с ума гонщики, непрерывно носились друг за другом по диску циферблата.

- Похоже на какое-то электромагнитное излучение! - Степа кое-что соображал в физике и мгновенно оценил творящуюся вокруг чертовщину. - Только откуда оно здесь?

Ответить Ордынцев не успел. Земля под ногами дрогнула. Рядом пронзительно завизжала Ольга и схватилась обеими руками за Глеба, а Степан, напрочь позабыв о часах и отказавшейся заводиться машине, рефлекторно присел.

- Что за?..

Сыщик не договорил. Земля опять задрожала. По мшистому боку скалы пролегла глубокая трещина, расширилась и вдруг огромный кусок стены куда-то исчез, открыв взору людей округлый, непроглядно черный провал.

4

- Пещера? - Спросил, настороженно приближаясь к провалу Глеб.
- Нет, - качнул головой Сокольников. - Больше на подземный ход похоже.
- Или на тайник, - предположила Ольга.

Троица искателей приключений подошла к проему. Остановилась, с интересом и опаской поглядывая в чернильную темень.

- Там какой-то тоннель! - Воскликнул Ордынцев и сделал еще пару шагов, на самую границу света и тьмы. В нос шибануло сухим застойным воздухом. «Ароматом» глубокой древности. - Степа, у тебя фонарик в машине имеется?

- Конечно!

Сыщик рванул к внедорожнику, поковырялся в объемистом багажнике и скорости вернулся обратно. В руках он держал здоровенный фонарь и не менее внушительный охотничий нож в кожаном чехле.

- А это зачем? - Усмехнулся, глядя на тесак, Ордынцев.

- Мало ли, - невозмутимо пожал плечами Степан. - Места здесь дикие, а что за твари под скалой живут - даже ты не знаешь.

Он отдал фонарь Глебу, а сам быстро повесил нож на пояс.

- Вот так-то оно лучше будет, - изрек, ни к кому не обращаясь, Сокольников. - Спокойнее.

Мощный желтоватый луч фонаря вспорол темноту, торопливо заскользил по каменному полу, гладко отполированным стенам, высокому полукруглому своду...

Узкий, вырубленный в теле скалы тоннель уходил вдаль. Края его видно не было, луч фонаря бессильно вяз во мгле. И именно этот, плотный, практически осязаемый мрак, как магнитом тянул к себе, буквально нашептывая на ухо застывшим на пороге путникам: «Идите же сюда! Вас здесь ждут!»

Кто и когда вырубил галерею, определить было невозможно. Никаких знаков, рисунков или слов. Только гладкие, словно отполированные стены, чуть шероховатый (видимо, для лучшей сцепки с подошвами ботинок) пол и идеальный полукруг потолка... Гармония и минимализм, помноженные на техническое совершенство. Глеб провел по стене подушечками пальцев. Ни царапин, ни шероховатостей. Сделать такую поверхность киркой и зубилом нереально. Или фантастически тяжело. А если приплюсовать еще и хитроумный замок, долгие годы охранявший вход в подземелье, то вывод напрашивался сам собой.

Инопланетяне?

На память пришла история, рассказанная профессором Амосовым о пришельцах, живших в стародавние времена в горах Афганистана. Тогда легенда эта звучала как сказка, а теперь...

- Ну, что, так и будем торчать у входа? - Спросила Ольга.

Честно говоря, идти внутрь Ордынцеву не хотелось. Пусть даже там, за плотной занавеской тьмы скрывается пещера Аладдина, доверху набитая всеми сокровищами мира. Вместе с затхлым воздухом из подземелья отчетливо веяло опасностью. Непонятной, неосознанной, а оттого еще более пугающей.

Глеб покосился на Ольгу. Глаза ее не мигая смотрели в глубь тоннеля, а на лице застыла такая смесь изумления, счастья и страха, что решение пришло незамедлительно.

«Если не я, то кто»? - Обреченно подумал Ордынцев и, отобрав у Степана фонарь, сделал шаг вперед.

- Глеб! - Ударил в спину возглас Ольги.

- Стойте на месте. Я посмотрю, что там дальше.

- Я с тобой!

Сокольников встал рядом с другом - плечо к плечу - а секунду спустя, за их спинами, замерла и Ольга:

- Я одна не останусь!

- Ну, мы, как настоящие мушкетеры! - Хохотнул не сдержавшись Степан. - Один за всех и все за одного!

Смех его взорвал тишину подземелья, гулким, многоголосым эхом прокатился под сводами и затих где-то во тьме.

А еще он разорвал паутину страха, вернув горе-археологам самообладание и уверенность в себе. Липкий холодок, бродивший между лопатками, испарился, сердце выровняло свой учащенный бег, голова снова обрела способность думать и принимать решения.

- Ладно, «мушкетеры», тронулись! - Буркнул Глеб и медленно побрел вперед.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Пол под ногами плавно уходил вниз. Уклон, правда, был столь незначительный, что почти не ощущался, однако по прикидкам Глеба, их крошечная экспедиция углубилась под землю уже метра на три. И продолжала снижаться.

- А ведь скалу мы давно прошли! - Озадаченно сообщил Сокольников.

Глеб оглянулся. Действительно, светлое пятно входа осталось далеко позади и теперь, по самым скромным подсчетам, они уже приближаются к опушке леса. А конца и края тоннелю по-прежнему не видать. Да и гранитная твердь его стен, по мере удаления от входа, совсем не изменилась. Видимо под тонким слоем земли по всей площади долины скрывается мощная скальная подушка.

- Эдак мы скоро до монгольской границы дотопаем, - не унимался Степан. А в голосе его снова начало проступать напряжение. Сыщик не любил замкнутых пространств. Клаустрофобией, в классическом ее виде, он не страдал, но осознание того, что над головой нависают несколько метров земли и камня действовало на него угнетающе. - Пора бы уж этим катакомбам и закончиться.

Сокольников как в воду глядел. Не успел он договорить, как тоннель сделал резкий, под прямым углом поворот и практически сразу оборвался, сменившись небольшим, квадратным помещением, напоминающим тюремную камеру.

- О! Кажется пришли! - Воскликнул Сокольников. И с нескрываемым облегчением добавил. - Слава богу!

- Стойте! - Крикнула в спину мужчинам Ольга. - Туда нельзя!

Глеб и Степан замерли на пороге.

- Ну, что опять? - Обернулся к Ольге сыщик. - Давайте уже покончим с этими тайнами Мадридского двора и вернемся назад. Жрать охота.

Он снова сделал попытку шагнуть в глубь комнаты, но Ордынцев его удержал.

- Стой, где стоишь, торопыга! - Рыкнул он на товарища. - Жить что ли надоело?

Глеб понял чего опасается Оля. В фильмах о поисках древних сокровищ такие вот подземные каморки всегда оснащены какими-нибудь хитроумны-

ми и смертельно опасными ловушками. Сделаешь неверный шаг и - привет! Отправляешься прямым ходом на небеса!

Конечно, если размышлять по серьезному, то это все - голливудские выдумки. Но, как известно, дыма без огня не бывает. Так что лучше перестраховаться.

Между тем Ольга протиснулась мимо замерших у порога мужчин и, отобрав у Глеба фонарь, осветила комнату. Неторопливо, метр за метром.

В общем-то ничем особым пещера не отличалась: квадратная, метра три на три, совершенно пустая, с такими же, как в тоннеле, голыми и идеально гладкими стенами. А единственным ее украшением мог считаться разве что пол. В отличие от скромной аскетичности коридора здесь он был украшен плиткой. Похоже - мраморной.

Свет фонаря продвинулся дальше и достиг противоположной стены. Там, прямо напротив входа, возвышался каменный столбик в половину человеческого роста высотой. А на нем лежал какой-то предмет, издали напоминающий блюдо.

- Что это? - Пробормотал Глеб.

- Алтарь, - едва уловимым шепотом отозвалась Ольга.

- Чей?

- Богов. Тех, кто соорудил это подземелье.

Стоящий рядом с Ордынцевым Степан насмешливо хмыкнул:

- Оленька, ты что, и вправду веришь в сказки?

Женщина улыбнулась:

- Да. Верю. Кем бы ни были создатели этого святилища, но я уверена, что древние люди считали их богами. И уже сам факт существования подобного места говорит о том, что они были не так далеки от истины.

- Ну, ну, - с наскока переубедить Степана мало кому удавалось. - Ты еще про инопланетян вспомни!

- А почему бы и нет? - Пожала плечами Ольга и шагнула внутрь камеры.

Вернее, хотела шагнуть. Ордынцев мгновенно ухватил ее за талию и оттянул назад.

- Тише, любимая, тише. Не торопись.

Он забрал фонарь и теперь уже сам присел на пороге подземного святилища. Мысль о том, что пустота комнаты обманчива не уходила, а интуитивное ощущение близкой опасности заставляло искать скрытую угрозу.

Первым делом Глеб внимательно исследовал пол. Проще всего устроить ловушки именно здесь. Наступил человек не туда и полетел в яму с заточенными кольями на дне.

Плитка, украшавшая пол, большими изысками не отличалась. Размерами примерно метр на метр. Тщательно отполированная и подогнанная друг к дружке, она была двух цветов: светло-серого и темно-серого. Сейчас, правда, различать их стало трудновато, потому как все вокруг укрывал довольно толстый слой пыли. Однако общий рисунок вполне угадывался. Плитка была уложена в классическом шахматном порядке, превращая комнату в своеобразную игровую доску, а вошедших сюда людей - в живые шахматные фигуры.

«Намек более чем прозрачный, - мысленно усмехнулся Ордынцев. - Вся наша жизнь - игра. Узнать бы еще ее правила».

Не вставая, он протянул руку к сыщику:

- Степа, дай мне свой нож.

Сокольников беспрекословно вытащил из кожаных ножен клинок и протянул приятелю.

- Спасибо, - Глеб перехватил нож за лезвие и постучал опущенной вниз рукояткой по ближайшей светло-серой плитке.

Звук получился глухим.

- Осторожно! - Возмутился от такого варварского обращения с его собственностью Степан. - Не сломай! И вообще заканчивай уже дурью маяться! Ни черта мы здесь не найдем!

- А ты иди, Степа, иди. - В точности повторяя недавнюю реплику подруги, пробормотал Ордынцев. - Возвращайся наверх. Разводи костерок, готовь похлебку. А мы с Олей еще немного задержимся.

- Ага, - хмыкнул сыщик. - И все сокровища вам достанутся? Не жирно ли будет?

- Так сам же говоришь, что ничего здесь нет! - Засмеялся Глеб.

- А вдруг какой тайник найдется?

- Ну тогда стой и не скули.

Ордынцев стукнул по соседней, теперь уже темно-серой плитке. Прислушался. Звук показался ему более звонким, с легким эхом. Ага! Значит под ним - пустота.

Глеб улыбнулся. Заданные неведомыми строителями правила игры постепенно прояснились. Встав на ноги, он осторожно переместился на светло-серый квадратик и замер, вслушиваясь в тишину. Ничего не происходило. Даже его спутники, осознав ответственность момента, скромно помалкивали позади. К счастью, обошлось. Пол под ногами Ордынцева не разверзся, не вылетели из потаенных щелей дротики с ядом и не испустили смертоносные лучи, затаившиеся в невидимых амбразурах лазеры.

- Что ж, будем считать решение задачи верным, - Ордынцев облегченно перевел дыхание и снова принялся обстукивать вокруг себя пол. Как он и предполагал, под темными квадратами скрывались какие-то пустоты. Выяснить, какие именно, Глеб не пожелал. Не к чему, да и время поджимает. У всей троицы уже животы от голода сводит.

- Стой, где стоишь! - Велел он двинувшейся следом Ольге. Девушка мгновенно замерла, а глаза ее наполнились обидой. Ничего! Пусть подуетса немного, зато живая будет!

Убедившись, что оба его спутника недвижимы, Глеб шагнул на вторую светлую плитку. Снова прислушался. Вроде бы все спокойно. Он переместился на третью. Сердце трепетало, словно у юнца на первом свидании, а по лицу катились крупные капли пота. Ордынцев смахнул их рукавом куртки и продолжил игру со смертью.

Путь его лежал к алтарю. Если в святилище что-то и спрятано, то скорее всего где-то здесь, у каменного столбика со странным «блюдцем» наверху.

Кстати, а что оно из себя представляет? Фонарный луч оторвался от изучения «шахматной доски» и приподнявшись скользнул по алтарю. «Блюдец» стало кроваво-красным и заиграло на свету своими искусно отполированными боками. Камень! Вершину алтаря украшал сделанный из какого-то полудрагоценного камня сосуд для приношений.

- Тьфу ты! - Ругнулся вполголоса Глеб. - А я-то думал!

Он разочарованно отвел фонарь в сторону и тут же полумрак святилища озарился вспышкой света. Настолько яркой, что в глазах Ордынцева заплясали разноцветные зайчики. От неожиданности он моргнул, а когда вновь разлепил веки, в подземелье снова царилась ночь.

Что это было? Глеб растерянно поморгал. Цветные, как радуга, пятна поблекли и сошли на нет. Зрение постепенно восстанавливалось.

- Что там у тебя? - Встревоженно поинтересовался Степан. - Что полыхнуло?

- Не знаю, - отозвался Ордынцев. - Сейчас попробую выяснить.

- Помощь нужна?

- Нет. И вообще, лучше отвернитесь!

Он вновь скользнул лучом фонаря по алтарю. И быстро отвел его в сторону. Спустя мгновение, каменная чаша опять озарилась нестерпимо-белым сиянием.

2

Когда свет, исходящий из нее, померк, Ордынцев решил, наконец, глянуть в сторону алтаря. И окаменел, не в силах отвести глаз от предмета, лежавшего на кроваво-красном ложе «блюдца». Изящное, выполненное из белого металла колечко, с довольно массивным для такой вещицы камнем, нельзя было назвать вершиной мастерства. Но взгляд оно гипнотизировало почище иных шедевров ювелирпрома. Было в нем что-то притягивающее, точь-в-точь, как в унаследованном от Буквоеда медальоне. Антрацитово-черный камешек, вставленный в колечко, излучал слабое матовое сияние. При виде его Глебу в голову вновь пришло сравнение с медальоном. Именно так он лучился, когда, «прилипнув» к скале, выполнял роль ключа, открывающего дверь подземелья.

Сомнений не оставалось. Оба этих предмета сделаны одними и теми же руками. Вот только чьими?

А еще Глеб не сомневался, что стóит направить на колечко фонарь и оно вновь вспыхнет ослепительно ярким, словно дуга электросварки, светом.

- Ну, что там, дружище? - Замершие у порога спутники сходили с ума от неизвестности и любопытства. - Что ты там нашел? Покажи!

- Кольцо! С бриллиантом! - Усмехнулся Ордынцев и, осторожно взяв находку пальцами, хотел было продемонстрировать ее Степану с Ольгой...

О том, что он допустил непоправимую ошибку, Глеб сообразил лишь мгновение спустя, когда у основания алтаря что-то щелкнуло. Сухо и решительно, словно взвелся на боевой взвод затвор невидимого пистолета. Мужчина вздрогнул и с запоздалым раскаянием посмотрел на опустевшее «блюдце».

Идиот! Как же он так лопухнулся?..

А алтарь между тем зашевелился и начал оседать, медленно, сантиметр за сантиметром зарываясь в пол.

- Оля! - Взревел Ордынцев. - Беги! Вон отсюда! Быстрее!

И сам, стремительно развернувшись, ринулся прочь из подземной комнаты. А вокруг него уже все оживало. Проваливались куда-то в бездну темно-серые квадратики пола, шипел, вырываясь из невидимых глазом отверстий сладковато-удушливый газ и стремительно опускалась, перекрывая единственный выход из западни, массивная каменная плита, таившаяся все это время где-то под потолком.

Глеб рефлекторно задержал дыхание, стараясь не пустить в легкие отравленный воздух и, в гигантском прыжке, преодолев большую часть помещения, шучкой нырнул под практически опустившуюся уже плиту.

Две пары рук подхватили его под мышки и рывком выдернули в тоннель, а в сантиметре от Глебовых ботинок глухо стукнула, входя в паз в полу плита-задвижка, намертво перекрыв доступ в святилище

- Что происходит? - Голоса Степана и Ольги звучали в унисон.

- Бежим! - Выдохнул Ордынцев и, вскакивая на ноги, толкнул Ольгу по направлению к выходу. - Быстрее!

3

Солнце цеплялось за горы и отчаянно не хотело покидать небосклон. Откуда-то из-за леса, от недалекой речушки, тянуло стылой свежестью. На долину опускался вечер. Обессиленный от стремительного бега Сокольников рухнул плашмя на траву и, перевернувшись на спину, устался на то место, где всего пару минут назад возвышалась скала.

Теперь от нее осталась только окутанная пыльным облаком вершина. Все остальное утонуло в образовавшейся после обвала воронке.

- Что это было? - Не унимался Степан.

- Защита от дурака, - вздохнул Глеб. - От нас, то бишь.

И повернулся к запыхавшейся Ольге:

- С тобой все в порядке? Не поранилась?

- Нет. Испугалась очень.

- Ну ничего, - ободряюще подмигнул ей Ордынцев. - У Лары Крафт сначала тоже поджилки тряслись. - Он наклонился и чмокнул любимую в перепачканный нос. - Зато теперь у нас есть вот это!

Глеб разжал кулак и в лучах заходящего солнца блеснуло кольцо. Странно, но при дневном свете матовое сияние вокруг его камня исчезло. Невзирая на свой антрацитово-черный цвет, кристалл стал полупрозрачным, с отчетливо виднеющимися в глубине многочисленными вкраплениями каких-то точек и нитей, отливающих серебром. Паутинка этих вкраплений сплеталась в замысловатый узор и чем дальше Ордынцев вглядывался в него, тем отчетливее осознавал, что рисунок этот не мог быть создан природой. Его точно выверенное, геометрическое совершенство несло в себе явно выраженные признаки искусственного происхождения.

- Кольцо? - Голос Ольги дрогнул. - Так это оно в святилище сияло?

- Да. Судя по всему, его камешек не любит электрического света.

- И все? - В отличие от Амосовой, придвинувшийся поближе сыщик был откровенно разочарован. - Больше в подземелье ничего не было?

- Нет.

Степан недоверчиво поморщился:

- Ты хочешь сказать, что столь навороченный бункер построили из-за какого-то кольца? Не верю!

- Так сходи, покопайся в воронке. Может еще что найдешь, - раздраженно пожал плечами Глеб. Выплеснувшиеся наружу негативные эмоции друга его слегка разозлили. - И заодно машину отгони. А то домой пешком топтать придется.

Степан перевел взгляд на «гелендваген» и только теперь до него вдруг дошло, что передние колеса внедорожника зависли в воздухе, на самом краю провала. Сыщика словно ветром сдуло.

А Глеб посмотрел в глаза Ольге и спросил негромко:

- Итак, солнышко, что это за штуковина?

- Я не знаю, - пожал плечами спутница.

- Ой ли? - Губы мужчины скривились в недоверчивой улыбке.

Амосова смутилась и потупила взор:

- Боюсь, единственное, что приходит мне в голову, прозвучит слишком уж фантастично.

- Ну, после всего произошедшего, я даже в сказки о привидениях поверю, - уже мягче улыбнулся Ордынцев. - Давай, рассказывай.

- Среди поклонников альтернативной истории бродит байка о том, что Александр Македонский затеял свои восточные походы не только ради

завоевания Ойкумены, но и для того, чтобы раздобыть некие артефакты, оставшиеся на земле от древних ее обитателей. Предметы эти обладали огромной силой. В них были заключены знания, с помощью которых люди могли бы возвыситься и встать наравне с богами. Могли обрести бессмертие и возможность повелевать миром...

Со стороны скалы донеслась ругань Степана, потом хлопнула автомобильная дверь, мягко заурчал двигатель. «Гелендваген» оказался машиной крепкой. Его электроника, даже пережив электромагнитную атаку, продолжала работать.

Ольга покосилась на сдающий задним ходом внедорожник и продолжила рассказ:

- Одним из таких артефактов был медальон из странного, похожего на серебро металла. Вторым - перстень, изготовленный из того же металла и украшенный огромным черным камнем. А третьим - нечто, получаемое в результате соединения двух первых предметов.

Ольга замолчала, выразительно глядя на Глеба.

- То есть, ты хочешь сказать?..

- Да. Если все эти сказки - правда, то кольцо и медальон предназначены для того, чтобы вызвать из глубин древности нечто, обладающее колоссальной силой и знаниями.

- Но как их соединить?

Амосова снова пожала плечами:

- А стоит ли? Ты уверен, что сможешь справиться с тем, что породит?

- Но...

- Благими намерениями выстлана дорога в ад. Помнишь такую мудрость? Если древние столь старательно прятали эти вещи, значит, считали их опасными.

Как не крути, а Ольга была права.

Глеб снова сжал колечко в кулаке. Оно, как и медальон, излучало мягкое, едва ощутимое тепло. Ордынцев прикрыл глаза и вспомнил вдруг свою первую встречу с Олиным отцом. Семен Семенович рассказывал о найденном под афганским городом Шеберган кладе и об искусно сделанном медальоне, который копировал тот, что лежит сейчас в кармане у Глеба.

Вспомнилась и фотография из каталога. Тамошний артефакт украшал огромный агат...

- А я ведь знаю, как их соединить, - улыбнулся Ордынцев. Он разжал кулак и, придерживая ободок колечка, пальцами другой руки попробовал повернуть камень. Вначале по часовой стрелке, потом - против...

С тихим щелчком черный кристалл отделился от своего металлического ложа.

- Есть! - Выдохнул Глеб и, торопливо сунув оставшееся без украшения колечко в карман, поднес к глазам камень. - Так-так! И размерчик подходящий!

- Ты о чем? - Не поняла Ольга.

- Помнишь выемку на медальоне? Восьмигранную?

- Да.

- Она и камень должны идеально подойти друг к другу.

- Как ключик к замку?

- Точно!

И тут же мужчина и женщина, не сговариваясь повернули головы к провалу.

- Жаль только, что «замочек» наш провалился вместе со скалой под землю, - вздохнул Ордынцев. - Теперь замучаемся его доставать.

- Кого доставать? - Спросил подходящий Степан. Машину он отогнал далеко от воронки, на самую опушку леса и выглядел теперь вполне счастливым.

- Медальон, кого же еще!

- А зачем?

- Чтобы вставить в него вот этот камешек.

Столь примитивное объяснение сыщика не устроило.

- И что потом?

- А потом, Степа, откроется волшебная дверка в пещеру Аладдина! - Засмеялся Глеб.

- Или ворота в ад, - добавила Ольга.

- Дай посмотреть, - взгляд заинтригованного Сокольниково буквально прикипел к камню.

Глеб протянул его другу:

- Держи. Только не потеряй.

- Как скажешь!

Степан принял из рук Ордынцева кристалл и, осторожно зажав его двумя пальцами, поднес к глазам:

- Странный какой-то! На микрочип смахивает.

- А это он, похоже, и есть, - отозвался Глеб. - Только очень и очень древний.

- И чтобы он заработал, его нужно вставить в гнездо, то есть в восьмигранное углубление на медальоне?

- Да.

- Ладно. Сейчас попробуем.

Степан сунул руку в карман и вытащил оттуда... медальон. При виде его Глеб и Ольга одновременно вскрикнули.

- Откуда он у тебя?

- Нашел, - невозмутимо пожал плечами Сокольников. - Когда машину отгонял. Валялся на самом краю воронки.

Сыщик повертел камень в руках, потом отыскал глазами восьмиугольную выемку на медальоне и покосился на своих спутников:

- Ну что, братцы, рискнем?

- Нет! - Протестующе вскинула руку Ольга. - Нельзя! Это может быть опасно!

- А ты как считаешь, дружище? - Спросил Сокольников, переводя взгляд на Глеба.

- Степа, ты легенду о ящике Пандоры слышал?

- И что?

- А то, что эти наши штуковины вполне себе могут такой вот ящик открыть.

- Волков бояться - в лес не ходить! - Хмыкнул презрительно Сокольников. - Вообще-то я был о тебе лучшего мнения, Глебушка. А ты, оказывается, трусоват малость?

- Степа, - досадливо тряхнул головой Ордынцев. - Есть смелость, а есть - обыкновенная тупость. В данном случае речь, боюсь, идет о втором.

И, прежде чем приятель успел что-либо сообразить, Глеб взвился на ноги. Одним слитным движением подлетел к Сокольникову и вырвал из его рук медальон с камнем.

- Вот так-то оно лучше будет, - сказал удовлетворенно и, пряча предметы в карман, снова опустился на траву рядом с Ольгой.

- Сдурел, что ли? - Запоздало вскрикнул Степан. - Я же пошутил!

- Я - тоже.

Разгорающуюся ссору оборвал характерный вибрирующий стрекот, донесшийся из-за гор. Где-то неподалеку снова летел вертолет.

И, судя по нарастающему грохоту винтов, летел он в сторону долины.

- Ну, наконец-то! - Ухмыльнулся Сокольников. Правая рука его скользнула за спину и выдернула спрятанный под курткой пистолет.

- Значит так, братцы-кролики! - Сказал сыщик, направляя ствол точно в голову Ордынцеву. Голос его мгновенно посуровел. - С этой минуты ведем себя очень тихо и очень скромно. И тогда никто не пострадает.

При виде оружия Ольга тихо охнула и застыла недвижимо, не сводя глаз с пистолета. А Глеб лишь пробормотал ошарашено:

- Ты что, Степа, белены объелся?

Страх он не испытывал. Только удивление, растерянность и ощущение того, что все происходящее сейчас в долине, просто - сон. Обыкновенный ночной кошмар, который закончится сразу же, как только он пересилит себя и откроет глаза. Поверить в то, что человек, дружба с которым насчитывает не один десяток лет, может вот так, запросто, целиться в тебя из пистолета, мозг Ордынцева отказывался. Категорически.

Словно прочитав мысли товарища, Степан буркнул виновато:

- Прости, Глебушка, но у меня нет другого выхода.

- Во что же ты вляпался, детектив хренов? - Спросил Ордынцев.

Во взгляде сыщика плеснулась ярость:

- Это не я, это ты вляпался, дружище! - Гаркнул он, перекрывая нарастающий шум лопастей. - Я ведь с самого начала говорил тебе - выбрось медальон! Или продай! Они бы с радостью его купили!

- Они? Кто «они»?

Глаза Сокольникова недвусмысленно покосились на вынырнувший из-за гор вертолет.

- Они!

Медленно, очень медленно, но до Глеба начал доходить смысл происходящего.

- Степа, и за сколько же серебряников ты нас продал?

Лицо сыщика перекопилось от злости:

- Да пошел ты, умник! - Рывкнул он, брызгая слюной. - Думаешь, все так просто?

- И все же? Чем они тебя купили?

- Ничем! - Сокольников вдруг успокоился, но пистолет его по-прежнему целил Глебу в голову. - Это очень длинная история, дружище! Лет десять назад один московский чекист вытащил меня из большого дерьма. Если бы не он, от меня уже и памяти бы не осталось. Вот только одной рукой он меня спасал, а другой так вцепился в глотку, что я, с тех пор даже дышать громко боюсь. Потом чекист ушел на пенсию, превратился в крутого бизнесмена, а пальцы на моем горле так и лежат. Чуть трепыхнусь и раздавят мне кадык!

- Я сейчас заплачу! - Презрительно скривился Ордынцев.

- Извини, Глебушка, но поступить иначе я просто не мог!

Ярость в глазах приятеля окончательно померкла, сменившись такой безысходной обреченностью, что Глебу поневоле стало его жаль. Похоже - Степан запутался и готов совершить очередную глупость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Темно-зеленый Ми-8 опустился метрах в двадцати от провалившейся под землю скалы. Разгоняемый им ветер поднял пыль, пригнул траву, затрепетал в волосах и в одежде застывшей невдалеке троицы незадачливых искателей приключений.

А потом открылся пассажирский люк и из чрева винтокрылой птицы вынырнул молодой, крепко сбитый парень в кожаной куртке и с ежиком светлых волос на голове. Не узнать его Глеб не мог. Слишком уж часто в последние дни этот хлопчик попадался ему на глаза. То на улицах Верхнереченска, то во дворе ордынцевской многоэтажки... Не удивительно, что и здесь, в горах, первым объявился именно он, да вдобавок еще и с пистолетом в руке.

Пригнувшись, блондин отбежал в сторону от вертолета, а следом, один за другим спрыгнули на землю еще трое удивительно похожих друг на друга субъекта. Все, как на подбор, рослые, мускулистые и вооруженные. Быстро рассыпавшись цепью, они направились напрямик к горе-археологам.

- Кто это, Степа? - Прокричал, стараясь перекрыть вой винтов Ордынцев.

- Друзья! - Отозвался сыщик. - Говорю же тебе, не глупи и все будет в порядке! Им нужны только твои безделушки!

Кивком головы Сокольников поприветствовал подходящих крепышей и проорал им раздраженно:

- Вы где запропастились?

- На дозаправку летали, - ответил белобрысый, с интересом поглядывая на Ордынцева. - Пилот с топливом не подрабсчитал немного.

Между тем гул вертолетных турбин стих, а из распахнутого люка появился еще один пассажир. Он разительно отличался от предыдущей четверки. Это был сухопарый пожилой мужчина в старомодных роговых очках и в нелепой клетчатой кепочке, плотно надвинутой на морщинистый лоб. Легко спрыгнув на землю, он направился к остальным.

- Хорошая работа, Кречет! - Сказал, подходя к Сокольникову и одобрительно похлопывая его по плечу. - Хозяин будет доволен.

- Особенно после того, как вы, Владимир Дмитриевич, чуть было не облажались, - ехидно скривил губы Степан.

По лисьей мордочке худощавого пробежала легкая тень раздражения, но тут же исчезла, растворившись под маской абсолютного безразличия.

- Где? - Спросил он сухо и от голоса его повеяло таким холодом, что даже Ордынцеву стало немного не по себе. Нескладный сухопарый человек умел показать окружающим, кто здесь главный.

- У него, - Сокольников мгновенно скис. Весь его лихой задор куда-то улетучился, сменившись подобострастной подавленностью.

Названный Владимиром Дмитриевичем тип перевел взгляд на Глеба. В водянисто-серых глазах его плавал ледок.

- А вы везунчик, господин Ордынцев, - произнес предводитель непрошенных гостей. - Всего за несколько дней управились с делом, на которое мы потратили больше тридцати лет.

Глеб промолчал. Разговаривать с этим лисьемордым субчиком ему не хотелось. А вот с «другом» Степой он еще перемолвится парой ласковых. Если, конечно, выпутается из нынешней нескладухи живым.

Странно, но ни страха, ни какого-либо нервного напряжения Глеб не испытывал. Все ушло, как только он опознал выпрыгнувшего из «вертушки»

блондина. Оpoznал и понял, что ничем хорошим их новая встреча не кончится, а все заверения «друга Степы» о том, что прилетевшим бандитам нужна только старина, гроша ломаного не стоят. И Глеба, и Олю, и, возможно, даже самого Степана убьют, как только неказистые, но такие нужные кому-то предметы перекочают в руки очкастому предводителю. Убьют так же, как убили до этого Буквоеда и старика Кеплера.

«Ну уж - хрен вам! - Холодно подумал Ордынцев. - Со мной такие номера не проходят!»

Голова его враз очистилась от лишних мыслей, мозг заработал четко и слаженно, будто живой суперкомпьютер, переваривая за доли секунды целую кучу самой разной информации и строя на ее анализе планы дальнейших действий.

Да и весь организм Глеба, словно проснувшись от долгой спячки, стремительно наливался силами и энергией, мышцы скручивались в тугие жгуты, готовые в любой момент стремительно бросить тело хозяина в бой.

Ордынцев помолодел. Он снова стал офицером-разведчиком, а вокруг стягивали смертельное кольцо враги.

«Нет, ребята, мы еще побрыкаемся!»

2

- Медальон! - Владимир Дмитриевич требовательно протянул к Ордынцеву раскрытую ладонь. - Отдайте, а потом можете забирать свою даму и валить с нею на все четыре стороны.

- Правда? - Недоверчиво вскинул брови Глеб.

- Правда.

- Вот спасибо, обрадовали! - Он суетливо полез в карман куртки, но потом, так и не вытащив руку обратно, замер вдруг и спросил у предводителя налетчиков. - А Буквоеду вы тоже жизнь и покой обещали, да?

- Буквоеду? - На лице Владимира Дмитриевича отразилось недоумение.

- Сергею Макаарскому.

- Ах вот вы о ком! - Предводитель неопределенно хмыкнул. - Обещали. Но мальчик с придурью оказался. Когда-то, очень давно, его отправили в Афган добыть этот медальон. А Сережа решил его присвоить. И мало того - сбежал! Почти четверть века мы его искали. Безрезультатно. А потом он вдруг в Москве объявился. Как ни в чем не бывало. Мы его и попросили культурно: отдай, мол, цацку и иди себе с миром. Все равно не знаешь, что это такое, как им пользоваться. И, представьте себе, он отказался! Я, говорит, являюсь законным Хранителем святыни и ни при каких обстоятельствах никому ее не отдам. А потом снова подался в бега. Пришлось нам за ним через полстраны скакать. Еле-еле догнали. - Предводитель умолк, переводя дыхание, и завершил монолог. - Так что в своей смерти Буквоед ваш виноват сам - старших нужно было слушать.

Его раскрытая ладонь снова нацелилась в Ордынцева:

- Прошу - верните, пожалуйста.

- Минутку, - Глеб бросил взгляд на Сокольников. - А Степу? Его тоже отпустите?

Худое лицо предводителя исказило некое подобие улыбки:

- Он вам так дорог?

- Конечно! Друг все-таки!

- А ничего, что этот «друг» вас элементарно продал? - В голосе Владимира Дмитриевича даже промелькнули нотки сочувствия. - Обменял на покровительство одного очень влиятельного человека.

- Вот поэтому и дорог, - взгляд Ордынцева полоснул по Степану. Бывший приятель съезжился и опустил голову. - Хотелось бы потом, на досуге, побеседовать с ним о крепкой мужской дружбе.

Худошавый предводитель налетчиков хмыкнул и на несколько секунд призадумался.

- Да без проблем, - сказал он наконец. - Предавший однажды, предаст опять. Отдайте и можете делать с Кречетом все, что душе угодно.

- Но...

Договорить, опешивший от такого поворота судьбы Степан не успел. Один из подручных Владимира Дмитриевича вырвал из рук сыщика пистолет и нацелил его Сокольникову в живот.

- Ладно, - Глеб вытащил руку из кармана. - Договорились.

И разжал кулак. На раскрытой ладони тускло поблескивал медальон, а в центре его светился, наливаясь белым огнем, камень.

- Ты что сделал? - Предводитель налетчиков озадаченно уставился на разгорающийся внутри кристалла пожар.

- Ничего особенного, - дурашливо ухмыльнулся Глеб. - Просто решил посмотреть напоследок из-за чего весь этот сыр-бор.

Он протянул медальон Владимиру Дмитриевичу:

- Держите, мне он больше не нужен.

Предводитель инстинктивно ступил вперед, взял в руки светящийся медальон и тут же выронил его, вскрикнув:

- Горячо!

Медальон упал в траву и, словно взорвался, озарив долину нестерпимо белым светом! Послышались удивленные возгласы налетчиков. А Глеб, воспользовавшись всеобщим замешательством, склонился к Ольге и одними губами прошептал ей на ухо:

- Закрой глаза! Быстрее!

От последовавшей секунду спустя новой, еще более мощной вспышки не смогли спасти и плотно зажмуренные веки. Ордынцева окатило волной нестерпимого жара, уши заложило от монотонного, словно включился мощнейший трансформатор, гула.

А потом все стихло. Свет померк, в лицо подул прохладный ветерок. Глеб открыл глаза. Прямо перед ним висело в воздухе гигантское, метров семь в диаметре вертикальное пятно голубоватой субстанции. Плотной и клубящейся, словно предрассветный туман.

О том, что это такое, Ордынцеву размышлять было некогда. Сейчас главным было то, что замысел его удался как нельзя лучше. Бандитов не только ослепило вспышкой света, но и вдобавок ко всему, отделило от пленников странным, абсолютно непроницаемым для взора барьером.

Глеб схватил Ольгу за руку:

- Бежим!

И потащил ее к стоящему неподалеку вертолету.

3

Степа Сокольников не любил своего прозвища «Кречет». Особенно, если оно звучало из уст таких вот, высокомерных ублюдков, как Владимир Дмитриевич. Однако сделать ничего не мог. Обстоятельства, как говорится, выше и сильнее всех наших желаний. Ее величество Фортуна распорядилась так, что оказанная когда-то услуга со стороны высокопоставленного московского чиновника намертво пристегнула Степана к его упряжи, ли-

шив свободы и независимости. Теперь для всей этой команды, прилетевшей сюда из центра, он не уважаемый в Верхнереченске частный детектив Сокольников, а простая «шестерка» по прозвищу «Кречет».

И ничего с этим не поделаешь. Се ля ви, будь она неладна...

Размышляя так Степа кривил душой. После налета на Верхнереченский университет, столичные визитеры быстренько убрались из города, пребывая в полной уверенности, что увозят с собой и злополучный медальон. Вот тогда-то Степан и перешел свой Рубикон, позвонив московскому покровителю и сообщив ему о том, что в кармане лисьемордого Владимира Дмитриевича лежит подделка.

- Молодец, сибиряк, - проскрипел довольный голос покровителя. - Считай - свой кусок хлеба ты отработал. Я сейчас заверну моих овчарок обратно, а ты пока проследи за судьбой медальона. Договорились?

Отказаться Степа не смог. А когда узнал точные координаты места, куда отправляются Глеб с Ольгой, сразу же позвонил лисьемордому господину в очках...

Чувство надвигающейся опасности не подвело Кречета и на этот раз. Едва разгорающийся нестерпимо белым светом медальон полетел в траву, какое-то шестое чувство заставило Степу плотно зажмуриться. И сразу по глазам ударило световой волной, а в лицо пыхнуло таким жаром, что сыщик инстинктивно отшатнулся. Правая нога его подвернулась, он потерял равновесие и упал.

Уши заложило от странного, очень противного гула. Но даже сквозь эту звуковую пелену Сокольников отчетливо слышал, как кричат от боли и страха бравые боевики лисьемордого.

«Так вам, суки, и надо!» - Мелькнуло где-то на границе сознания злорадное чувство удовлетворения. О том, что Владимир Дмитриевич отдал его на съедение Глебу, сыщик не забывал ни на секунду. Вот они - благодарность и плата за труд! Мавр сделал свое дело, мавра можно сожрать!..

На Степана накатила волна лютой ненависти: к лисьемордому москвичу, к Ордынцеву, к себе, непутевому, окончательно и бесповоротно запутавшемуся в собственных делах и поступках. Он открыл глаза. Света от медальона больше не было. В паре шагов от Сокольникова стоял, утирая слезящиеся глаза, боевик, отобравший у него пистолет. Чуть поодаль делали то же самое Владимир Дмитриевич и еще трое громил. Все они были сейчас жалкими и потерянными, а главное, абсолютно беззащитными. Бери и стреляй их, как мишени в тире...

К сожалению, оружия у него больше не было. Разве что нож.

Степан выдернул из ножен свой охотничий клинок и уперся свободной рукой в землю, чтобы в следующую секунду хорошенько оттолкнуться и достать в прыжке ближнего боевика. Терять Сокольникову было больше нечего - все равно убьют. Значит нужно продать свою жизнь как можно дороже.

Однако смертоносный прыжок не состоялся. Пальцы опорной руки сыщика нащупали вдруг что-то металлическое и рефлекторно вцепились в находку. Медальон! Все еще горячий и мерно подрагивающий в такт каким-то, только ему ведомым вибрациям. Сокольников хотел было его отшвырнуть в сторону, но передумал и сунул в карман.

А потом повернулся и окаменел. Прямо над ним висело в воздухе странное пятно, удивительно похожее на большую, замутненную мелкой рябью лужу. Или озерцо. Голубоватое, кристально чистое, но абсолютно непро-

зрачное и, главное, перевернутое на бок. Словно кто-то поставил посреди долины гигантский, совершенно невидимый глазу экран и демонстрировал на нем пейзажи водных стихий.

- Что за?.. - Пробормотал растерянно сыщик и, не договорив умолк. Он понял, что перед ним та самая пещера Аладдина, о которой говорил Глеб. Или же - распахнутые ворота в ад. Древний ключик сработал и, мало того, он покоится сейчас в кармане Степана!

- Кречет! - Голос Владимира Дмитриевича вырвал сыщика из омута мыслей. - Медальон ищи! Он где-то в траве!

Сокольников повернул голову и презрительно посмотрел на москвича. Все еще утирая слезы, тот напряженно вглядывался себе под ноги. На торчащее вертикально озеро-дверь лисьемордый совершенно не обращал внимания. Словно давно знал, что скрывается там, за голубоватой рябью.

Убивать его Степе враз перехотелось. Зачем? Этого напыщенного индюка все равно прикончат. Когда их московский хозяин узнает об исчезновении медальона, он обязательно расстроится и наверняка захочет наказать виновных. А лучшей кандидатуры, чем лисьемордый, найти трудно.

- Шеф! - Крикнул, обращаясь к Владимиру Дмитриевичу белобрысый боевик и указал пальцем куда-то вдаль, за пелену озера. - Они убегают!

Со своего места предводитель налетчиков видеть ничего не мог. Таинственная и непроглядная «дверь», распахнувшаяся прямо посреди долины, полностью перекрывала ему весь обзор спереди. Однако он сразу же понял о ком идет речь и рывкнул визгливо:

- Догнать!

А сам снова зашарил взглядом по траве.

Вся четверка боевиков, словно псы, повинующиеся команде: «Фас!», ринулись вперед, в погоню за убегающими пленниками.

Степан посмотрел им вслед. Пелена голубоватой ряби и его лишала возможности видеть происходящее на другой стороне долины, но он и так прекрасно себе это представлял. Глеб с Ольгой несутся к опушке леса, туда, где стоит «гелендваген». Если они успеют добежать и завести его раньше, чем подспеют овчарки лисьемордого, то, считай - им повезло. Другого транспорта, кроме вертолета, поблизости нет. Так что, шанс скрыться среди лесов и гор, у беглецов имеется.

- Что ж, удачи вам, ребята! - Сокольников ощутил вдруг, как к горлу подкатил предательский ком. Все же Глеб был ему, хоть и бывшим, но другом. И теперь, когда наступал момент истины, Степану отчаянно хотелось, чтобы Ордынцеву и его подруге повезло.

- Что ты сказал? - Увлеченный поисками предводитель вскинул глаза на сыщика и замер, растерянно.

В раскрытой ладони Сокольникова поблескивал медальон.

- Я сказал, чтобы ты шел куда подальше... - Засмеялся Степан и, размахнувшись, швырнул артефакт прямо в омут голубоватой ряби. А потом, не медля ни секунды, шагнул туда сам. Водянистая субстанция «двери» разомкнулась, впуская в себя гостя и чавкнув, словно глотая добычу, тут же сомкнулась за ним вновь.

- Стой! - Заорал, приходя в себя, Владимир Дмитриевич. Он бросился было вслед за сыщиком, но не успел. «Экран» стремительно померк, побледнел и исчез. А предводитель, пролетев по инерции несколько шагов, беспомощно рухнул на землю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Когда содрогнулась земля, Текей Чендеков курил трубку и думал о скором конце. Уже третий день подряд во сне к нему приходит сюне* его умершей жены Нарием и зовет за собой, в благословенное царство царя Кундуса**.

- Я устала жить одна, - говорит ему Нарием. - Я соскучилась по тебе!

Текей и сам понимал, что пора уходить. Он и так слишком долго задержался на этом свете...

А потом скамейка под его ногами подпрыгнула, стены дома качнулись, зазвенела свалившаяся на пол тарелка. Текей прислушался. Над горами плыло глухое эхо. Определить в точности место, где оно зародилось, было крайне сложно, но старик слишком долго прожил в этих краях и с полной уверенностью мог сказать, что первоисточником его была небольшая долина, раскинувшаяся за перевалом, в часе пути от деревни. Священная долина, в которой спрятано *то, что принадлежит духам* и на страже которой Текей и его предки стоят уже много-много поколений подряд.

Что ж, пришло, видимо, время и ему сослужить службу древним духам - покровителям его рода!

Старик отложил недокуренную трубку, взобрался ногами на скамейку и снял со стены новенькую «сайгу». Оружие подарил ему внук Кезинер, живущий сейчас в большом городе, где-то там, на равнине, у берегов широкой реки. Кузинер был единственным из их многочисленной семьи, кто покинул родные места и спустился с гор. Впрочем, старик его особо не осуждал. Пусть погуляет пока. Пройдет год, два, три и он все равно вернется обратно. Чувство долга рано или поздно пересилит кипящую кровь молодости и заставит встать на стражу *того, что принадлежит духам*. Так было, так есть и так будет всегда.

Текей пристегнул к карабину снаряженный магазин, передернул затвор и, прихрамывая вышел во двор. Там уже собирались многочисленные родственники Чендекова. Все с оружием и с печатью тревоги на лицах.

- Кто-то обрушил скалу! - Выпалил самый молодой из них - четырнадцатилетний непоседа Илдеш.

- Знаю, - кивнул праправнуку старик и закинул «сайгу» за худую, но так и не согнутую годами спину. - Время настало, Стражи! *То, что принадлежит духам*, нуждается в нашей защите.

Вскоре довольно большой, насчитывающий два десятка стволов отряд выступил из деревни и двинулся к перевалу, за которым скрывалась Священная долина.

2

Пилот Ми-8 сопротивления не оказал. Он был слишком озадачен чудесами, происходящими за бортом вертолета и не сразу сообразил, что парочка, бегущая прочь от странного, зависшего над долиной пятна, направляется именно к нему. А когда осознал это, было уже поздно.

Глеб ввалился в кабину и, не долго думая, врзал вертолетчику кулаком по затылку, а потом сорвал с него наушники, распахнул боковую дверь и вытолкнул бедолагу вон.

* Сюне (алт.) - душа человека.

** По представлениям алтайцев, после смерти души праведников попадают во владения царя Кундуса (Светлого). Там муж и жена, например, снова сходятся и живут вместе.

- Садись! - Крикнул он, заскочившей следом Ольге и указал взглядом на соседнее кресло.

- Мы что, полетим?

- Надеюсь!

Ордынцев плюхнулся на опустевшее место пилота и обвел глазами кабину. К счастью, ему уже доводилось иметь дело с винтокрылыми машинами. Правда, очень давно, в юности. В училище ВДВ преподавали много всяких премудростей. В том числе обучали и навыкам управления вертолетами.

Так что, по большому счету, волноваться было нечего. Сейчас главное - вспомнить с чего начинать, а потом жизнь покажет насколько хорошо он усвоил давние уроки.

Взгляд его прошелся по приборной доске, по торчащему между ног рычагу управления. Слева «шаг-газ», справа муфта и тормоз несущего винта... В общем-то все более-менее знакомо. Можно рискнуть.

- Глеб! - Ольга ткнула пальцем в триплекс кабины. - Смотри!

Ордынцев глянул туда, куда указывала спутница. К вертолету, огибая বিষ্যее посреди долины пятно, бежал белокрысый парень. Следом за ним неслись и остальные трое боевиков.

- Как же ты мне надоел! - Скрипнул зубами Глеб и приказал Ольге. - Закрой дверь в пассажирском отсеке! На запор! Быстро!

А сам снова уставился на приборы.

- Ладно, - вздохнул обреченно. - Не боги горшки обжигают! Попробуем.

Открыв пожарный кран, он слегка повернул рукоятку газа. Потом включил зажигание, аккумулятор, нажал кнопку пуска.

И чудо! Вертолет ожил! Мелко завибрировав, заработал двигатель.

- Готово! - Выпала, вернувшаяся в кабину Ольга, плюхнулась с разбега в кресло и простонала умоляюще. - Скорее, любимый! Они уже близко!

- Успеем! - Натужно усмехнулся Ордынцев. Плавно добавив обороты газу, он расстопорил тормозной рычаг и сдвинул его вперед до отказа. Лопасты несущего винта медленно пришли в движение.

- Скорее!

Белокрысый уже подбегал к вертолету. Краем глаза следя за ним Глеб двинул вперед муфту. Винты над головой тревожно взвыли и начали набирать обороты.

Белокрысый рванул дверь пассажирского отсека, но открыть ее не смог. Люк, ведущий в брюхо «вертушки», был надежно заперт. Поняв, что здесь ему делать нечего, бандит отскочил на пару шагов назад, вскинул пистолет и прицелился в пилотскую кабину.

- Глеб! - Закричала перепуганная Ольга.

Но Ордынцев ей даже не ответил. Все его внимание было сосредоточено на управлении, а мысли плясали вокруг одного: только бы не ошибиться и сделать все в точности, как учили.

Впрочем, на слепое выполнение инструкций времени уже не оставалось. Пуля, выпущенная пистолетом белокрысого, щелкнула по триплексу кабины, оставив на стекле мутный соскол с паутиной разбегающихся в разные стороны трещинок.

- Вот, сучонок! - Просипел Глеб, облизал пересохшие губы и, увеличив обороты, подал рычаг от себя. Кабина «вертушки» опасно клюнула носом и Ми-8, пьяно покачиваясь из стороны в сторону, оторвался от земли.

3

Темекей Чендеков снял карабин и прилег на разогретый майским солнышком камень. Задумался. Наблюдение за долиной наполнило старика самыми печальными мыслями. Он не справился! Он опозорен! *То, что принадлежит духам*, похищено, подземное святилище разрушено, а долина осквернена чужаками.

Несмотря на почтенный возраст, глаз у Темекея оставался острым и он вполне отчетливо видел, как один из грабителей взял *то, что принадлежит духам*, и вошел в дверь, ведущую в потусторонний мир. Вошел и захлопнул ее за собой! Теперь, ни одному живущему на свете не под силу вернуть реликвию, а на головы рода Чендековых падет великий и не смыываемый позор.

Взлетевший минуту назад Ми-8 сделал над долиной неуверенный круг и, перевалив через ближнюю гряду, скрылся из виду. Особого внимания на него Темекей не обратил. Пусть летит. От мести его пассажиры все равно никуда не спрячутся. Это только с виду вертолет похож на парящую в небе птицу, гордую и независимую. На самом деле у гор везде есть глаза, которые все видят, и уши, которые все слышат. Поэтому конечная цель Ми-8 будет оставаться тайной ровно до тех пор, пока он не приземлится.

В том, что всех чужаков, посягнувших на *то, что принадлежит духам*, должна постичь кара, Темекей не сомневался. Пусть он не смог уберечь святыню, но уж в том, что он не отомстил за ее осквернение, Чендекова никто не упрекнет! Чужаки умрут! Все, до единого! Если не саму реликвию, то хоть тайну ее существования Темекей сохранить сумеет.

Он снова перевел взгляд на долину. Оставшиеся там грабители суетились вокруг машины, видимо, пытаясь завести ее без помощи ключа. Что ж, тем лучше! Сейчас, когда все их внимание сосредоточено на автомобиле, самое время незамеченными спуститься в долину и совершить то, что должно быть совершено.

Солнце быстро катилось на запад. Над горами стремительно темнело. Темекей поднялся на ноги и махнул своим спутникам:

- Пошли.

4

Внизу проплывали смутные силуэты гор, а слева медленно гасло зарево заката. Глеб держал курс строго на север. К равнине. Летать ночью над горами было бы непозволительной глупостью. Слишком мал у него опыт управления винтокрылым чудовищем и слишком велик риск врезаться в невидимую из-за сгущающейся тьмы вершину.

Несколько раз сидящая сбоку Ольга попробовала было заговорить, но наполнявший кабину свист и грохот винтов намертво глушил все ее слова. Потом Ордынцев смилостивился и пальцем указал спутнице на гарнитуру переговорника, висящую на стене рядом со штурманским креслом. Ольга мгновенно натянула наушники на голову и тут же обрушилась на Глеба шквалом упреков:

- Ты что, издеваешься? Я голос сорвала, стараясь до тебя докричаться! Не мог сразу сказать!

Ордынцев засмеялся. Звонко и от души. Напряжение, державшее его последний час-полтора, отступило, на душе стало легко и весело. Они живы, здоровы и в безопасности. Сейчас главное, перемахнуть горы, опуститься где-нибудь в укромном месте на землю и добраться до города. А там видно будет. Загадывать слишком далеко вперед Глеб не решался. Он прекрасно понимал, что произошедшая в горах история повлечет за собой неминуемые последствия.

Но это будет потом. Позже. А сейчас - все хорошо. Он летит на винтокрылой птице, рядом ворчит и ругается любимая женщина, а где-то далеко позади остались жаждущие реванша враги...

- Кстати, - Ордынцев повернулся к своей спутнице и невольно улыбнулся снова. В огромных наушниках Ольга выглядела очень комично, - могу я, наконец, узнать, что мы нашли?

- Можешь, - хмуро буркнула доктор исторических наук и тут же, не сдержавшись, заулыбалась в ответ. - Но только не от меня. Я и сама ни в чем толком не разобралась.

- А все-таки?

- Медальон вместе с камнем от перстня открыли какой-то энергетический портал. Ты случайно не смотрел «Звездные врата»?

Глеб пожал плечами. Кинематографом он особо не увлекался.

- Там примерно через такую же «штуковину» люди проникали в другие галактики, на другие планеты. Может и наш медальон открывает дорогу к звездам? Откуда-то ведь его создатели пришли на Землю?

Фантастика не являлась любимым жанром Ордынцева. Он перестал смеяться и покачал головой:

- Сказки это все!

- Может быть, - пожала плечами Ольга. - Но другого объяснения я пока не придумала. Хотя и уверена на двести двадцать процентов, что мы видели именно портал. Дверь. А вот куда она ведет: на другую планету или в параллельный мир знают только те, кто ее создал. Да еще, пожалуй, господин Сокольников.

После упоминания о Степе в кабине вертолета повисла тишина. И Глеб, и Ольга видели, как он ступил в голубоватую рябь, и как она сошлась, растворившись в воздухе. А вместе с ней растворился без следа и Степан.

Где он сейчас? Жив ли? А если жив, то не лучше ли было бы ему умереть здесь, среди гор?

Ордынцев больше не злился на приятеля. Бог ему судья. Вполне возможно, что исчезновение его в недрах «портала» и есть та самая цена, которую он заплатил за свое предательство?..

5

Темекей Чендеков умирал в муках, но со спокойным сердцем. Он давно был готов к тому, что душа его вот-вот покинет брненное тело и улетит в волшебную страну царя Кундуса, чтобы встретиться, наконец, с любимой женой Нарием.

Пуля пробила старику живот, разорвала внутренности и теперь с каждым его выдохом изо рта выплескивалась кровь. Однако Темекей мало обращал на это внимание. Главное дело своей жизни он все же совершил. Никто из грабителей, позарившихся на *то, что принадлежит духам*, не ушел из Священной долины живым. Кроме тех, что улетели на вертолете. Но и они недолго будут ходить по земле. Сыновья и внуки Темекея найдут их и завершат дело мести.

Старик закрыл глаза и увидел улыбающееся лицо Нарием. Жена манила его к себе.

- Пойдем, милый, я соскучилась!

- Пойдем, - прошептал Темекей, выплеснул с последним вздохом струйку розовой сукровицы и умер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1

Солнечным летним деньком в дверь одного из швейцарских банков вошли трое русских туристов. Плотный, средних лет мужчина и две дамы, одна чуть постарше, похоже - жена, вторая совсем молоденькая, лет двадцати от роду. Дочь.

В том, что это именно русские, встретивший их в холле клерк не сомневался ни секунды. Он и сам был родом из Брянска, хотя последние пятнадцать лет обретался в Цюрихе.

- Чем могу быть полезен? - Спросил клерк на родном языке, выдвигаясь навстречу вошедшим.

- У меня здесь имеется счет, - ответил мужчина. - Анонимный.

Клерк понимающе кивнул. Очередной русский нувориш приехал инспектировать свои заграничные заначки. Хотя, судя по шмуткам, на крутого олигарха мужик не тянул. Скорее, на средней руки чиновника, наворовавшего немного государственных денег...

Гость ждал, в глазах его плескалось нетерпение, и клерку пришлось прервать свои досужие раздумья.

- Хорошо, месье, - дежурно улыбнулся он соотечественнику и приглашающее махнул рукой. - Идите за мной.

Клерк провел русских в небольшой, уютно обставленный кабинет и протянул обладателю анонимного счета чистый бланк:

- Напишите, пожалуйста, свою сигнатуру.

Мужчина окинул взглядом бланк, задумался на секунду, а потом быстро чиркнул в нужной строке последовательные группы чисел и протянул листок клерку:

- Пожалуйста.

Служащий банка внимательно посмотрел на написанное. Кивнул:

- Секундочку, - и вышел из кабинета.

- Пап, а он не за полицией, часом? - Спросила, шепотом младшая из дам.

- Сейчас узнаем, - улыбнулся мужчина и перевел взгляд на вторую спутницу. - Оля, надеюсь мы адресом не ошиблись?

- Не знаю, - пожала плечами Ольга. - С таксистом ведь Валерия разговаривала, а не я. Да еще и на английском.

Дверь кабинета беззвучно отворилась и на пороге снова появился все тот же клерк. Без полиции, но с маленьким пластиковым ящичком в руках.

- Извините, месье, - сказал он, ставя перед Ордынцевым свою ношу. - Но к вашему счету прилагается еще и вот этот контейнер.

- Да, я знаю, - чуть помедлив, кивнул головой Глеб. - Спасибо за хранение.

- Это наша работа, - расплылся в улыбке клерк и положил на ящик тонкую полупрозрачную папку с какими-то бумагами. - А вот документы на ваш счет, пожалуйста.

И снова удалился из комнаты, предоставив русским разбираться со своими финансами самостоятельно, без свидетелей.

- Ладно, посмотрим на наследство, - проворчал Глеб и раскрыл папку. Взгляд его скользнул по колонке цифр в верхнем правом углу первой страницы.

- Ничего себе! - Вырвалось у него мгновение спустя. На анонимном счету, надиктованном Буквоедом на автоответчик, хранилось более трех миллионов швейцарских франков...

2

Контейнер Глеб вскрыл, только вернувшись в гостиницу. На дне пластикового ящичка лежали несколько, аккуратно свернутых листков бумаги, полностью исписанных мелким убористым почерком Буквоеда.

Отправив своих девчонок по магазинам, Ордынцев уселся за стол и принялся читать...

«Я, Сергей Игнатьевич Макарский, бывший офицер Комитета Государственной Безопасности, бизнесмен, невозвращенец и Хранитель Священной Реликвии. Если Вы читаете эти строки, значит я уже мертв. Что ж, неудивительно. Неделю назад врачи обнаружили в моей голове неоперабельную опухоль, а значит, жить мне осталось совсем недолго. Но прежде чем превратиться в прах, я должен сделать два очень важных дела. Во-первых, съездить на родину, навестить могилки моих дорогих стариков, а во-вторых, вернуть Реликвию на то самое место, откуда двадцать пять лет назад я ее и забрал. И не просто вернуть, но и найти для нее нового Хранителя.

Сам я таковым стал не по своей воле. Меня им сделал старый умирающий аксакал. Он просто вложил Реликвию мне в руки и прошептал: «Береги!» Впоследствии, анализируя произошедшее, я не мог отделаться от мысли, что старик целенаправленно выбрал в следующие Хранители Святыни именно меня, ничем не примечательного молодого парня из далекой России. Иначе, чем можно объяснить тот факт, что он остался в ауле, прекрасно осознавая роковые последствия такого решения? Случайностью? Вряд ли. Соседи и родственники старика ни за что бы не бросили его на произвол судьбы и, если надо, то силком бы утащили с собой в горы. Нет, аксакал остался умышленно. Остался ждать меня! Словно знал, что только мне и командиру разведгруппы, сопровождавшей меня в этой экспедиции, удастся выжить в потоке, который несколькими часами позже обрушится на ничего не подозревающих «шурави».

Знал заранее. И тщательно готовился к встрече. Причем не только сам, но и его односельчане. Иначе чем можно объяснить тот факт, что в пещере, в которую меня занесло стремительным потоком, сидели четверо афганцев. Сидели, ожидая меня. И как только я появился, измочаленный, полузадохнувшийся и с распоротой от виска до уха щекой, меня сразу же подхватили на руки и какими-то подземными тоннелями утащили прочь.

А потом подлатали, вылечили и, снабдив документами и кое-какими деньгами, переправили в Пакистан.

Именно тогда я впервые осознал, что являюсь Хранителем Реликвии. И еще, осознал, что обратной дороги нет. Вернуться на родину я больше не могу. Не потому, что боюсь предстать изменником, а потому, что там находятся люди, которые послали меня за Реликвией. Люди, обладающие огромной властью и влиянием, и которые ни перед чем не остановятся, лишь бы отобрать у меня мою Святыню.

Нет, этого я допустить не мог. Я не знаю, в каких целях они захотят использовать Реликвию и я, как ее Хранитель, предпочел держаться от бывшей родины подальше.

Из Пакистана я перебрался в Египет. Открыл на берегу Красного моря туристический бизнес и за двадцать последующих лет неплохо в этом деле преуспел. Во всяком случае, уважаемый незнакомец, деньги, которые достались теперь тебе, нажиты честным трудом. На них нет ни капли крови. Можешь пользоваться ими без опасения. Главное, сбереги Реликвию!

Вот все, что я хотел сказать.

С уважением, Сергей Макарский. Хранитель».

3

Внук Темекя Чендекова Кезинер никогда не уезжал от родного дома в горах Алтая дальше, чем в город Новосибирск. А теперь судьба занесла его в самое сердце Европы. И не только занесла, но и повелевала совершить один из самых страшных грехов - убить человека. Даже - двух: мужчину и женщину.

Кезинер сидел на каменной скамеечке, напротив отеля, в котором обосновались чужаки, посягнувшие на *то, что принадлежит духам*. Единственные, оставшиеся в живых осквернители священной долины. Они должны умереть. Так хотят *духи* и такова была последняя воля ушедшего в страну царя Кундуса, главы рода Чендековых - деда Темекя. А вершителем их воли, хочет он того или нет, назначен Кезинер.

Из дверей отеля вышли две девушки. Улыбающиеся и о чем-то оживленно переговаривающиеся, они постояли минуту у входа, а потом направились вниз по улице, вдоль длинного ряда бутиков и магазинов.

Кезинер подобрался и, выждав немного, двинулся следом. Правая рука его автоматически нащупала спрятанный в кармане нож. Одна из девушек, та, что постарше, была его мишенью. А значит настало время действовать.

Мститель шел за своей жертвой и из последних сил старался усмирить бешеный стук сердца. Ладони его вспотели, на бледном, как мел лице не осталось ни кровинки. Кезинер волновался. Очень. Он долгие годы учился в медицинском институте, потом работал врачом. Помогал появляться на свет новым жизням. А теперь он должен одну из них забрать...

И даже не одну. Опытный взгляд сразу же определил, что жертва его беременна. Примерно - на третьем месяце.

Пересмеиваясь, спутницы вошли в какой-то бутик. Их преследователь остановился на противоположной стороне улицы и закурил. Пальцы мелко дрожали. Нервы, будь они неладны! Нервы и раскаяние. Когда к нему в Верхнереченск приехали представители рода и, сообщив о предсмертной воле деда, спросили, справится ли он с делом, которое ему намерены поручить, Кезинер только кивнул молча. Он - Чендеков и если роду требуется его услуга, он не может отказаться.

А потом пришло запоздалое раскаяние. И осознание того, на что он согласился. Конечно, осквернители Священной долины должны быть сурово наказаны, но убивать...

Однако отказываться было уже поздно. И вот молодой, преуспевающий акушер бродит по улицам Цюриха и выслеживает свою первую жертву...

Догоревшая до фильтра сигарета обожгла пальцы. Кезинер инстинктивно отшвырнул ее и тут же нарвался на негромкий окрик полицейского. Блюстителю порядка указал взглядом на дымящийся окурок и осуждающе покачал головой. В чистенькой и обихоженной Швейцарии не принято бросать мусор на мостовую. Для этих целей имеются урны.

Кезинер хотел уже было наклониться и поднять окурок, но внезапно замер, пораженный мелькнувшей в голове мыслью. Он понял, что ему делать дальше. Понял, как не превратиться в убийцу.

Окурок Кезинер так и не поднял. Вместо этого он медленно разогнулся, с усмешкой глянул на полисмена и отвернулся.

От такой показной наглости блюститель закона на мгновение даже опешил, а затем решительно шагнул к нарушителю порядка. И нарвался на довольно профессиональный хук с правой...

Когда Ольга и Валерия вышли из магазина, внимание их привлекла необычная сцена: на противоположной стороне улицы разыгралось настоящее побоище. Несколько дюжих полицейских никак не могли справиться с каким-то разбушевавшимся парнем.

- Ого! - Воскликнула Оля. - А я думала, что такое только у нас происходит!

- Как видишь - этого везде хватает, - отозвалась Лерка и потянула мачеху за руку. - Ну их, не люблю мордобоя. Пойдем, лучше в «Ив Сен-Лоран» заглянем. Я там такую сумочку присмотрела...

Ирина ИСАКОВА

Ирина Исакова родилась в 1979 году в г. Барнауле. Окончила библиотечное отделение Алтайского краевого колледжа культуры. Работала в редакции Чарышской районной газеты, сотрудником библиотеки.

С 2010 года занимает должность директора «Межпоселенческой районной центральной библиотеки».

В журнале «Алтай» публикуется впервые.

Живет в с. Чарышском.

УЕЗЖАЙ...

Вдохновение будет с тобой, значит все не напрасно.
Уезжай, я останусь душою с тобой все равно.
Будет встреча последней. Закат будет огненно-красным,
И синица о чем-то поет, как когда-то давно.

Уезжай. Лишь на миг я тебя задержу на пороге.
Будут виснуть слова белой дымкой заученных фраз.
Как же долго тебя я ночами просила у Бога!
За тебя помолюсь, но потом, но не здесь, не сейчас...

Стайкой птиц полетят мои чувства по белому свету,
За тобою во след, твоих песен касаясь крылом.
Наш с тобою рассвет, будто в пламенных строчках сонета,
Всякий раз будет вновь оживать за промерзшим окном.

Побегут вереницею дни, и однажды, быть может,
От тоски разрываясь на части, усталостью глаз
Мы поймем, что уже никогда друг без друга не сможем.
Только все это будет потом, но не здесь, не сейчас.

ОКАЗАЛОСЬ...

Уже поздно, спать не хочется, тишина.
Оказалось, одиночество - я сама.

А вокруг вращает лопасти жизни ось.
Мое прошлое над пропастью сорвалось.

И летит оно стремительно в никуда.
Оказалось, одиночество - ерунда.

Все приходит, все кончается, как прибой,
Только в сердце продолжаемся мы с тобой.

Оказалось то, что теплится в глубине,
Ни в тебе не переменится, ни во мне.

Оказалось то, что кануло камнем вниз,
Вновь грозою с неба грянуло на карниз,

Полоснуло эхом по сердцу, и душа
За тобою вслед уносится не спеша.

ТАК ХОЧЕТСЯ ЛЕТА

Так хочется лета,
Ромашково-белых полей,
И солнце держать на ладони,
И не обжигаться.

Так хочется ветра в лицо,
И улыбок детей,
Так хочется встретить тебя
И уже не прощаться.

Но шурится утро январское
В бликах зимы.
Колдуют, ворожат и властвуют
Вьюги-метели.

И, как ни хотели с тобою
Приблизиться мы,
Вдруг сбились с пути,
И друг к другу опять не успели...

ЛЬЮТ ДОЖДИ

Льют дожди которую неделю,
Грозно тучи виснут над горой.
Я опять сегодня заболела
Осенью, стихами и тобой.

Глядя на намокшие заборы,
Черные-пречерные, как смоль,
Я задерну шелковые шторы,
Чтоб побыть наедине с собой.

Словно на окраине Парнаса,
В этот дождь я около окна.
Так тепло мне не было ни разу,
На душе и в сердце тишина.

Я впущу в окно воспоминанья -
Пусть еще продлится этот дождь.
Ну и пусть меж нами расстоянье
В двадцать пять изношенных калош.

Ну и пусть июнь похож на осень,
Что же в том, что дождь идет с утра.
Нет прекрасней черных,
мокрых сосен
И дождей сегодня и вчера.

Льют они которую неделю,
Грозно тучи виснут над горой.
Я опять сегодня заболела
Осенью, стихами и тобой...

ВЕЧЕР

Беззвучно вечер увядал.
Он полусонными шагами,
Шурша листвою под ногами,
Прощальной поступью шагал.

На опустевший старый сад
Бросал причудливые тени,
Навстречу им грачи летели
Стрелой, как будто наугад.

В погасших сумерках река
Казалась чем-то очень страшным.
Прошедший день, как сон вчерашний,
Метался где-то в облаках.

А мысли, путаясь слегка,
На полуслове засыпали,
Не утаив своей печали
К Нему неслись, наверняка...

ЧТО ОСТАЛОСЬ СО МНОЙ?

По кривым закоулкам судьбы
 Я искала ответы.
 Я промокла насквозь
 Под дождем бесконечных потерь.
 Что осталось со мной?
 Может, краешек теплого лета?
 Может, горстка туманного дня
 На ладошке одной?
 Что осталось? Роса на листве,
 Солнце, ветер, рассветы,
 Грозы, птицы,
 Улыбка ромашки на горном лугу.
 Даже та,
 Пролетевшая в небе прозрачном
 комета,
 Звезды даже... их тоже
 Своими назвать я могу.
 Только в сердце моем
 Проскользнет обжигающе томно
 Милый образ,
 И дымкой растает, исчезнет совсем.
 Расстояние - боль
 И оно бесконечно, огромно.
 Но дорога к Нему -
 Светлый путь босиком по росе.

ГДЕ БЫ ТЫ НЕ БЫЛ...

Мерцает, почти не дыша,
 Предрассветное небо.
 Искрятся алмазными бликами
 Сонные росы.
 К тебе я, любимый, иду...
 Знаешь, где бы ты не был,
 Тебя отыщу я в стране
 Бесконечных вопросов.
 Я теплые пальцы твои
 Растревожу губами,
 И память опять закружит нас
 По кругу, по кругу.
 Не знаем с тобой,
 (Мы того не заметили сами),
 Когда заспешили опять
 Мы навстречу друг к другу.
 Не знаем, зачем нам судьба
 Подарила мгновенья.
 А может быть нам, ненароком,
 Однажды приснились

На фоне луны, наши две
 Одинокие тени,
 И звезды, и ветер...
 Но что-то вдруг снова случилось.

Стучался в окошко рассвет,
 Так легко и печально.
 И дождь моросил у крыльца
 Бесконечностью звука.

Вороны промокнув
 Отчаянно что-то кричали.
 Невидимой тенью над нами
 Повисла разлука.

Мерцает, почти не дыша,
 Предрассветное небо.
 Искрятся алмазными бликами
 Сонные росы.

К тебе я, любимый, иду...
 Знаешь, где бы ты не был,
 Я вновь постучусь, невзначай,
 В твою тихую осень.

ВСЕ БУДЕТ

Рассыпался дрожью по коже
 Таинственный ветер с реки,
 Он память мою растревожил,
 Весна застучала в виски.

Несмело пиликал кузнечик
 На скрипке дрожащей души.
 Туманом окутанный вечер
 Уже никуда не спешил:

Задумчиво сбросив одежды,
 В холодной купаясь реке,
 Оставил шепотку надежды
 В моей не согретой руке.

Несмело луна проскользнула
 Сквозь бархат туманных кулис.
 «Запомни», - она мне шепнула, -
 «Все будет!», и рухнула вниз.

А небо в невидимом горе
 Над грифом замученных струн,
 Мелодию пело в миноре,
 И звезды бросало в Катунь...

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Моя малая родина -
Задушевная песня,
Где тоскует смородина
По весеннему лесу,

Где березки, прелестницы,
Дружно встали в рядок,
А с Мохнатой кудесницы
Все бежит холодок.

Там печальная ива,
Веткой белой шурша,

Свои косы склонила
В круговерть Чарыша.

Там тропинки
сплетаются
В кружевную вуаль,
Тихо кедры качаются,
Пробуждая печаль.

Моя родина горная,
Красотой ты слывешь.
Отчего же ты, гордая,
Мне заснуть не даешь?

Елена БЫЗОВА

Елена Бызова родилась в 1958 году в городе Барнауле, закончила Алтайский экономический техникум, работала по специальности. Литературой всерьез занялась пять лет назад. Ее рассказы - о делах житейских, о том, что может произойти с каждым из нас, да и происходит постоянно. Незамысловатые истории, где переплетается хорошее и плохое, грустное и забавное.

В журнале «Алтай» публикуется впервые.

РАССКАЗЫ ПОПУТЧИЦА

Возвращалась я как-то из командировки. Поездка была еще та: по сути - глупая, по объему работы - тяжелая и по расстоянию - дальняя. Но вот люди попались хорошие: и встретили, и проводили, а это в сибирской глубинке немаловажно. Здесь вопросы: как, когда и на чем доехать - совсем не риторические.

Но все хорошо, что хорошо кончается. И вот я с чувством выполненного долга перед собой и своим начальством, загнавшим меня в эту тмутаракань, сажусь в поезд.

Проводница тщательно проверяет мой билет, а в это время на перрон вылетает узик и, лихо взвизгнув тормозами, останавливается прямо возле нас. Из машины выходит молодая женщина с маленькой девочкой, а солдат-срочник, который привез их, помогает с багажом.

Понятно, офицерская жена решила прокатиться к родственникам (ноябрь для курортов-санаториев - сезон не подходящий). Проводница, наконец-то, разрешает мне зайти в вагон и так же тщательно начинает проверку новых пассажиров.

Я быстро нашла дверь своего купе, торкнулась туда, но не тут-то было, то ли замок заклинило, то ли купе было закрыто изнутри. Собираюсь стучать и слышу, как открывается дверь в тамбур. Входит проводница, а за ней «офицерская жена» с дочкой. Насчет офицерской жены - это, конечно, мои домыслы, а вот то, что это мама с дочкой - очевидно: похожи, как две капли.

- Ой, женщина, не стучите, не надо. Я сейчас открою, - проводница засеменила ко мне, на ходу пытаюсь объяснить ситуацию. - У меня там мужчина спит, попросил его не беспокоить. Ему ночью выходить. Да вы не волнуйтесь, он вам не помешает, мужчина приличный, - продолжала она, обра-

щаясь уже не только ко мне, но и к «офицерше», из чего я сделала вывод, что мы не просто попутчицы, нам еще и ехать в одном купе.

- Вы уж, пожалуйста, потише, он очень просил, - прошептала проводница, открывая нам дверь.

Мы вошли. Справа на верхней полке, действительно, спал человек, завернувшись в одеяло по самую макушку. Поезд тронулся. Девочка хотела что-то спросить, но мать шикнула, приставив к губам указательный палец, и молча показала ей на место у окна, а сама принялась размещать свой багаж. Я занялась тем же.

С вещами мы управились быстро, так же быстро познакомилась. Маму звали Наташей, а ее дочурку - Иришкой. Потом соорудили нехитрый ужин и поели. Интересно, дома, в нормальной обстановке, на это ушло бы никак не меньше чем полдня и весь вечер, а здесь - чуть больше получаса. Все. Дальше делать было нечего и говорить особо тоже не о чем. Все трое дружно устали в окно.

А там, в наступающих сумерках, огромные сосны, суетясь в бестолковом хороводе, то подступали к самой насыпи, то удалялись от нее. Потом хоровод рассыпался, и среди полей, припорошенных первым снегом, закружились березовые рожицы.

У Иришки начали слипаться глаза. Наташа стала ее укладывать. Они много повоевали из-за того, кому спать на второй полке, Иришка победила и, довольная полезла наверх.

- Теперь придется всю ночь не спать. Буду ловить, если вдруг свалится, - устало вздохнула Наташа, усаживаясь на дочкино место у окна.

- Уснет, переложим вниз, - шепнула я тихонько.

- Можно попробовать, - согласилась она.

Помолчали. Спать было еще рано. Разве что почитать? У меня, кстати, был с собой неплохой детективчик. Я полезла за ним в сумку, но, мельком взглянув на свою соседку по купе, поняла, что чтение на сегодня отменяется.

Наташа, по-видимому, задумалась о чем-то своем, а лицо у нее при этом было такое... Такое лицо вполне подошло бы человеку, возвращающемуся с похорон. О! И слезы уже потекли...

Лежать и спокойно читать детектив, когда рядом с тобой сидит человек и уливается слезами - это выше моих сил. Понимаю, что тут, скорее всего, что-то личное, и я вряд ли смогу чем-нибудь помочь, но хоть выслушать-то я могу. А в том, что Наташе нужно будет выговориться, и рано или поздно она захочет это сделать, я не сомневалась. Жизненный опыт, знаете ли, очень полезная штука.

Вместо книжки я нашарила в сумке небольшую плоскую бутылочку с кедровой настойкой, которую мне перед самым отъездом сунули заботливые провожающие со словами: «Дорога дальняя - пригодится».

- О, а это что такое? - нарочито удивившись, я вытащила на свет божий бутылочку и с недоумением на нее уставилась. Давая Наташе возможность прийти в себя, продолжаю спектакль: взболтнула жидкость, открыла крышечку, понюхала. - Не иначе, кедровая настойка.

Наташа, благодаря моим манипуляциям, уже успела отереть слезы и сместить выражение лица. Я протягиваю ей загадочный сосуд, она осторожно нюхает:

- Да, похоже на то. Наверное, родственники позаботились?

- Ну, это вряд ли, я из командировки возвращаюсь.

- Тогда - взятка, - улыбается Наташа.

- Очень может быть, - улыбаюсь в ответ. - Попробуем? Заодно уничтожим следы моего должностного преступления.

- А давай. Как не помочь хорошему человеку, - соглашается она.

Настойка оказалась терпкой, крепкой, одним словом - забористой. Обе закашлялись и еле отдышались.

- А вы, наверно, в гости к родственникам поехали? - интересуюсь я между делом.

- Нет. Мы из гостей возвращаемся. - Наташа невесело усмехнулась.

- А-а, и у кого гостили, если не секрет?

- У бывшего мужа.

Вот так номер. Теперь понятно, откуда такое похоронное выражение лица и слезы. Видно, поездка не удалась. И какая нелегкая потащила ее навестить к своему бывшему. Я аккуратненько об этом и спросила.

- Он сам позвал, - Наташа помолчала, - давай еще по глоточку.

Я плеснула. Мы выпили.

- Ой, Лен, сколько мне всего за эти дни пришлось пережить, ты себе представить не можешь, - голос ее задрожал от подступающих слез.

Она хотела еще что-то сказать, но не смогла, уронила лицо в ладони и заплакала, не в силах больше сдерживать себя. Дав ей как следует выплакаться, я стала ее успокаивать:

- Наташ, ну хватит. Похоже, не стоит он того, чтоб так убиваться.

- Ты понимаешь, я ему поверила. По-ве-ри-ла, а он..., - всхлипывала Наташа.

- Ну все, все. Знаешь что, иди-ка ты умойся, а то вон всю тушь по щекам размазала, на черта уже похожа. Иди, иди. Я за Иришкой присмотрю.

Наташа вернулась и снова села за столик напротив меня. Виновато улыбнулась.

- Успокоилась немного?

- Угу. Мы там почти пять дней прожили - ни разу не заплакала. А тут что-то так подкатило. Не смогла удержаться. Все, больше не буду, а то подумаешь, что я истеричка какая-нибудь.

- Не говори глупостей. Ты мне лучше вот что скажи: вы с ним что, в разводе?

- Официально - нет. Пока. Только бы до дома доехать - сразу подам.

- Что, все так плохо?

- Плохо. Хуже, наверно, и не бывает.

- Наташ, но у вас же дочка.

- Да. Дочка... Только, оказывается, ничего это не меняет, - Наташа вздохнула и, подперев щеку рукой, в задумчивости замолчала.

Я тоже молчала. Глядя на свою соседку по купе, я пыталась понять ее бывшего мужа. Передо мной сидела красивая молодая женщина. Про таких говорят: все при ней - и лицо, и фигура, и одета со вкусом. А дочка - так просто прелесть. Что же между ними произошло? Что было не так? Интересно.

- Да, не меняет, - задумчиво повторила Наташа. - А ты знаешь, он ведь всего второй раз в жизни ее видел.

Она печально улыбнулась, увидев мое недоумение.

- Да, да. Иришка родилась, когда он в армии был, тогда еще на срочной. Ему отпуск дали специально, чтобы съездил на дочку посмотреть.

- Я так понимаю, это был первый раз. А второй?

- А второй сейчас.

- Ничего себе, так он что...

- Я сама долго ничего не понимала, кажется, только теперь разобралась. Хотя, какое там к черту разобралась. Вопросов гораздо больше, чем ответов. Но одно выяснила точно - теперь между нами, действительно, все кончено. В общем, не зря все-таки съездила.

За это мы пропустили еще по чуть-чуть, и Наташа, воодушевленная моим сочувственным вниманием, решила рассказать мне свою историю с начала и до конца.

- Объяснить я тебе ничего не могу. Самой бы кто объяснил. А рассказать - расскажу. Может, тебе со стороны и удастся в чем-то разобраться. С чего же начать-то?

- Давай уж с самого начала.

- Угу. Ну, значит, так. Это было в девятом классе. Я тогда ходила в танцевальный кружок. Ну, а там, понятно, почти одни девчонки. Вот как-то перед Новым годом директриса пригнала к нам толпу мальчишек. Она их где-то в школе застучала с курением и сказала, что или они записываются в хор, либо в танцевальный, или их отчисляют. Он мне и так всегда нравился, а тут уж я подгадала, чтобы с ним в пару попасть. После танцев он пошел меня провожать. Разговорились, оказалось, что и я всегда ему нравилась. Начали дружить, и я, вообще, по уши влюбилась...

Ну, а после школы, как только исполнилось восемнадцать, мы и поженились. Свадьба была в ноябре, а весной его забрали в армию. Я уже беременная была. Правда, срок еще был небольшой. Я говорила, чтоб он отсрочку попросил, а он не захотел. Говорит, мол, все равно служить. Быстрее призовут - быстрее вернусь.

Жили мы у моих родителей, оттуда его и в армию провожали. А потом пошли письма, и в каждом «люблю», «скучаю», «жду не дождусь, когда...». В отпуск, когда приехал, на руках меня носил, на Иришку нарадоваться не мог. А перед самым возвращением письма вдруг перестали приходить. Потом одно все-таки пришло. Пишет, что приедет такого-то.

Ну, мы, естественно, начали готовиться. Закупили продуктов разных, выпивки. И вот бы завтра ему приехать, так мы с матерью еще накануне начали все готовить. Жарим, варим всякие вкусности. Тут свекровь моя приходит. Ну, думаем, помочь решила. Приглашаем пройти, а она сама не своя - стоит возле дверей бледная, глаза заплаканные. У меня сердце так и упало: что-то случилось. «Мам, - говорю. - Вы чего?». А она мне письмо протягивает, а сама уже навзрыд плачет.

Я письмо взяла, читаю и глазам своим не верю. Пишет он ей, что не приедет, что решил остаться на сверхсрочную, а мне, мол, потом все в письме объяснит. Ну, что там дома после этого было, я тебе рассказывать не буду, сама представляешь.

Письма я от него так и не дождалась. Написала сама. Долго не отвечал, потом все-таки решился: «Встретил другую. Прости». Вот и все. Осталась я, как говорится, соломенной вдовой.

На развод он не подавал, ну и я не торопилась. С одной стороны, конечно, надо было бы, а с другой... Начинаю вспоминать, как у нас все было, и ничего плохого вспомнить не могу. Думаю, может, еще вернется. Ну, с кем не бывает? Дочка опять же.

Год проходит, другой - от него ни слуху ни духу. И тут вдруг телеграмма: «Приезжай. Жду и люблю по-прежнему». Отец там чуть с ума не сошел,

не хотел меня пускать. Ну, а мама-то знает, что я только и ждала, когда он одумается и позовет, начала помогать вещи собирать.

Пока ехали, все представляла, что скажу, что он мне скажет, с какими глазами будет меня встречать...

Все. На этом связанное повествование и закончилось. Наташа снова заплакала. А потом сквозь всхлипы и причитания она то односложно отвечала на мои вопросы, то возвращалась назад в свои воспоминания, посчитав, что пропустила что-то очень, на ее взгляд, важное, то вновь продолжала свой рассказ. Так что я лучше передам его своими словами.

Ближе к вечеру приехали они с Иришкой в тот самый городок, на вокзале которого мы потом с ними и встретились, и где проживал их непутевый муж и отец (кстати, его звали Владимиром). На перроне никто их не встречал. Прошли на вокзал, и там его не было. Подождали немного - вдруг задержался, а потом пошли разыскивать.

Наташа уже понимала, что что-то не так. Но из чужого города через полстраны домой не прыгнешь. И если уж приехала, надо выяснить все до конца, раз и навсегда. Может, еще ничего страшного. Служба - это ведь дело такое - не отпустили, и все тут.

Кое-как нашли и дом, и квартиру. На звонок надавила сразу и решительно, чтобы не успеть струсить и передумать. В квартире послышались быстрые шаги, шелкнул замок и дверь распахнулась.

На пороге стояла молодая женщина в домашнем халате, невысокая, не сказать, чтобы красавица, но приятной наружности. Она удивленно вскинула брови.

- Вам кого?

- Володю, - оторопела Наташа.

Еще была надежда, что она ошиблась с адресом, что-то там перепутала. Но эта робкая надежда тут же и умерла. За спиной женщины появился Владимир. Одет он тоже был очень по-домашнему - спортивные брюки и футболка. Сомнений не было, перед ней стояла супружеская пара.

- Не поняла, - изумилась женщина, - а вы кто такая? Володя, это что, к тебе?

- Да, Оля, это, похоже, ко мне, - Владимир оттеснил женщину в глубь квартиры и в мрачном недоумении уставился на Наташу. - Ты зачем приехала?

Наташа от этого вопроса, как от оплеухи, едва удержалась на ногах.

- Ты же сам прислал телеграмму...

- Я следом вторую послал. Ты что, не получила?

«Какую вторую? О чем он? Что, вообще, происходит?» - металась в Наташиной голове бессвязные мысли. В висках застучало, перед глазами все поплыло. Кое-как взяла себя в руки и сквозь шум в ушах услышала голос Володи.

- ...с ней помирились, и я отправил тебе вторую телеграмму, чтобы ты не приезжала.

Когда смысл сказанного дошел до Наташи, ее накрыла такая волна злости - она готова была кинуться на своего муженька с кулаками. Сдержалась. Вместо этого сунула чемодан Владимиру в руки и совершенно спокойно сказала:

- Никакой второй телеграммы я не получала, так что встречай гостей. Ты пригласил - мы приехали. На улице с ребенком я ночевать не собираюсь.

Владимир посторонился, и Наташа вместе с Иришкой зашли в квартиру. В небольшом коридорчике сразу стало тесно. Наташа начала неторопливо расстегивать свое пальто, а Владимир, кое-как пристроив чемоданы, стал раздевать Иришку. Ольга, бледная, с красными пятнами на лице, стояла тут же, воинственно уперев руки в бока.

- Может, ты мне объяснишь, что все это значит? - не вытерпела она.

- Сейчас объясню, - пообещал ей Владимир, принимая из рук Натальи ее пальто, и, подмигнув Иришке, предложил, - вы проходите пока в комнату.

Тут же он подхватил Ольгу под руки и буквально запихнул ее в кухню, притворив за собой дверь. Наташа, взяв Иришку за руку, прошла в комнату и села на диван.

Еще когда она только переступила порог этой квартиры, нет, даже раньше, как только Ольга распахнула дверь, и из нее вместе с теплом вырвались запахи и окружили Наталью, уже тогда они сказали ей гораздо больше, чем сами обитатели. Сейчас, сидя в комнате на диване, она ощущала их особо остро. Пахло недавно приготовленным ужином, стиранным бельем, которое сушилось на батарее, каким-то незнакомым парфюмом, какими-то вещами. Так пахнет чужое семейное счастье, и от этого запаха к горлу подкатывал сладковатый комок тошноты.

В висках по-прежнему стучало, голова кружилась, на глаза наворачивались слезы. Надо было срочно взять себя в руки, собраться с мыслями. Иначе... Иначе, если поддаться этому состоянию... Поддаться?! Ну, уж - нет!

Иришка давно уже трясла ее за руку.

- Мам, мама, мааам.

- Не тряси, Ириша, я слышу. Чего тебе? - ухватилась Наташа за родной голосок, как за соломинку.

- Мам, а это мой папа, да?

- Да.

- А эта тетенька кто?

- А эта тетенька - его жена, - вздохнула Наташа.

- А ты? - не унималась Иришка.

В это время на кухне, где уже в полный голос ругались Владимир и Ольга, что-то грохнуло, звякнула посуда, что-то разбилось. Ольга испуганно взвизгнула, а Владимир, четко выговаривая слова, не допускающим возражений тоном произнес:

- Это моя дочь. Она будет жить здесь столько, сколько надо. И ты будешь ее кормить. Тебе все ясно?

«Ну-ну, вякни что-нибудь поперек, тут тебе и конец», - злорадно подумала Наташа. Она-то хорошо знала, что Володька говорит таким тоном, когда злой до невозможности, и лучше ему в этот момент не перечить. Ольга промолчала, видно, тоже знала край.

Кухонная дверь распахнулась. Ольга выскочила на середину комнаты, снова подбоченилась, как только что в коридоре, и без всяких вступлений начала диктовать условия:

- Значит, так! Спать будем втроем вот на этом диване. Ты у стены, - она ткнула пальцем в Наташу, затем перевела его на Иришку, - она между нами, я с краю, а то знаю я эти номера - со мной не пройдет! А сейчас идите есть.

Гости молча встали и отправились на кухню.

Наташа сразу прошла в дальний угол и села за обеденный стол. Иришка хотела пристроиться рядом с матерью, но Владимир поманил ее к себе. Де-

вочка подошла нерешительно, отец улыбаясь подхватил ее и усадил к себе на колени.

- Какая ты большая стала, - разглядывая Иришку и глядя ее по волосам, удивлялся Владимир, - а меня помнишь?

Иришка отрицательно замотала головой.

- Не помнишь? - деланно возмутился он. - Ну, хоть кто я такой, знаешь?

В это время Ольга швыряла на стол тарелки, вилки, ожесточенно резала хлеб. Владимир, не обращая на нее внимания, продолжал разговаривать с дочкой. Наташа сидела напротив, подперев голову рукой, и старалась ни о чем не думать.

Очевидно, хозяева уже поужинали. Ольга положила в две тарелки по огромной котлете и от души - картофельного пюре, брякнула их на стол перед гостями и встала возле окна, глубоко засунув руки в карманы своего халата.

Наталья молча принялась за еду. Ольга тоже молчала. Зато отец с дочерью трещали без умолку за всех четверых. Иришка, несмотря на то, что видела своего отца первый раз в жизни, на удивление быстро освоилась с ним. С удовольствием отвечала на его вопросы, залиристо хохотала, когда он пытался сказать ей что-то на ушко, и между делом уплетала котлету.

Чем веселей и непринужденнее вела себя эта парочка, тем мрачнее становились женщины. Обе хмурились, и видно было, едва сдерживались, чтобы не оборвать это неуместное веселье.

После ужина смотрели телевизор. Иришка, теперь уже по собственному почину, залезла к отцу на колени. Потом стали укладываться спать, соблюдая установленный Ольгой порядок. Владимир ушел спать в другую комнату.

Наташа думала, что не уснет в такой обстановке, после всего, что с ней случилось, но едва дыхание дочки выровнялось, как она тоже провалилась в глубокий сон.

Проснулась оттого, что хлопнула входная дверь. Потом кто-то зашел в ванную комнату, и там зашумела вода. Дочь спала рядом, сложив на нее и руки, и ноги. Ольги не было.

Сквозь окно едва пробивался серый предрассветный сумрак. Судя по всему, было еще очень рано. Наташа улеглась поудобнее, но сон уже отлетел.

Что же ей теперь делать? «Уезжать надо. Господи, как же он мог так со мной поступить? За что?» - Наташа терялась в потоке нахлынувших горьких мыслей.

Из ванной кто-то вышел, прошлепал тапочками по коридору на кухню. Наташа встала, стараясь не разбудить Иришку, быстро оделась и пошла умываться.

Из зеркала, висевшего над раковиной, на нее глянуло бледное осунувшееся лицо с потухшими глазами. «Нет, так дело не пойдет! Я должна выглядеть как никогда!» - решила Наташа и принялась за наведение красоты, даже не пытаясь разобраться, зачем ей это надо.

И правильно сделала. Как только привела себя в порядок, сразу почувствовала уверенность в своих силах. Спина сама собой выпрямилась, гордо вздернулся подбородок.

Вот так-то лучше! Знай наших! На войне как на войне! А в том, что ей еще придется повоевать, Наташа не сомневалась. Если не за свое счастье, то, по крайней мере, за свое достоинство.

А, собственно говоря, почему бы и не за счастье? Если у нее увели мужа, то кто ее осудит, попытайся она вернуть его обратно. Вот только вопрос -

стоит ли драться за такой сомнительный «приз». Ладно, с этим еще будет время разобраться.

Такой она и появилась на кухне. Красивая, гордая и очень воинственно настроенная.

Ольга сидела за столом. Перед ней стояла чашка с давно остывшим чаем. Зло глянув на вошедшую, она поджала губы и ехидно бросила:

- Зря старалась.

- Ты о чем? - не поняла Наташа.

- Краску, говорю, зря переводила. Ушел он уже на работу.

- Ну, как ушел так и вернется, - ответила Наташа, наливая себе чай.

- Не рановато хозяйничать начала?! - взъелась Ольга.

- В самый раз. И не ори, ребенка разбудишь.

- Ты мне своим ребенком рот не затыкай! Еще не известно, от кого ты ее прижила. Ишь, приперлась она, права качать. Мы тут и не таких видали...

- Да мне без разницы, каких ты тут видала. Я не к тебе приехала.

- А к кому? К мужу моему? Так зря прокатилась!

- Ну, во-первых, он тебе не муж, а сожитель...

- А тебе вообще - никто! - заорала перебивая Ольга.

- А это мы еще посмотрим!

- Что?! - Ольга взвилась со своего места.

Она подскочила к Наташе, выхватила у нее из рук чашку с недопитым чаем и с размаху швырнула ее в раковину.

- Убирайся отсюда! Вон из моего дома! Посмотрит она! Я тебе посмотрю. Ничего тебе здесь не обломится, так и знай! - орала Ольга, срываясь на визг.

Наталья молча сорвалась с места, метнулась в прихожую и тут же вернулась со своей сумочкой.

- Не обломится, говоришь? А мне чужих обломков не надо, я за своим приехала.

Она нервно пошарила в сумочке, достала оттуда злосчастную телеграмму и сунула ее Ольге.

- На, читай!

- Мам! - позвала Иришка из комнаты.

- Доорались, - Наташа бросила сумку на стол и пошла к дочери.

Иришку разбудил шум на кухне, и теперь она сидела на диване, испуганно хлопая заспанными глазенками.

- Проснулась?

- Ага. Мам, а что случилось?

- Ничего не случилось. Иди, умывайся, потом оденешься и будешь завтракать.

Она отвела дочь в ванную, включила ей воду, а сама вернулась на кухню.

Ольга плакала, уткнувшись лицом в ладони. Перед ней на столе валялась скомканная телеграмма.

- Ну, что, убедились? Не сама я сюда приперлась - он меня позвал.

- Я ничего не понимаю, - всхлипывала Ольга, - зачем он это сделал?

- Я тоже не понимаю. Вот пусть придет и объяснит. Хватит реветь и, пожалуйста, сообрази что-нибудь Иришке на завтрак.

День прошел относительно спокойно. Сцен, подобных утренней, больше не повторялось. Женщины разговаривали только в случае крайней необходимости и старательно избегали друг друга, насколько это было возможно, в тесной двушке.

поет тетка, жадно фиксируя своими бегающими глазками малейшие нюансы в поведении женщин.

Оля при этих словах заметно бледнеет и начинает с трудом подыскивать слова. Но Наташа опережает ее:

- Конечно, похожа, еще бы. Сестра я Володина родная, а это его племянница. Вот, приехали навестить. Пойдем, Ириша. Оль, догоняй, - и она быстро потащила дочку вниз по ступенькам, краем глаза отметив, как вытянулась физиономия у соседки. «Что, съела?» - злорадно усмехнулась про себя Наташа.

Не то, чтобы она очень хотела защитить свою соперницу от досужей сплетницы, хотя именно в этот момент ее первый раз кольнула мысль о том, каково Ольге приходится в этой ситуации, и все же не поэтому она вступилась за нее. Просто сама досыта натерпелась от таких соседешек, будучи ни вдовой и ни мужниной женой.

Не успели Наташа с дочерью выйти из подъезда, как оттуда пулей выскользила Ольга. На бледном лице ее опять гуляли красные пятна, глаза сузились от злости.

- Вот ведь гадина. Специально ждала под дверями, - прошипела она в адрес своей соседки.

- А то! - усмехнулась Наташа. - Ну, что? Куда пойдём?

Поблизости был небольшой магазинчик, но Ольга планировала взять чего-нибудь мясного, а значит, надо было идти в гастроном. Туда и направились.

На улице было скользко. Выпавший несколько дней назад первый снег, затем наступившая короткая оттепель с холодным морозящим дождем и небольшой морозец следом сделали свое дело. Расквашенная земля застыла неровными кочками, а тропинки и тротуары были покрыты льдом, как глазурью.

Женщины шли осторожно. А вот Иришка скакала и прыгала, как дикий зверек, вырвавшийся наконец-то из клетки. Наташа крепко держала ее за руку, но это не помогало. Иришка без конца поскальзывалась, и тут же заваливалась то вперед, то назад, то прямо под ноги матери. До земли она, конечно, не долетала - Наташа вовремя поддегивала ее вверх. Иришка висла на руке у матери, скользя ногами и залиристо хохоча.

Смотреть на это было забавно, сердиться не получалось, но идти-то как-то надо было. Наташа попыталась вразумить дочь, подпустив строгости в голосе и на лице, но это не сработало.

- Мама, ну, я же не нарочно, - деля честные глаза, уверяла проказница.

- А давайте-ка вот так, - предложила Ольга, ухватив Иришку за свободную руку.

Кажется, в сложившейся ситуации это действительно был единственно возможный выход. Поддерживаемая с двух сторон, Иришка свободно скользила по наледи, а если на пути попадалась кочка, то она просто поджимала ноги и, повиснув на руках у своих спутниц, преодолевала препятствие. Женщины семенили по обе стороны от нее. И вся троица, таким образом, продвигалась вперед без задержек.

В гастрономе народу было не так чтобы много, но в каждый отдел стояла довольно приличная очередь. Чтобы ускорить процесс, решили разделиться. Ольга пошла за мясом, а Наташа отправилась в молочный. Как только она отошла от прилавка, дочь потянула ее к кондитерскому отделу. Убедившись,

что Ольга еще стоит в очереди, Наташа поддалась на уговоры Иришки и пошла к витрине с тортами и пирожными.

- О-о, мам, смотри, какой, - Иришка подергала мать за руку, показывая в центр витрины, где среди скромных бисквитных и песочных тортиков красовался облитый шоколадной глазурью и украшенный масляными цветами большой праздничный торт.

- Угу, красивый, - согласилась Наташа.

- Мам, давай купим, а? - без особой надежды в голосе предложила Иришка.

- Ну, что тут у вас? - спросила подоспевшая Ольга.

- Да вот, Иришка торт выбирает.

- Может, действительно, торт к чаю возьмем?

- Представляю себе это чаепитие. В кругу семьи, так сказать, - горько связвила Наташа.

Слабая улыбка моментально сбежала с Ольгиного лица, но ответной вспышки не последовало.

- Знаешь, я тут подумала... Я от своего не отступлюсь, ты тоже. Выходит, решать все равно будет он. Так чего нам с тобой зря собачиться? Тем более, что, сколько еще нам эту кашу расхлебывать, неизвестно.

Наташа и сама уже подумывала о том же. Нервное напряжение первых суток спало, и на смену ему в душу начал закрадываться холодок апатии.

Она не стала ничего говорить в ответ, но Ольга правильно поняла ее молчание.

- Ир, какой выбираешь?

- Мне вот этот нравится, - девочка показывает на шоколадного красавца.

- Ну, нравится, значит, берем, - с ходу соглашается Ольга.

- Ты на цену посмотри.

- Ничего себе. Сбросимся?

- Давай, но только на «Лесную сказку». А на этот сбросимся, когда генеральшами станем.

- С таким генералом можем и не дожить.

Обе невесело засмеялись и достали кошельки.

На обратном пути Иришка уже не баловалась, а наоборот просила своих спутниц внимательно смотреть под ноги. Правда, беспокоилась она больше не за них, а за коробку с тортом, с тем самым, шоколадным.

Придя домой, Ольга первым делом стала разбирать сумки, а потом начала что-то мудрить с ужином. Наташа, усадив дочь перед телевизором, пришла к Ольге на кухню:

- Не могу больше сидеть просто так, давай, хоть картошку почищу.

В результате совместных усилий стол получился шикарный. Да еще Ольга достала свои соленья. Огурчики, помидорчики, грибочки - все отборное, пальчики оближешь.

Критически осмотрев все это великолепие, Оля задумчиво спросила:

- А ты не находишь, что здесь чего-то не хватает?

- А чего?

- Определенно не хватает!

Ольга метнулась к холодильнику, достала начатую бутылку коньяка и поставила ее на стол, шутливо прокомментировав:

- Для куража и антуража. Дамы, прошу к столу.

- Ждать никого не будем? - со значением спросила Наташа, усаживая Иришку за стол.

- Вчера ждали! - отмахнулась Ольга. - Кто опоздал, тот не успел.

Уже Иришка накормленная и с огромным куском торта была отправлена смотреть мультики, уже бутылка опустела почти наполовину, а женщины все сидели за столом и разговаривали. О чем? О разном. О работе, о подругах, о магазинах, о тряпках. И все никак не могли подойти к тому, что болело, к тому, что так мучило обеих, к тому, о чем, в общем-то, только и надо было поговорить.

Телефон зазвонил так громко и резко, что обе вздрогнули. Оля кинулась к трубке, а Наташа вся обратилась в слух.

- Алло?! А, Марина, здравствуй. Да, все нормально. Отдыхаю, да. Вот, гости приехали. Ты извини, я тебе потом перезвоню. Ага, пока.

Оля вернулась за стол.

- Подруга.

- Я поняла.

Помолчали. Обе думали об одном. Поэтому, когда Оля заговорила, Наташе не надо было спрашивать, о чем речь.

- Конечно, он к тебе уйдет.

- Почему ты так решила?

- Потому что у тебя ребенок, - Ольга начала всхлипывать, - видела, как он с ней вчера? У-тю-тю, у-тю-тю...

- Позавчера.

- Что? - не поняла Оля.

- Позавчера это было. А сегодня-то он где, в таком случае?

- Работает. Да-а. Работа у него такая, - размазывая слезы по щекам, Ольга почему-то принялась горячо защищать Владимира.

- Угу, работает, - Наташа задумчиво гоняла вилкой по тарелке маринованный грибок и никак не могла поймать. - Шустрый, гаденыш.

- Чего? - Оля икнула.

- Чего-чего?! Работает он, видите ли! - разозлилась Наташа. - А мне так вот кажется, что прячется он просто.

- От кого? - удивилась Ольга и опять громко икнула.

- Попить надо, - посоветовала Наташа.

- Щас, - преувеличенно выверенными движениями Оля взяла бутылку и наполнила рюмки.

- Водички надо было.

- Зачем? Еще же коньяк не кончился... Ой, что-то я пьяная, по-моему...

- Да? А я нисколько, - Наташа прицелившись ожесточенно ткнула вилкой в злополучный грибок и промахнулась...

Отшвырнув вилку, она вдруг спросила:

- А это далеко?

- Что далеко? - не поняла Оля.

- Ну, часть эта его.

- Да нет. Ну, минут... Ну, полчаса от силы.

- Пошли! - Наташа решительно встала из-за стола.

- Куда? А-а, ты хочешь, чтобы мы к нему.., - Ольге показалось это смешным, и она захихикала, - слушай, правильно. Раз, два, три, четыре, пять - я иду искать! Ха-ха-ха!

- Кто не спрятался, мы не виноваты, - подхватила Наташа.

Прежде чем уходить, заглянули в комнату к Иришке. Девочка, вся перемазанная шоколадным кремом, крепко спала, прижимая к себе пустую тарелку. А в разметавшихся по подушке волосах угнездился фрагмент сахарно-белковой хризантемы.

Зрелище было и ужасным, и трогательным одновременно. Ольга не вытерпела, захихикала. Наташа зашипела на нее и тихонько вытолкала в коридор, прикрыв за собой дверь.

- Ты чего? Разбудишь же!

А та заходилась хохотом.

- Нет, ты видела это? Диадема! Ха-ха-ха! Ты видела?

- Видела-видела. Одевайся, - улыбаясь, согласилась Наташа и подала Ольге пальто.

Когда вышли из дома, поняли, что погорячились. На улице было темно и безлюдно.

- А сколько времени-то? - спросила Оля.

Наташа ощупала запястье - часов там не было.

- Не знаю. Наверное, поздно уже.

- Ой, да какая разница! У них на КПП дежурный круглосуточно сидит.

- На чем сидит? - уточнила Наташа.

- На КПП, - заплетающимся языком повторила Оля, - проходная у них так называется.

- Тогда пойдем!

- Пойдем!

Оля уцепила Наташу под руку, и обе дамы слегка нетвердой походкой решительно направились к воинской части.

Дежурный на КПП действительно был. Он долго и дотошно расспрашивал, кто им нужен и зачем, потом велел подождать.

Ждали долго. Холодный пронизывающий ветер, казалось, продувал насквозь. А тут еще хмель начал проходить. В общем, обе замерзли, посинели и дрожали, как два осиновых листочка.

Так никого и не дождавшись, снова нажали на кнопку звонка. Дежурный вышел к ним.

- Ну?! - произнесли обе разом.

- Он спрашивает, кто его спрашивает.

- Чего? - не поняла Наташа.

Но Ольга на удивление быстро разобралась в ситуации.

- Кто-кто! Жены, блин, вот кто!

- Что, обе? В смысле, две?

- Пока две, а тебе что, мало?!

- Нет, я в смысле, так и передать?

- Так и передай! - рявкнули женщины хором.

Дежурного как ветром сдуло. Но в этот раз ненадолго. Через несколько минут он появился снова.

- Он сказал, что выйти к вам не сможет, и чтобы вы шли домой, а он завтра, как только сдаст дежурство, тоже придет, - отчеканил солдатик и быстренько захлопнул железную дверь.

Домой вернулись продрогшие до костей, и у обеих раскалывались головы. Выпив по таблетке от головной боли, и поковырявшись для приличия в торт (не зря же покупали за такие бешеные деньги), легли спать.

Утром обеих поднял с постели телефонный звонок. Путаясь в рукавах халата, Оля подскочила к трубке.

- Алло, алло! Володя, ты где? Что? Володя, так нельзя! - Оля замерла, слушая то, что говорил ей муж, Наташа стояла рядом, готовая в любой момент включиться в разговор. - Володя, сам ей скажи. Она... Алло, алло!.. Бросил трубку.

Обе женщины ошеломленно смотрели друг на друга.

- Что он говорил?

- Он сказал, что сегодня тебе передадут билет на завтра. И еще, что он придет за тобой машину, чтобы тебя увезли на вокзал.

- Ну, вот он свой выбор и сделал. А со мной, значит, поговорить не захотел. Да и черт с ним. Думаю, ты сама ему скажешь все, что нужно!

- Можешь не сомневаться.

Увлеченные разговором, мы с Наташей и не заметили, что время давно уже перевалило за полночь. За окном царил непроглядная темень, а неяркий свет в купе делал ее еще более непроницаемой. Если бы не редкие огни небольших поселков, мимо которых проносился наш поезд, можно было бы подумать, что он просто перетаптывается на месте, мерно раскачивая вагоны.

- Вот такая история, Лена, - горестно вздохнув, подытожила Наташа.

- Даже не знаю, что тебе сказать, - я действительно была в растерянности.

Мы замолчали. Я прислушивалась к приглушенному перестуку колес, разглядывала пустую темноту за окном, а в голове все крутились и крутились яркие картинки и образы только что пережитой чужой жизни. Нет, не разобраться мне во всей этой истории. Оставалось только надеяться, что восстановленная во время нашего разговора последовательность событий хоть в какой-то степени поможет самой Наташе приблизиться к ответу на вопрос, почему все это так произошло.

Дав волю чувствам и выговорившись, она более-менее успокоилась и сейчас выглядела просто усталой. Видимо, душевная боль, пусть на время, но все же притупилась.

- А знаешь, - прервала она наше затянувшееся молчание, - я все равно думаю, что ему это так просто с рук не сойдет. Бог накажет или жизнь, как хочешь назови.

- Ага, жди! - раздался откуда-то сверху мужской голос.

Мы с Наташей вздрогнули и замерли от неожиданности. Что это? Глас с небес?

Но тут с верхней полки прыгнул наш сосед, про которого мы совершенно забыли и которого, очевидно, разбудили своим разговором.

- Ох, бабы-бабы! Учат вас, учат, да все без толку, - назидательно изрек он и начал обуваться. - У меня вот тоже дочь... как говорил ей, не торопись, присмотришь... так нет, заладила одно: «Ты ничего не понимаешь!» Конечно, где уж тут отцу понять... теперь вот тоже... Ай, - недоговорив, он досадливо махнул рукой то ли на нас, то ли на свои невысказанные мысли, надел куртку и, бросив на прощанье:

- Ладно, счастливо оставаться, - подхватил портфельчик и вышел из купе.

На следующее утро, когда до моего родного города оставалось не больше получаса езды, мы с Наташей обменялись адресами и номерами телефонов. Но так и не созвонились, и не списались. Впрочем, так чаще всего и бывает у случайных попутчиков.

БАЙКА ИЗ КУРИЛКИ

Всамый разгар рабочего дня, когда от бесконечной офисной суеты, звонков, документов, клиентов зарябило в глазах и голова пошла кругом, Сергей, решительно остановив это безобразие, вышел из офиса в коридор и, на ходу открывая новую пачку сигарет, прошел на террасу, где с наступлением тепла предпочитали дымить те, кто еще не приобщился к здоровому образу жизни.

Вот уже несколько дней погода стояла просто замечательная. Вроде и солнце пригревало, но было не жарко, а именно хорошо. Мужики, сгруппировавшись возле урны, что-то деловито обсуждали.

- О, Серега, а ты-то поедешь с нами?

- Куда?

- В выходные на охоту собираемся.

- Не, я охоту не люблю. Рыбалка - другое дело, - Серега закурил и продолжил. - А вот батя у меня, да, охотник заядлый. У-у, что ты. Раз как-то, помню, поехал на мотоцикле капканы проверять. И смотрю - о, уже и назад возвращается. Подъезжает, весь избитый, исцарапанный. «Бать, - говорю, - ты чего?» А тот: «Да с барсуком подрался, мать его!»

Мужики заржали, загалдели, а Серега, выдержав паузу, продолжил:

- Короче, там, как было. Заехал отец в лес, пошел капкан проверить, а тут барсук. Батя к нему. Догнал, схватил, а у самого ни ружья, ни ножа при себе. Он, не будь дураком, мотоциклетный шлем с головы срывает и давай его этим шлемом долбасить. Ну, а зверь, ясное дело, сопротивляться начал. Короче, отметелил батю и убежал. Ну, а тот - домой, одежда вся в лоскуты, и на самом живого места нет. Вот так-то вот.

- Нет, правда, что ли? На полном серьезе? - сквозь смех поинтересовался кто-то из мужиков.

- Ну, как тебе сказать... - Серега затыкнул последний раз. - Я вот, тоже бывает, с рыбалки иной раз прихожу и поцарапанный, и покусанный... Щуки они, знаешь, какие попадаются? Что ты, палец в рот не клади, а тут барсук...

У ЗАБОРА ВЕЧЕРКОМ

Весь день соседка Галина ходила по своему огороду как-то боком. Не то, чтобы сильно отворачивалась, а так, будто не видит никого. Мне интересно стало. Чего это она? Обиделась на что-то и здороваться не хочет? Да вроде не было ничего такого.

В любом случае конфликты с соседями надо пресекать в самом начале, а то и еще раньше.

- Галь, привет, - кричу я через забор.

- Привет, - машет рукой в ответ и сразу шмыгает в баньку.

Ну-ну, шмыгай-шмыгай. Надолго ли тебя хватит, дорогуша? Я сделала вид, что мне до нее и дела никакого нет, а вскоре и вовсе ушла в дом.

Вечером, когда я, как бы случайно, вышла во двор, все и разъяснилось. Галя не успела вовремя отвернуться и спрятать фонарь под глазом. Общим стало неловко. Ну, вот чего спрашивается, вяжусь к человеку?

Я собиралась притвориться, что ничего не заметила и вообще тороплюсь, но Галина махнула рукой и подошла к забору, разделяющему наши огороды. Я тоже подошла со своей стороны.

Вот уже не первый раз оказываюсь в такой ситуации. Стоит напротив меня соседка с синяком под глазом, и вроде бы надо посочувствовать, и она ждет этого, а как-то не сочувствуется. Да что там, просто в голове не укладывается. Чтобы уж совсем не показаться черствой и при этом не слишком кривить душой, пытаюсь невесело пошутить:

- На что налетела?

- На мужа, на что же еще.

- И за что он тебя так приласкал?

Галина, безнадежно махнула рукой:

- Давно объяснять перестал. Тресь, и пошел спать.

- Молчком, что ли?

- Нет, почему, сказал пару слов. Тебе повторить?

- Да ладно.

- Сильно заметно? - Галя осторожно кончиками пальцев прикоснулась к синяку.

- Ага, я с крыльца увидала.

- Как на работу завтра идти? Стыдно.

- Ну, что-то замажешь, что-то очками темными прикроешь. И, можно подумать, они не знают твоего благоверного.

- Лен, ну, вот как жить дальше, а? Я же уже просто спать дома боюсь. Он вчера, прежде чем мне в глаз съездить, знаешь, что сделал?

- Господи, что еще?

- Взял топор и порубил камеру морозильную.

- Это новую, которую купили недавно?

- Ага. Я за нее еще год кредит платить буду. Не гад, а?!

- Ничего не понимаю. Ну, тебя - ясно, а камеру-то за что?

- Так ведь я же ее купила.

- Галь, ну, и что ты себе думаешь?

- Не знаю. Было бы куда уйти, давно бы ушла. Ой, только что толку-то? Все равно найдет. Здесь же нашел. - Галина зло посмотрела в сторону своего дома, помолчала. - Приехал ведь на все готовенькое, дом-то я уже почти достроила. Сволочь! И зачем я его тогда пустила?! Так там клялся, божился, на чем свет стоит - ни пить, ни гулять не буду.

- Он у тебя еще и ходок, что ли? - спрашиваю недоверчиво, поскольку не могу представить вечно пьяного соседа в роли ловеласа.

Галина невесело хмыкает:

- Так это он теперь такой. А раньше-то, о-о-о! Знаешь, как у нас в деревне доярки за ним бегали? Проходу просто не давали. Он и сам не шибко сопротивлялся. Вот я смотрела, смотрела на это на все, а потом ребятишек собрала и - в город. Почти три года мы здесь без него жили, я уж и думать забыла, а он - на тебе. А как не принять? Муж ведь все-таки, и детям отец родной.

Я когда последнюю фразу услышала, чуть во второй глаз ей не засветила.

- Конечное-е-е, как же без такой опоры жить-то? Стена каменная! Кормилец, поилец, - упражняюсь я в остроумии и ехидстве. - Сейчас-то хоть работает или уже опять турнули?

- Да какое там, выгнали, конечно. Теперь все занятие - лежит на диване и пьет.

- Галя, я с тебя дурею просто. Дети давно выросли. Денег ты от него сроду не видала. По хозяйству он тебе все равно не помогает. Еще и дерется. Зачем?

Соседка молчит, смотрит куда-то себе под ноги и неожиданно всхлипывает:

- Люблю я его, Лена.

Она замолкает, глядя на меня полными слез глазами. Я тоже молчу ошеломленная. Перед мысленным взором - сосед в мельчайших подробностях. Нет, не понимаю. Вот уж действительно, когда мы любим, то любим не за что-то, а скорее вопреки всему.

- Знаешь, он последний раз, когда кодировался, мы с ним целый год так хорошо жили. Мы даже гулять по вечерам ходили.

- Ну, так в чем же дело? Кодируй его снова и все.

- Силком же не потащишь, а сам он не хочет ни в какую. Говорит, ты, мол, сама пьешь, вот сама и кодируйся. Лен, я че пью, что ли? Ну, где я пью-то? - но глянув на меня, тут же соглашается. - Ну, да, бывает, выпиваю, но я же работаю при этом, и дом весь на мне.

И тут я вспоминаю недавнюю картину. С самого утра на соседском огороде работают их дети, даже сам хозяин выходит на полчаса и за это время успевает вскопать приличный такой клочок земли под грядку, а Галины не видать. Она появляется под вечер, пьяненько пошатываясь, обходит двор, увидев меня, подзывает к забору.

- Ну, и чего тут?

- Да ничего, молодцы они у тебя, работали весь день.

- Вот и пусть, а то привыкли все на мне ездить, а я еще для себя и не жила-то толком. А жизнь проходит, между прочим!

Картинка эта мигом проносится передо мной и исчезает, а Галина - вот она, стоит на том же самом месте, со слезами, фингалом и немым вопросом во взгляде, мол, ну, чего присоветуешь, соседка.

- Не знаю, Галь, - отмахиваюсь я, - все равно, решать тебе самой. Но ты, если что, кричи хоть погромче, чтоб я услышала.

Николай БАЛЫКОВ

Николай Балыков родился в 1956 году в Кемеровской области. Окончил школу в Сорокинском районе на Алтае, затем - Барнаульский учетно-кредитный техникум, отделение журналистики Иркутского госуниверситета.

Работал дворником, бухгалтером, экономистом, корреспондентом многотиражки, заведомом радиосообщения районной газеты.

Живет в Барнауле.

**РАССКАЗЫ
ОТКРЫТКА**

С годами Миша Семочкин стал задумываться о жизни. Даже книжки по философии начал покупать, читать из них кое-что. О счастье, о любви.

А мать пенсионерку с днем рождения поздравить чуть не забыл. Спохватился: завтра десятое, у нее юбилей, надо открытку подписать. Достал коробочку с конвертами и открытками. Перебрал все. Были просто «поздравляю». Одна с днем рожденья, но на ней натюрморт с ружьем, трубкой и подстреленной уткой. Эта охотнику в самый раз, а женщине лучше другая, где цветы, красные розы, например. Правда, цветочки-то времен СССР, с маркой за три копейки. Хоть и хранилась открытка бережно, да с тыльной стороны - сальные разводы, будто пирожок на ней полежал. Следовало бы купить новую, но ведь и эту кому-то послать надо?

Семочкин нацарапал поздравление, отправившись за хлебом и молоком сбросил попутно конверт в почтовый ящик.

И по дороге домой, и потом несколько дней его мучила совесть. Вот получит мать открытку, увидит на ней грязь, что подумает?

Пожалел сын денег на новую-то открытку. Решил, что мать даже в очках видит плохо. Не разглядит. Ей и этакая сойдет. А вот она бы для сыночка не поскупилась...

Метнулся Миша к столу, не дожидаясь от родительницы вестей, настроил внеочередное послание с извинениями.

Дождался ответа.

Мать сетовала: ноги совсем не ходят. За открытку похвалила. Хорошая, мол, красивая. И не заметила, новая или нет.

А Семочкин укоряет себя. Подружке бы отправил такую? Нет. Зое вот Галкиной в десятом классе на Новый год купил яркую, гляцевую, склады-

валась, как книжечка. И другим девчонкам дарил открытки хоть обычные, да новые. А эту муржил со школьной поры. Третью века!

Зоя нравилась, ее, видно, любил.

«А мать-то люблю?» - воззрившись на белое облако за окном старенькой «хрущевки» задумчиво морщил лоб Миша.

Облако же, печально уплывая в бескрайнюю даль, только разводило руками: ответа не было и у него.

БУДТО ВЧЕРА СЛУЧИЛОСЬ...

Перед выходом из дома я вдруг почувствовал смутное беспокойство, хотя ничего неприятного, как будто, не предстояло. Так, повседневные дела. И действительно, часа через три успешно, даже с долей везения, сделал все намеченное и стоял на трамвайной остановке, чтобы вернуться домой. Мимо проходили легковые машины, троллейбусы, автобусы, а вот нужного трамвая все не было. Приближался вечер. Начинал крепчать морозец, и я подумывал уже перейти на троллейбусную остановку, но мое внимание привлекли стоявшие метрах в трех девушки.

Одна, в черной цигейковой шубе и норковой шапке, что-то оживленно рассказывала другой, которая была в долгополой рыжей дубленке и в лисьей шапке-ушанке. Последняя стояла чуть дальше, ко мне левым боком, и было видно ее лицо. От мороза оно раздумянилось, из-под шапки выглядывали прядки волос, не закрывая темных бровей. Девушка эта больше слушала, иногда лишь вставляла реплики, улыбалась. Когда смеялась, чувственные губы ее раскрывались и обнажали ряд белых зубов. Глаза были добрые, блестящие, излучая влажное, нежное сияние.

Стояла она справа от меня и, чтобы посмотреть в направлении ожидаемого трамвая, поворачивала голову в мою сторону. Тогда я видел лицо ее в анфас: небольшой прямой нос, кожа лица чистая и нежная, как и бывает у многих молоденьких девушек.

Приятельница ее была брюнетка, хорошенькая, но особенного в ней я ничего не находил. Стоял лицом к трамвайной линии, хотя естественней было повернуться налево. Но трамвай меня занимал сейчас куда меньше, чем девушка. Почти не сводил с нее глаз. Отметил: у нее очень красивая улыбка. Она миловидное лицо ее преображала. Глядя на это чудо природы, трудно было удержаться от ответной улыбки. От радости за ее красоту и за себя, что повезло оказаться с ней рядом.

Явился переполненный трамвай. Вошли в одну дверь. Симпатичная попутчица оказалась теперь ближе, чем на остановке. Она стояла ко мне лицом, ее черноволосая приятельница - спиной. Сейчас с девушкой нас разделяло не более метра. Продолжая улыбаться, она слушала брюнетку, а когда негромко отвечала, слышался ее приятный голос.

Одно время плотная толпа разлучила девушек, и с удивлением и радостью я поймал на себе взгляд своей милой попутчицы. Когда часть людей вышла, девушка вновь смогла подойти к подружке.

- Ну, там невозможно было стоять, - облегченно вздохнув, сказала она ей. Действительно, она стояла у дверей, и давка там была особенно сильной.

Теперь же она оказалась рядом со мной. Стояла так близко, что ощутим был аромат ее духов. Она пошевелилась и на какое-то мгновение ее рука в вязаной цветной рукавице коснулась моей руки. И вновь я видел ее лицо. Сейчас совсем близко. Чтоб взглянуть на меня, ей понадобилось бы повер-

нуть голову. И раза два или три она поворачивала ее, но на меня не смотрела. А перед тем, как мне выйти, не спеша спокойно она повернулась ко мне и долгим взглядом посмотрела мне прямо в глаза. Так, что я запомнил это навсегда.

Нехотя я вышел на своей остановке, а автобус помчался дальше. Стоял и смотрел ему вслед, теперь уже понимая, почему утром ощутил смутное беспокойство: я не должен был отпускать это чудо в неизвестность, я обязан был заговорить с девушкой, а после, быть может, проводить ее до дома. Ну и что же, что мне тридцать пять, а она совсем юная. Разве это меня остановило?

Шагал к дому, а в голове запоздало билась одна и та же фраза: «Ты упустил свою судьбу! Ты упустил свою судьбу! Ты...»

Надо же - как давно все это было, а помнится, будто вчера случилось. Надо же...

ШУТКА

За прожитые полвека, из тех, с кем сводила меня судьба, очень немногих мог бы назвать я другом. Отношения хорошие с людьми бывали, но не всегда переходили в крепкую дружбу.

Санька был одним из немногих. Другом детства. И я часто вспоминаю о нем.

Дома наши построены в центре села, метрах в трехстах один от другого. Просторные, крытые шифером. Над его крыльцом - аккуратный козырек, а у нас дом совсем новый, козырька пока нет. Саня в семье - единственный ребенок, нас детей - четверо. Его отец участковый милиционер, мать - продавец магазина сельпо. Мой - бухгалтер, мать - домохозяйка: на ней огород, корова, поросята и овцы, догляд за нашим братом.

У Сани дома всегда в вазочке лежали шоколадные конфеты, у нас сладости появлялись раз в месяц, в день получки отца. Причем конфеты - простенькие: «дунькина радость». Делились на пять частей и тут же съедались. Мы жили бедно, семья Сани - в полном достатке.

Отец его - невысок, коренаст, широк в кости. Плечи - косяя сажень, шея - как у буйвола, что украшал капот МАЗов, идущих по тракту нашего села. Ежиком огненные волосы. Говорил негромко, спокойно, звонким металлическим голосом.

Однажды, еще дошколенком, обидевшись, что брат не стал со мной играть, я соорудил у стены бани костерок: два кирпича, береста от березовых дров, щепки. Вдруг подул ветер. Стена, утепленная сухой паклей, вспыхнула. Услышал, что закричали люди, кинулись в сторону бани. Увидел мать с полными ведрами: бежала от речки, из-под горы. Пожар общими усилиями потушили. Участковый взялся искать виновника «торжества». Я пустился наутек. Укрылся в заброшенном, заросшем крапивой овощехранилище без потолка, дрожа, как осиновый лист, прижался к стене. И вдруг надо мной загромыхало, на меня осыпалась земля. Это протопал милиционер, протопал мимо, но страх возможной с ним встречи остался надолго.

Потому у Сани я гостил после редко, чаще мы бывали у нас.

Видится иногда мне: сидим мы рядышком на нашем крыльце и мечтаем о будущем. Кем, повзрослев, станем. Хорошо бы летчиками, интересно плавать по морям, можно - геологами, чтоб искать золото и полезные ископаемые, пробираясь по тайге и горам. Фантазируем, наперебой дополняя друг друга, и не замечаем, как наступает вечер, над речкой расстилается густой туман.

Все испортил один случай.

Как-то летом предложил Саня поесть с их грядки гороха. Стручки как налитые, горох-то скороспелый. У нас же посадили попозже, да и сорт другой оказался - еще не созрел.

Мы о чем-то разговаривали. Саня вдруг сказал:

- Сейчас приду. - И исчез.

Я присел на корточки, чтоб не так заметным быть - боялся его отца с того самого пожара. Да и пойманным на чужом огороде не хотел оказаться. Сидел, лакомился. Вдруг что-то прижалось к затылку и последовал резкий хлопок. Это Саня надул резиновый шарик и с силой прижал его к моей голове. Видя мой испуг, Саня громко захохотал. Мне же было не смешно. От него такой шутки я не ожидал. Да и не шуткой тогда мне все это показалось, а предательством - Саня знал, как я отказывался идти в их огород, и - почему.

Увидев мою неподвижную, ссутулившуюся спину, а потом окаменевшее лицо, он умолк. Стал извиняться.

Размазывая слезы, я тяжело поднялся и побрел домой.

Мы еще какое-то время встречались, иногда вместе играли, но что-то было не так. А через год Саня с родителями переехал в райцентр. Отец его пошел на повышение.

Лет сорок спустя встретил я его, теперь бывшего начальника ОВД, в городе. В шапке и мешковато сидевшем пальто, он заметно усох, прежней мощи не было и в помине, но я его сразу узнал. Ехали в автобусе, он готовился выходить. Я стоял в двух шагах от него. Почувствовав взгляд, он повернул голову, пристально и, будто что-то припоминая, посмотрел мне в глаза.

Хотел я сказать: «Николай Митрофанович, передайте привет Сане. От друга детства».

Но так и не решился.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЧТЫ

Марина СНЕГОВА

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Весну ощущаю -
Шальную, хмельную, свободную.
Я сад очищаю,
Сметая листву прошлогоднюю.

Все старые ветки
Сожгу на костре очищения,
Сломаю все клетки
И смою рекой всепрощения.

Пусть почки взорвутся
На тоненьких ветках
березовых,
Тюльпаны проснутся,
В весенних объятиях грезовых.

Уходят заботы,
И нет никакого сомнения -
Сейчас, пусть, - суббота,
Но завтра - уже воскресенье.

с. Маралиха

Владимир ИВАНОВ

О БЫЛОМ

Я вижу дом... Ветра над ним не робки.
Как вихры наши треплет мать смеясь...
И ради нас она в горящей топке
Сжигает свои годы не скупясь...

Я помню ставни - два крыла уставших,
Как ветер их безжалостно трепал...
И как буран, всю ночь преград не знавший,
Под утро старцем слабым умирал...

Вот мать пред образком в час непогоды...
В ту ночь как что-то свыше снизошло,
Она молила, чтобы все невзгоды
За горы буйным ветром унесло.

Вот мы с отцом, как в сказке, за дровами
Средь чистых, будто вымытых холмов...
Околок наш - шатер под облаками...
И воду не забыть из родников...

Былое то, как дар, теперь приемлю,
Ведь в нем мы были золотым ребром...
Но время нас, как изморозь на землю,
Всю смоль припорошило серебром.

КРАСНЫЕ ГРОЗДЬЯ КАЛИНЫ...*В.М. Шукшину*

Падают капли слезою...
 Кто и о ком так скорбит?
 Красные гроздья калины
 ветер дождями кропит.
 Горечь с калины смывая,
 будто со всех нас вину.
 Видно, сама мать-природа
 дань отдает Шукшину.

*г. Белокуриха***Валентина ЧУЛИКОВА**

* * *

Утекла речка быстрая,
 Никого не вини.
 Где-то небо лучистое
 В эти зимние дни.
 Временами меняется
 Все живое вокруг,
 Но зачем сердце мается? -
 Заколдованный круг.
 Запорошено инеем,
 Что в душе берегу:
 И глаза твои синие,
 И костер на снегу.

*с. Павловск***Ольга КАЗАКОВЦЕВА****Я ВАС ЛЮБЛЮ***Юрию Кашину*

- Я Вас люблю!
 Все клоуны смеялись,
 и шапито от хохота дрожало...
 Ну, а слова под купол поднимались -
 три разноцветных, три воздушных шара:
 Я! Вас! Люблю!
 Не крикнешь, не прошепчешь,
 лишь только ночью в теплую подушку,
 я Вас люблю! Три слова сумасшедших,
 я Вас люблю! Я Вас беру на мушку!
 Я Вас люблю, но выстрелить не смею, -
 я Вас убью, а это преступленье.
 Я Вас люблю так глупо, как умею.
 Я Вас люблю, к большому сожаленью.

* * *

Лидии Римиевич

Быть актрисой - это значит
петь, не спрашивая цены,
не примериваться к жизни,
а без меры отдавать,
понимать, что в этом мире
ничего нет выше сцены.
Быть актрисой - это значит
всех до сцены поднимать.
Ни на миг не расслабляться,
слыть веселой и беспечной,
понимать чужое горе,
а свое не замечать.
А когда совсем устанешь,
то на станции конечной
надо выйти незаметно,
а куда, не отвечать.

ГРУСТЬ*Елене Половинкиной*

Грусть упала, как занавес, разом,
погружая в малиновый рай
отголоски нелепейшей фразы:
«Выбирай, выбирай, выбирай»...

Выбор права и право на выбор
щедро брошен на чаши весов.
Адресат неожиданно выбыл:
«Час расчета -
двенадцать часов».

Номер пуст.
Неудавшийся, впрочем.
Дали занавес в нужный момент.
За кулисами плакали очень
и скрипач, и его инструмент.

*г. Барнаул***Ольга КОСОВА**

* * *

В работу мы впряглись, как в сани,
Оставив отдых на потом.
А на Приволжском топят бани,
И пахнет в воздухе дымком.

Продрогнув до костей зимою,
Поймешь - нет лучше ничего
Полешек, пахнувших смолою,
Уют дающих и тепло.

Отец наколет дров умело,
Откроет дверцу у печи,
И первый огонек несмело
Лизнет дрова и кирпичи.

И печка загудит привольно,
Огонь запляшет веселей,
Потом, насытившись, довольный
Заснет, затихнет среди углей.

Все, час настал, пора за дело,
И в баньке жаркой на полке,
Вдохнув всей грудью, нежишь тело
С дубовым венчиком в руке.

Здоровый дух в здоровом теле,
Усталость вся сошла на нет,

Как будто ты и в самом деле
Помолодел на десять лет.

Кому-то отдых на диване,
А я туда, где отчий дом.
Опять суббота - будет баня
С сухим целительным парком!

* * *

Краской пахнувший забор,
Липа у калитки,
Двух ворон сварливый ор,
Клей вишневым липкий.

Спрыгнул с крыши рыжий кот,
Вышел дед с корзиной,
У меня испачкан рот
Сладкою малиной.

Те картинки детских лет,
Мне всего дороже,
Ведь когда-то старый дед
Был меня моложе.

Мы читали в букваре:
- Мама мыла раму.
Родина в твоём дворе -
Дом родной и мама.

* * *

Девушка просила: «Подари мне крылья,
 Сделай так, чтоб сказка оказалась былью.
 В лунном хороводе мне дозволяй качаться,
 По дорожке лунной по воде промчаться,
 Чтоб летели брызги, чтобы сердце пело,
 Время растворилось, а душа летела.
 Заплети мне в косы звезд ночных сиянье,
 Покажи, как леший шепчет заклинанье.
 Познакомь с русалкой, пусть меня научит,
 Как нырять с волною в грозные тучи!
 Подари мне крылья, чтоб гоняться с ветром,
 Гнуть верхушки соснам, целоваться с кедром.
 Подари мне крылья, чтоб понять однажды
 Радость возвращенья, то, как дорог каждый
 Стебелек. Награды мне любой дорожке
 Знать, что здесь мне рады, здесь мой дом.
 И все же...
 Подари мне крылья».

г. Кстово

Павел ЯВЕЦКИЙ

ПОБУДЬ СО МНОЙ

Повремени, побудь со мной,
 опутай нежно повиликой!..
 Еще цепляется за зной
 июль последнею клубникой.

В протоки и луга зови,
 влеки мелодией прекрасной,
 пока чудачат соловьи -
 в чашобе роши непролазной.

* * *

Просто сойти, постоять -
 Поезд стоит три минуты,
 В легкие воздух вобрать -
 Родины сладкие пути.

Тает в груди холодок...
 Пить мне его - не напиться!
 Не отпускает щиток,
 Миг осознав, проводница...

г. Бийск

Константин ФИЛАТОВ

ГЕРОИ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война оказалась поворотным пунктом всей мировой истории. С ее окончанием рухнули либо пришли в упадок все основные европейские империи, а Соединенные Штаты Америки начали приобретать мощь и влияние основного центра силы мировой политики. Эта война принесла огромные жертвы многим народам Европы и Азии, но для России она оказалась, по истине, катастрофой. Именно Первая мировая война стала запалом бомбы, разорвавшей в куски русскую цивилизацию в 1917 году. Россия внесла огромный вклад в победу блока Антанты над Германией, около полутора миллионов наших солдат пало на полях сражений, несколько миллионов были ранены и изувечены, но в итоге Россия не была даже допущена к участию в Версальском конгрессе, где страны-победительницы делили плоды общего военного успеха. В СССР, возникшем на руинах Российской империи, ту кровавую и жестокую войну именовали «империалистической» и все подвиги и жертвы были объявлены бессмысленными и недостойными памяти потомков. За все время существования Советской России на ее территории не появилось ни одного памятника героям той забытой войны. И только в последнее десятилетие отношение российской власти к героическим подвигам наших прадедов начало меняться к лучшему. Пришло время «собирать камни» и вспомнить героев, чьи славные имена утверждали славу России в сражениях «Великой войны», как ее называли во всем мире.

КАЗАК КОЗЬМА КРЮЧКОВ

В годы Первой мировой войны имя Козьмы Крючкова было известно всей России. Бравый казак красовался на плакатах и листовках, папиросных пачках и почтовых открытках. Его портреты и лубочные картинки, изображающие его подвиг, печатались в газетах и журналах, в том числе уже во втором номере столичного еженедельника «Летопись войны 1914 года» и в 34-м номере от 26 августа 1914 г. популярного иллюстрированного журнала «Огонек». Московский иллюстрированный альманах «Великая война в образах и картинах» в передовой статье своего второго выпуска сообщал: «Вызывает всеобщий энтузиазм громкий подвиг казака Крючкова, открывшего длинный ряд случаев награждения нижних чинов орденом Святого Георгия за выдающиеся подвиги личной храбрости»*. Столь громкая слава рядового воина была следствием не только его невероятной доблести. Немаловажно, что свой подвиг казак Крючков совершил как нельзя вовремя - в первые дни войны

* На самом деле, за свой подвиг казак Крючков был награжден не орденом Святого Георгия, а Георгиевским крестом 4-й степени. Достоверно неизвестно ни одного случая награждения нижних чинов русской армии орденом Святого Георгия.

на германском фронте, когда патриотические чувства переполняли русский народ, воодушевленный идеей Второй Отечественной войны против западных супостатов.

Козьма Фирсович Крючков родился в 1890 г. на хуторе Нижне-Калмыковском Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа Войска Донского в семье коренного казака-старовера Фирса Ларионовича Крючкова. В детские и юношеские годы Козьма учился в станичной школе и помогал отцу по хозяйству, а в 1911 г. был призван на действительную службу в 3-й Донской казачий полк имени Ермака Тимофеева. К началу войны он уже имел чин приказного, соответствующий ефрейторскому званию, и в свои 24 года считался одним из наиболее опытных бойцов полка. Свою репутацию он подтвердил в первом же бою в конце июля 1914 г. (по Юлианскому календарю), подробности которого изложены на основе его собственного рассказа.

Полк, в котором служил Козьма Крючков, был расквартирован в Польше, в городке Кальвария. Получив приказ от начальства, Крючков и трое его товарищей: Иван Щегольков, Василий Астахов и Михаил Иванков около 10 часов утра отправились в сторожевой дозор от Кальварии в сторону имения Александрово. Проехав 6 верст, казаки начали было подниматься на горку по пути следования, чтобы с возвышенности осмотреть окрестности, и внезапно столкнулись с разъездом немецких улан, численностью 27 человек, которых возглавляли офицер и унтер-офицер. Встреча была неожиданной для обеих сторон. Немцы поначалу растерялись, однако разобравшись, что русских всего четверо, решили взять их в плен и бросились в атаку. Казаки попытались ускакать врассыпную, но немецкие кавалеристы перекрыли пути отступления и окружили их.

Несмотря на неравенство сил, донцы и не думали сдаваться, решив в схватке дорого продать свою жизнь. Козьма Крючков сорвал с плеча винтовку, но второпях слишком резко передернул затвор и патрон заклинил. В тот же миг, сблизившийся с ним германец рубанул казака саблей по пальцам и винтовка полетела наземь. Казак выхватил шашку и вступил в бой с окружившими его 11 врагами.

В завязавшейся кровавой сече Крючкова выручали ловкость, удача и быстрая, послушная лошадь. Сабельные удары то и дело доставали казака в спину, в шею, в руки, но по счастью они не наносили слишком серьезных ран. Через минуту боя Козьма был уже весь в крови, при этом его собственные удары по большей части оказывались смертельными для врагов.

Однако постепенно силы стали оставлять казака и его клинок стал разить недостаточно быстро. Немедля найдя выход из положения, казак схватил пику одного из улан и немецкой сталью проткнул поодиночке последних из 11 нападавших. К тому времени его товарищи справились с остальными германцами. На земле лежали 22 трупа, еще двое немцев были ранены и попали в плен, а потерявшие своих седоков немецкие кони носились в испуге по полю. Только трое улан уцелели в схватке и спаслись бегством. Все казаки получили ранения, на теле Козьмы Крючкова позже насчитали 16 ран. Его лошадь также пострадала от ударов германских сабель, но исправно доставила хозяина в расположение казачьего полка.

Пять дней отлежал Козьма Крючков в лазарете в Белой Олите. Там 1 августа 1914 г. его навещал командующий русской армией генерал Павел Ренненкамф, сам в прошлом лихой рубака-кавалерист. Генерал поблагодарил Козьму за доблесть и мужество, а затем снял Георгиевскую ленточку со своего мундира и приколот на грудь героя-казака.

За свой подвиг Козьма Крючков был награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 5501, он стал первым русским воином, получившим боевую награду в начавшейся мировой войне. Трое его братьев по оружию были удостоены Георгиевских медалей.

О доблестном донском казаке доложили императору Николаю II, а затем историю его подвига изложили на своих страницах практически все крупнейшие газеты Рос-

сии. Козьма Крючков стал знаменит, в общественном мнении он сделался символом русской воинской удали и отваги, достойным наследником былинных богатырей.

Возвратившись в полк, Крючков получил отпуск и отправился в родную станицу долечивать раны и навестить свою семью. К тому времени был он женат, имел сына и дочь. Короткая побывка пролетела быстро, а война только начиналась.

Вернувшись в действующую армию, Козьма получил должность начальника казачьего конвоя при штабе дивизии. Популярность его к тому времени достигла своего пика. По рассказам сослуживцев, весь конвой не успевал прочитывать всех писем, приходивших на имя героя со всей России, и не мог съесть всей вкусотищи, что присылали ему поклонницы в продовольственных посылках.

Когда дивизия отводилась с фронта на отдых в какой-нибудь город в тылу, то часто начальник дивизии сообщал городским властям, что приедет и Козьма Крючков, и весь гарнизон города с музыкой выходил встречать воинов. Всем горожанам непременно хотелось увидеть прославленного героя своими глазами.

Город Петроград преподнес ему шашку в золотой оправе, причем клинок ее был весь исписан похвалами. От москвичей Крючков получил шашку в серебряной оправе.

Впрочем, при штабе Козьма прослужил недолго. Ему было ясно, что его здесь держат для «показа», роль выставочного экспоната ему вскоре надоела, и он по собственному желанию вернулся в полк.

Все последующие военные годы Козьма Крючков участвовал в ожесточенных сражениях, получил новые раны, заслужил новые награды. Германскую войну закончил, имея четыре Георгиевских креста и три медали «За храбрость», в звании вахмистра, на должности взводного урядника.

После февральской революции Крючков был избран председателем полкового комитета, а после развала фронта в результате «революционной пропаганды» в декабре 1917 г. вместе с полком вернулся на Дон. Но мирной жизни у казаков не получилось и на родной земле. Кровавая большевистская межа разделила отцов и детей, братьев и друзей.

Товарищ Козьмы Крючкова и участник того легендарного боя - Михаил Иванов - служил в Красной армии, а сам герой в марте-апреле 1918 г. собрал отряд из земляков и в ходе Гражданской войны противостоял другому знаменитому казаку - Филиппу Миронову, будущему командарму 2-й Конной армии. Бои были тяжелыми и жестокими, поскольку с обеих сторон сражались опытные бойцы, прошедшие сквозь огонь мировой войны.

Крючков воевал умело, к концу 1918 г. он получил чин хорунжего и стал командиром сотни. По воспоминаниям его тогдашнего командира, Козьма, кроме храбрости и геройства, отличался высокими моральными качествами. Он терпеть не мог мародерства, и редкие попытки своих сослуживцев разжиться за счет «трофеев от красных» или «подарков» от местного населения пресекал плетью. Кроме того, само наличие в рядах белых казаков прославленного героя было лучшей агитацией для набора добровольцев по станицам. А казачки, только узнав, что к ним на постой придет «сам Крючков», не скупясь накрывали столы и для всех его товарищей.

В конце августа 1919 г. Козьма погиб в селе Лопуховки Саратовской губернии. Во время обстрела села красными, сразу несколько ружейных пуль, выпущенных залпом, сразили его в живот. Товарищи тут же вынесли его из-под огня, но рана была настолько страшная, что все сразу поняли, что смерть героя неизбежна. На попытку доктора сделать перевязку, Крючков мужественно заметил: «Доктор, не портите бинтов, их и так мало..., а я уже отвоевался».

Через полчаса хорунжий Козьма Фирсович Крючков скончался. Он был похоронен на кладбище родного хутора.

ХОРУНЖИЙ ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВ

В замороженных советской пропагандой головах современных русских людей старшего поколения образ атамана Семенова, как правило, прост и незатейлив - неизменно пьяный кровожадный бандит, служивший «интервентам» на Дальнем Востоке за иностранные деньги. Образ этот, по большей части, лжив, а судьба реального Григория Михайловича Семенова была очень непростой и трагичной, она в полноте своей до сих пор остается малоизвестной для широких кругов российской общественности. Например, не многим сегодня известно о героических подвигах молодого Семенова в годы Первой мировой войны, хотя в свое время герой прославился на всю Россию.

Григорий Михайлович Семенов родился 13 сентября (по Юлианскому календарю) 1890 г. в поселке Куранжа станицы Дурулгуевской Забайкальской области в многодетной семье. Отец его Михаил Петрович был казаком и наполовину монголом, бабушка Гриши Семенова по отцовской линии принадлежала, по некоторым сведениям, к чингизидскому роду. Мать Семенова - Евдокия Марковна - происходила из старообрядцев.

Семья Семеновых жила зажиточно: ежегодно сдавала государственному военному ведомству в виде продовольственных поставок 250-300 пудов мяса, располагала первоклассной по тем временам сельскохозяйственной техникой.

Григорий Михайлович с детства говорил по-монгольски и по-бурятски. Позднее овладел английским языком, мог изъясняться по-китайски и по-японски. В 1908 г. он поступил, а в 1911 г. окончил с отличием Оренбургское казачье юнкерское училище и получил чин хорунжего. Первоначально его определили для службы в 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска, но через 3 недели Семенов был откомандирован в Монголию для производства военно-топографических съемок, где наладил хорошие отношения с монгольским монархом Богдо-гэгеном, и переводил для него с русского языка на монгольский «Устав кавалерийской службы русской армии», а также стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

Глубоко втянувшись в жизнь монгольского общества, хорунжий Семенов принял определенное участие в подготовке и осуществлении государственного переворота, в результате которого 11 декабря 1911 г. была провозглашена независимость Внешней Монголии от Китая. Однако излишне заметное участие русского офицера в данных событиях могло привести к нежелательным внешнеполитическим осложнениям. Поэтому, по настоянию русских дипломатов, Семенов был вынужден покинуть Ургу. В последующие 2 года он был прикомандирован ко 2-й Забайкальской батарее.

С началом Первой мировой войны Семенов оказался на фронте в составе 1-го Нерченского полка, входившего в Уссурийскую конную бригаду. Стоит отметить, что в этой же бригаде служили еще два будущих выдающихся деятеля Белого движения - барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг и барон П.Н. Врангель, причем Врангель, командовавший Нерченским казачьим полком, был прямым командиром Григория Семенова. Он и дал сохранившуюся до нашего времени письменную характеристику своему подчиненному: «Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели».

Молодой казачий офицер Семенов в боевых условиях вскоре проявил свой решительный характер и незаурядную отвагу.

10 ноября 1914 г. прусские уланы внезапным налетом атаковали штаб 1-го Нерченского полка, захватили его знамя, а также обозы бригады и многочисленных пленников. Возвращавшийся из разведки с десятком казаков хорунжий Семенов случайно наткнулся на отходивших улан, и не растерявшись напал на расслабившийся спешенный эскадрон германских кавалеристов, во много раз превосходящий нападавших по численности, но немедленно ударившийся в панику. Часть улан просто разбежалась по окрестностям, другие успели вскочить в седло и в страхе понеслись вслед за колонной уходящих обозов, вселив панику в конвоирующие ее эскадроны. Два эскадрона немцев, шедшие во главе колонны, не представляя размеров реальной опасности и не имея возможности сориентироваться в обстановке, бросили все трофеи и пленных на дороге и ускакали к своим. Казаки преследовали противника не менее четырех верст, последним прекратил погоню хорунжий Семенов на своем чистокровном жеребце, напоследок нагнавший еще одного всадника, который сдался ему в плен.

Результат этой лихой атаки оказался поистине блестящим: кавалерийская бригада противника отказалась от рейда по тылам русских войск, и поспешно удалилась, понеся потери убитыми и пленными. Обозы Уссурийской бригады и полковое знамя были отбиты и спасены. Всего было захвачено немцами, а затем отбито Семеновым и его отрядом свыше 150 обозных повозок, повозки со снаряжением и боеприпасами артиллерийского дивизиона и около 400 человек пленных. Впоследствии сам Григорий Михайлович признавал, что эта победа была достигнута не каким-то особым героизмом его и его подчиненных, а прежде всего внезапностью налета и быстрым распространением паники среди противников. Все потери казаков в этом столкновении выразились в одной раненой лошади.

За этот подвиг Григорий Семенов был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, а все 10 его подчиненных, участвовавшие в атаке, получили Георгиевские кресты.

Через 3 недели хорунжий Семенов вновь отличился в сражении, за что был представлен к награждению золотым Георгиевским оружием. В ходе наступления русских войск он 2 декабря 1914 г. во главе казачьего разъезда первым ворвался в городок Млава, захватив при этом сторожевой пост немцев и две автомашины.

И далее Григорий Семенов продолжал воевать не менее доблестно. В конце декабря он в результате удачной атаки на немецких фуражиров обратил в бегство взвод ландштурмистов, во главе двадцати всадников разгромил конвойный эскадрон противника, захватил около 100 пленных и обоз в 20 телег, за что получил очередной воинский чин. Сведения о лихом казачьем офицере попали в российскую прессу, что послужило началом большой популярности Григория Михайловича в общественном мнении патриотически настроенного населения России.

В 1915-1916 гг. Семенов воевал вместе со своим полком в Галиции и Буковине, в конце 1916 г. он получил звание есаула и был переведен в 3-й Верхнеудинский полк, принимал участие в боевых действиях на Кавказе в 1917 г., а затем в составе дивизии Левандовского совершил поход в персидский Курдистан. Февральскую революцию Семенов встретил, исполняя обязанности командира полка. Будучи монархистом, Григорий Семенов осудил свержение монархии, но шла война, и он считал своим долгом оставаться в армии, борясь с пораженческой пропагандой.

По возвращении из Персии в мае 1917 г., находясь на Румынском фронте, есаул Семенов обратился с докладной запиской на имя военного министра А.Ф. Керенского, в которой предложил сформировать в Забайкалье отдельный Монголо-бурятский конный полк и привести его на фронт с целью «пробудить совесть русского солдата, у которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело».

В июне 1917 г. он по приказу Временного правительства прибыл в Петроград. Посетив несколько заседаний Петроградского совета, Семенов воочию убедился в

царившей в столице анархии и оценил опасность развернутой большевиками поразительной агитации. Обстоятельства требовали немедленных действий, и Григорий Михайлович предложил полковнику Муравьеву, формировавшему добровольческие части, силами роты юнкеров арестовать членов Петроградского совета как агентов вражеского влияния, немедленно судить их военно-полевым судом и тут же привести приговор в исполнение, объявить военное положение в Петрограде, а затем, если потребуется, арестовать и Временное правительство. После таких решительных мер предполагалось «от имени народа просить Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии Брусилова принять на себя диктатуру над страной». Муравьев доложил о плане Брусилову, но тот оказался от его осуществления.

16 июля Семенов был принят главой правительства Александром Керенским, который вручил ему мандат комиссара Временного правительства по Иркутскому и Приамурскому военным округам и значительную сумму денег, после чего Григорий Михайлович 26 июля отбыл в Иркутск для формирования добровольческих частей из монголов и бурят. В ходе реализации этих планов в Сибирь пришло известие о захвате власти в Петрограде большевиками.

После Октябрьского переворота есаул Семенов продолжал работу по формированию войсковых частей, уже на деньги, которые ему стал предоставлять Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Однако в свои подразделения он охотно принимал и русских, и представителей других национальностей; единственным условием для новобранцев был «отказ от революционности».

Поняв, что Семенов создает антибольшевистские части, Читинский Совдеп задержал выплату денег на формирование отряда. 1 декабря 1917 г. большевики в Верхнеудинске попытались разоружить семеновцев, а самого его арестовать. Семенов оказал вооруженное сопротивление, и красные объявили это «неудачной попыткой захвата власти в Верхнеудинске».

Затем Семенов отправился в Читку, где забрал деньги у Читинского Совдепа, причитавшиеся для его отряда, и через Даурию ушел в Маньчжурию. В Харбине он силами семи человек разоружил и распустил пробольшевистские запасные батальоны русской армии общей численностью в полторы тысячи штыков, разогнал местный большевистский ревком и казнил его главу Аркуса. Затем, преодолевая сопротивление китайских властей и управляющего КВЖД от имени России в Маньчжурии генерала Хорвата, не желавшего воевать с большевиками, Григорий Семенов пополнил и хорошо вооружил свой отряд в 559 человек. 29 января 1918 г. семеновцы вошли в Забайкалье и заняли его восточную часть - Даурию, продолжая пополнять свои ряды. Стоит отметить, что свои части Семенов формировал по национальному признаку, и под его знаменами, кроме русских казаков и солдат, отважно воевали монголы, буряты, китайцы, японцы, корейцы, сербы и даже отдельный еврейский полк.

Однако 1 марта 1918 г. Семенов был вынужден отступить в Маньчжурию под натиском отрядов красногвардейцев, состоявших в основном из каторжников и пленных солдат Австро-Венгрии под командованием Сергея Лазо. До 7 апреля боевые действия семеновцев с большевиками представляли собой стычки небольших отрядов в приграничной полосе.

В середине апреля 1918 г. войска есаула Семенова силой около 1000 штыков и сабель вновь перешли в наступление против 5,5 тысячи красных в Забайкалье. Одновременно началось восстание забайкальского казачества против большевиков и к маю отряды Семенова увеличились до 7 тыс. бойцов. Однако попытка разбить 30-тысячную группировку красных под Читой оказалась неудачной. Боевые действия в Забайкалье продолжались с переменным успехом до середины июля 1918 г., когда казаки, наконец, сумели в решающем сражении разгромить большевиков. 28 августа Семенов занял Читку, а 10 сентября 1918 г. был назначен командиром

5-го Приамурского армейского корпуса с присвоением ему чина полковника. После переворота 18 ноября 1918 г. Григорий Михайлович первоначально не признал А.В. Колчака Верховным правителем России, за что приказом Колчака от 1 декабря 1918 г. был снят с должности.

Однако казаки продолжали поддерживать своего боевого начальника.

9 мая 1919 г. войсковой казачий круг избрал Григория Семенова войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска. По соглашению с атаманами Амурским и Уссурийским он принял пост Походного атамана забайкальцев, амурцев и уссурийцев со штабом на станции Даурия Забайкальской железной дороги. Благодаря этому, приказом Колчака от 25 мая 1919 г. Семенов получил должность командира 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, а 18 июля стал помощником главного начальника Приамурского края и помощником командующего войсками Приамурского военного округа с производством в генерал-майоры. 23 декабря Григорий Михайлович занял пост командующего войсками Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов на правах главнокомандующего армиями с производством его в генерал-лейтенанты. И, наконец, указом Верховного правителя России А.В. Колчака от 4 января 1920 г. атаману Семенову была передана «вся полнота военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Краины, объединенной российской верховной властью» до получения указаний от назначенного Верховным правителем России генерала А.И. Деникина.

6 октября 1920 г. атаман вошел в подчинение новому и последнему лидеру Белого движения - своему бывшему боевому командиру, генерал-лейтенанту барону П.Н. Врангелю. Но решительное наступление красных на всех фронтах, в том числе и на Дальнем Востоке, заставило атамана Семенова покинуть Россию в сентябре 1921 г.

Эмигрировав в Китай, Семенов вскоре перебрался в США и Канаду, затем обосновался в Японии. С образованием в 1932 г. государства Маньчжоу-Го, японцы предоставили атаману дом в городе Дайрене, где он прожил до августа 1945 г., и назначили ежемесячную пенсию в 1000 иен. В Маньчжурии Григорий Михайлович возглавлял Дальневосточный союз казаков, и с 1934 г. принимал участие в мероприятиях Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, созданное под эгидой японской разведки. Практически оставшись не у дел, он занялся написанием мемуаров, которые были впервые изданы в Харбине в 1938 г. под названием «О себе: Воспоминания, мысли и выводы».

В конце августа 1945 г. после разгрома советскими войсками японской армии, Семенов был арестован в собственном доме в Маньчжурии. Навсегда расставаясь с дочерьми и сыновьями, Григорий Михайлович по очереди их перекрестил, поцеловал и сказал: «Прощайте, дети... Я лишил вас Родины, а теперь вот возвращаю. Наверное, ценой своей жизни. Я был всегда противником большевизма, но всегда оставался русским. Я любил Россию и русским умру. А был я прав или не прав - покажет время. Живите честно. Если не сможете, не будете в силах делать добро людям, то хоть не творите зла. Живите по-христиански. Ну, прощайте...»

Почти год органы Смерш и МГБ вели следствие, «увенчавшееся» 29 томами документов, а начавшийся 26 августа 1946 г. суд над атаманом Семеновым широко освещался в советской прессе. Подсудимый, вероятно желавший облегчить участь собственных детей, признал свою вину по всем пунктам обвинения: антисоветской агитации и пропаганде, шпионаже против СССР, диверсиях, терроризме, и заявил о своем «чистосердечном раскаянии». 30 августа Семенову был вынесен смертный приговор, как «врагу советского народа и активному пособнику японских агрессоров», и в этот же день в 11 часов ночи он был повешен под издевательские насмешки палачей. Золотая шашка атамана и его 14 наград были конфискованы и пропали бесследно. У старшей дочери Григория Михайловича чекисты отобрали шестилет-

него сына (дальнейшая судьба этого внука атамана до сих пор неизвестна), она сошла с ума и 26 лет прожила в психиатрической больнице города Ярославля. Две его младших дочери и младший сын Вячеслав получили по 25 лет лагерей, а старший сын Михаил был расстрелян в 1945 г. по приговору Хабаровского военного трибунала. В чем была их вина перед советским государством? Только в одном - они были детьми атамана Семенова.

В 1994 г. «гуманное правосудие демократической России» пересмотрело приговор, и по статье «антисоветская агитация и пропаганда» реабилитировала покойного атамана «в связи с отсутствием состава преступления», в остальной части приговор был оставлен в силе. Хотя даже беглый анализ состоятельности обвинительного заключения против атамана Семенова убеждает: казнили его исключительно за борьбу с большевиками в годы Гражданской войны. Комментарии, как говорится, излишни...

ШТАБС-КАПИТАН ПАВЕЛ ГУРДОВ

Воплощением лучших качеств русского офицера был штабс-капитан Павел Гурдов, отважный воин и талантливый военный инженер, сражавшийся в составе 1-й автомобильной роты - первого в мире броневого армейского подразделения, прообраза бронетанковых войск, ставших главной ударной силой уже в следующей, Второй мировой войне.

Павел Васильевич Гурдов родился 17 октября 1882 г. (по Юлианскому календарю) в городе Петровск (совр. Махачкала) Дагестанской области в семье управляющего Бакинским агентством Пароходного общества «Кавказ и Меркурий», капитана 1-го ранга в отставке Василия Гурдова.

По окончании Бакинской классической гимназии и Бакинского реального училища молодой Павел, с детства испытывавший влечение к технике, поступил в сентябре 1902 г. в Николаевское инженерное училище. Спустя год, он был произведен в унтер-офицеры, еще через год - в младшие портупей-юнкера. В числе лучших выпускников Гурдов закончил обучение в 1905 г., в апреле получил чин подпоручика, а в мае был отправлен для прохождения службы в минную роту крепости Свеаборг.

Через несколько месяцев службы Павел Васильевич отличился при выполнении специального задания. С пятью водолазами поручик Гурдов снял груз оружия и боеприпасов с севшего на мель и взорванного собственной командой вблизи финляндского города Якобстадт парохода «Джон Графтон». На этом судне русские революционеры везли в Россию взрывчатку и вооружение; они попытались уничтожить обездвиженный пароход, но из-за малой глубины полностью затопить его не удалось. Чтобы остатки опасного груза не попали в руки террористов, генерал-губернатор Финляндии принял решение извлечь с приотпленного судна все, что можно, и обратился за помощью к военным.

В сентябре 1905 г. в море у финских берегов часто штормило, но водолазы подпоручика Гурдова мужественно и аккуратно выполнили свою работу в сжатые сроки. Всем участникам и организаторам этой операции император Николай II выразил свою благодарность.

Возвратившись в крепость, Павел Васильевич продолжал обычную службу, обучал минному делу прибывающих в роту новобранцев. Но командировка в холодном осеннем море не прошла для него бесследно.

В январе 1906 г. он тяжело заболел. Лечение на дому не принесло выздоровления, и при внимательном обследовании выяснилось, что молодому подпоручику нужна срочная операция. 6 февраля Павел Гурдов был отправлен для оперативного лечения в Клинический военный госпиталь Санкт-Петербурга.

Несколько месяцев Гурдов провел на больничной койке, а затем в конце июня 1906 г. получил двухмесячный отпуск за границу для восстановления здоровья. Во

время его отсутствия, в Свеаборге вспыхнул военный мятеж, все водолазы команды Гурдова оказались его участниками и были осуждены на различные сроки лишения свободы.

Потеряв своих лучших подчиненных, Павел Васильевич, после некоторого размышления, принял решение продолжить свое образование. С разрешения командира он убыл в командировку для прохождения курса обучения в Офицерской электротехнической школе. В свободное от учебы в школе время Павел пробовал себя в сочинительстве стихов, посещал музыкальные собрания и концерты, считался одним из лучших учеников известного композитора и исполнителя А.В. Вержбиловича.

Блестяще завершив обучение, Гурдов 1 октября 1907 г. был произведен в поручики; руководство электротехнической школы предложило Павлу Васильевичу продолжить службу на преподавательской работе, а позже он был зачислен в ее постоянный состав. 30 августа 1908 г. поручик Гурдов получил орден Святого Станислава 3-й степени за заслуги при выполнении работ на «Джоне Графтоне» и успехи в учебе в Офицерской электротехнической школе.

Оставляемые в школе перспективные и талантливые офицеры сами совершенствовались в науках и одновременно делились полученными знаниями с поступавшими на учебу офицерами. Павел Васильевич живо интересовался новинками техники и ратовал за внедрение новых технологий и изобретений в военное дело. В 1912 г. он был произведен в штабс-капитаны, а в 1913 г. получил диплом офицера подводного плавания, но по сложившимся обстоятельствам и воле судьбы ему предстояло сражаться на суше в приближающейся мировой войне.

Штабс-капитан Гурдов отлично разбирался в автомобилях, и поэтому в первые недели войны начальством был подключен к разработке «бронированной пулеметной автомобильной батареи».

Вместе с полковником лейб-гвардии Егерского полка А.Н. Добржанским он принял активное участие в этом новом и очень нужном для русской армии деле. Работы по бронированию автомобилей типа «Руссо-Балт» были начаты на Ижорском заводе 19 августа 1914 г., и уже к началу октября, в рекордно короткие сроки, было изготовлено 8 боевых машин. Эти броневики составили основу материальной части вновь созданного отдельного броневого подразделения - 1-й автомобильной роты, командование 4-м взводом которой было поручено штабс-капитану Гурдову. В составе его взвода было 2 бронированных, 2 легковых и один грузовой автомобиль.

12 октября император лично осмотрел роту во дворе Царскосельского дворца, и 19 октября она в полном составе выступила на германский фронт. 26 октября рота прибыла в Варшаву и разместилась в Александровской цитадели. В ноябре 4-й взвод был направлен в распоряжение штаба 16-й пехотной дивизии.

На рассвете 11 ноября взвод двинулся по шоссе Стрыков - Зегрж. Около деревни Зельюшин автомобили были обстреляны из неприятельских окопов. Гурдов развернул броневик и открыл пулеметный огонь по немцам. Через некоторое время ружейный огонь пехоты противника стих, но начался беглый артиллерийский огонь неприятельской батареи, расположенной за деревней. Бронеавтомобили были отведены в тыл, а по батарее и окопам был открыт огонь с артиллерийского автомобиля, прикомандированного ко взводу. После 5 выстрелов шрапнелью, стрельба со стороны неприятеля прекратилась, и взвод к 9 часам утра отошел в деревню Братошевице. Боевое крещение русских бронеавтомобилистов прошло успешно, враг был разбит, собственных потерь не было. Спустя 2 дня, взвод присоединился к роте и вместе с ней вернулся в Варшаву, где пополнился личным составом и включил в свой парк еще один грузовик.

19 ноября 1914 г. 4-й взвод был прикомандирован к 158-му пехотному Кутаисскому полку 40-й пехотной дивизии. По приказу командира полка, броневики штабс-

капитана Гурдова дважды в течение дня приближались к вражеским окопам и пулеметным огнем заставляли противника прекращать стрельбу.

На следующий день 4-й взвод был направлен в распоряжение командира XIX армейского корпуса, и 21 ноября принял участие в бою возле деревни Пабианицы, в ходе которого немцы силами четырех пехотных полков предприняли массивную атаку на позиции корпуса. Автомобили подкатили в момент, когда левый фланг русских дрогнул и подался назад. Немцы подступили вплотную к шоссе. В это время штабс-капитан Гурдов врезался в наступавшие цепи врага и открыл ураганный огонь из четырех пулеметов с расстояния 100-150 шагов. Немцы не выдержали, прекратили наступление и залегли. Со столь близкого расстояния даже ружейные пули то и дело пробивали броневые защитные листы русских автомашин, толщина которых составляла всего от 3 до 5 мм. В ходе боя, пересев с командирской машины, водитель которой был ранен, на второй броневик, Гурдов продолжал отстреливаться от нападающего противника. Вскоре броня его автомобиля оказалась пробита во многих местах. Большинство нижних чинов экипажа получили ранения, командир был ранен в шею, но не покинул поля боя. Через час на линию огня вернулась первая машина взвода с новым водителем, но через некоторое время оба броневика оказались подбитыми. Победную точку в этой схватке поставили подоспевшие на помощь бронеемобили 2-го взвода и автопушка. Выведенные из строя броневики 4-го взвода их экипажи на руках откатили до русских позиций, а на следующий день машины были отбуксированы для ремонта в Варшаву.

За доблесть и мужество, проявленные в ноябрьских боях, штабс-капитан Павел Гурдов был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, а 12 нижних чинов его взвода – Георгиевскими крестами 4-й степени. Несколько позже, за боевые отличия Гурдов был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. О героических действиях у Пабианиц рассказал русским читателям столичный еженедельный журнал «Летопись войны 1914 года» в своем 16-м номере.

Ремонт занял довольно длительное время. Только к концу января 1915 г. автомобили 4-го взвода вернулись на фронт и поступили в распоряжение 1-й Сибирской пехотной дивизии для поддержки ее наступления.

Ночью 10 февраля недалеко от города Маков, под Варшавой, взвод обстрелял окопы противника и без потерь вернулся обратно. 12 февраля 1915 г. 4-й и 1-й взводы автомобильной роты вышли колонной из деревни Богато около 11 часов вечера. В районе деревни Добржанково машины наткнулись на четыре немецких полка, которые с расстояния в 22 шага немедленно открыли сильный ружейный, а также шрапнельный артиллерийский огонь.

Во время завязавшегося боя погибло 5 нижних чинов 4-го взвода, 1 офицер и 18 нижних чинов были ранены, пулеметные машины сильно повреждены, а пушечная загорелась. В самом начале сражения штабс-капитан Павел Гурдов на первом автомобиле вступил в перестрелку с артиллерийским взводом германцев. Одним из первых вражеских снарядов лобовая броня головного автомобиля была пробита, и Павел Васильевич получил смертельное ранение.

Подтянувшиеся на линию огня резервные бронемшины 1-го взвода автомобильной роты выбили противника из окопов, что помогло русским стрелкам занять деревню. Около 500 немцев были захвачены в плен.

Тело штабс-капитана Павла Васильевича Гурдова доставили в Петроград и 18 февраля 1915 г., после отпевания, предали земле на кладбище Александро-Невской лавры. За бой у деревни Добржанково штабс-капитан Гурдов был посмертно произведен в капитаны, награжден Георгиевским оружием и орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». 13 марта 1915 г. в 1-ю автомобильную

роту с Ижорского завода прибыли 3 новых бронированных автомобиля и один из них - № 20 - в память героя получил название «Капитан Гурдов».

О подвигах штабс-капитана Павла Гурдова и доблести русских бронеавтомобилистов весной 1915 г. писали журналисты во многих периодических изданиях России. В частности, газета «Новое время» 18 апреля 1915 г. в статье «Русское детище» сообщала: «...Легли под тремя машинами капитана Гурдова в течение двух часов три с половиной немецких полка у Пабианиц - узнала броневые автомобили и наша армия. Сухие короткие телеграммы из Ставки Главнокомандующего вдруг во всей полноте дали русской публике картину страшной, всеокрушающей силы наших, русских блиндированных автомобилей».

РОТМИСТР АЛЕКСАНДР КОЗАКОВ

В обе мировые войны русские летчики в целом славились, прежде всего, своим мужеством и самоотверженностью. По ряду причин разного свойства они не занимали верхних строк в списках самых результативных победителей воздушных боев всех стран и народов, но своим врагам они неизменно внушали уважение, поскольку в схватках, как правило, не останавливались перед смертельным риском. Например, военный обозреватель австрийской газеты «Pester Loyd» в номере от 27 октября 1915 г. писал: «Было бы смешно говорить с неуважением о русских летчиках. Русские летчики более опасные враги, чем французские. Русские летчики хладнокровны. В атаках русских может быть отсутствует планомерность (так же, как и у французов), но в воздухе русские летчики непоколебимы и могут переносить большие потери без всякой паники». Не случайно именно авиаторы Русской императорской армии первыми стали использовать таранные удары по летательным аппаратам противника, в случаях, когда иначе сбить врага не представлялось возможным. А во Второй мировой войне среди русских пилотов-истребителей появились уже и такие герои, что успешно применяли в боях таран по несколько раз.

Перечень таранных атак в истории мировой авиации начинается с имен выдающихся русских авиаторов: штабс-капитана Петра Ивановича Нестерова и ротмистра Александра Александровича Козакова. Подвиг Нестерова прогремел в 1914 г. на всю Россию и не был забыт даже в годы коммунистического режима; о нем было написано и рассказано достаточно много за прошедшие почти 100 лет, ему установлены два памятника - в Киеве и Нижнем Новгороде, поскольку погибший отважный летчик оказался очень удобной фигурой для использования в пропаганде любой идеологической окраски. С Александром Козаковым было не так: этот герой сражался всю Великую войну и до своей трагической гибели успел активно повоевать против большевиков на стороне английских интервентов. Поэтому имя Александра Козакова в Советской России оставалось под негласным запретом до самого конца прошлого века, надгробье на его могиле было уничтожено еще в 1919 г., и только в 2009 г. скромный памятник был восстановлен. Впрочем, и в наши дни памятный знак «белому» летчику, «за прокорм и обмундирование исправно служившему интервентам», вызывает неудовольствие у местных членов КПРФ...

Александр Александрович Козаков родился 2 января 1889 г. в Херсонской губернии в православной дворянской семье, в 1906 г. окончил Воронежский Михайловский кадетский корпус, а затем в 1908 г. Елисаветградское кавалерийское училище (в совр. Кировограде). В 1908 г. Козаков был произведен в корнеты, и начал службу в 12-м уланском Белгородском полку. В сентябре 1911 г. Александр получил чин поручика, и вскоре «заболел» зарождающейся в те годы военной авиацией. В январе 1914 г. он поступил в Офицерскую воздухоплавательную школу в Гатчине и закончил ее 1 ноября 1914 г., когда на полях Европы уже гремела канонада мировой войны.

С декабря 1914 г. военный летчик, поручик Козаков принимал участие в боевых действиях на фронте в составе 4-го корпусного авиационного отряда, занимаясь

преимущественно воздушной разведкой и бомбардировкой вражеских позиций, но горел желанием уничтожить самолеты противника, которые своими разведывательными полетами приносили много бед русской армии.

На первом этапе войны, когда самолеты были совершенно безоружными (если не считать личного оружия пилотов), а необходимость создания средств противовоздушной обороны только начинала осознаваться в армиях противников, воздушная разведка была делом очень эффективным и не особенно опасным. Именно отсутствие других действенных методов противоборства с вражескими аэропланами-разведчиками и разносы «за бездействие» от начальства заставили штабс-капитана Нестерова 26 августа 1914 г. в небе у городка Жолква, где размещался штаб 3-й русской армии, решиться на отчаянный таран. «Моран» русского пилота своими колесами напрочь снес верхнее крыло австрийского биплана «Альбатрос», и машина рухнула на землю, унося к смерти своего пилота - барона Фридриха Розенталя. Однако при столкновении Нестеров выпал из кабины своего самолета и также погиб. После такого трагического примера, несколько месяцев на Русско-австрийском фронте самолеты противников более не вступали в воздушные схватки. Летчики были отважными людьми, но кончать жизнь самоубийством они не спешили.

В поисках новых боевых возможностей, русские военные «левши» предлагали тогда оригинальный способ охоты на воздушных врагов. Он заключался в использовании длинного троса с якорем-кошкой на конце, соединенным с пероксилиновой шашкой. По мысли изобретателей, якорь должен был зацепить вражескую машину, а затем натяжение каната привело бы к взрыву капсуля и детонированию взрывчатки. Таким «чудо-оружием» был оборудован и «Моран» поручика Козакова, вышедшего на перехват немецкого самолета, сбрасывавшего бомбы на русский военный Гузовский аэродром 18 марта 1915 г. За атакой аэроплана Козакова на германский «Альбатрос» в прифронтовой полосе, близ усадьбы Воля-Шидловская, западнее Вислы, из окопов с интересом наблюдали десятки тысяч глаз, своих и чужих. Увы, но схватка сложилась не так, как ее планировал будущий русский ас. В ходе получасового преследования кошка зацепилась за самолет Козакова, болталась под днищем, и оказалась совершенно бесполезной. Не желая стать посмешищем по обе стороны фронта, Александр решил ударить «Альбатроса» колесами по его верхней поверхности, и, недолго думая, дал руль вниз. Удар сопровождался сильнейшим треском и свистом, а в локоть русского пилота ударил кусок крыла его собственного «Морана». Поврежденный «Альбатрос» сначала наклонился набок, потом сложил крылья и полетел камнем вниз. Тут Козаков заметил, что винт его машины лишился одной из лопастей, и немедленно выключил мотор. На какое-то время он потерял ориентировку в пространстве, но затем по шрапнельным разрывам определил - где фронт, и спланировал на свою территорию. Аппарат ему удалось посадить довольно мягко, но поскольку вследствие удара колеса шасси оказались вогнутыми под крылья, самолет на земле перевернулся. По счастью, пилот не получил при этом серьезных травм, отделавшись синяками и царапинами.

Так Козаков доказал, что расчет Нестерова был абсолютно верным, причем поединок в воздухе происходил между теми же типами самолетов. Петру Николаевичу осуществить этот маневр настолько же точно, скорее всего, помешало сильное нервное перенапряжение последних дней его жизни. Подвиг Козакова послужил примером для других отчаянных летчиков, при этом таран, разумеется, всегда оставался оружием смелых. Успешная атака принесла Александру Козакову всероссийскую славу и золотое Георгиевское оружие.

В последующих боях Козаков подтвердил свою героическую репутацию. В августе 1915 г. он получил чин штабс-ротмистра и был назначен командиром 19-го корпусного авиаотряда. К тому времени в русские авиационные части начали поступать новые,

более совершенные модели самолетов, которые стали оснащать скорострельным оружием. Козаков установил на свой новый «Ньюпор-9» пулемет Максима. Однако из-за отсутствия синхронизатора оружие пришлось закрепить под углом 24 градуса вверх, чтобы не отстрелить лопасть собственного винта. Это, разумеется, сильно осложняло выбор позиции для атаки. Чтобы сбить врага, русский пилот должен был изловчившись зайти противнику точно под хвост и только после этого распороть его пулеметными очередями. Таким способом летом 1916 г., в ходе ожесточенных воздушных боев с австрийцами и германцами во время Брусиловского прорыва, Александр уничтожил еще 4 вражеских самолета, и по французской классификации стал считаться асом, то есть «тузом, бьющим любую карту». Он первым в истории русской авиации одержал 5 воздушных побед.

После этого русский герой летал на более совершенной машине - «Ньюпоре-11» с синхронизированным пулеметом. 8 декабря 1916 г. в районе Луцка штабс-ротмистр Козаков в одиночку атаковал два двухместных австрийских «Бранденбурга», один из которых сбил. Австрийский пилот Иоганн Кольби был убит в воздухе двумя пулями в голову; летчик-наблюдатель оберлейтенант Франц Вейгель попытался самостоятельно управлять машиной, и получил серьезные травмы при посадке. Козаков за эту победу был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

С февраля 1917 г. штабс-ротмистр Козаков исполнял обязанности командира 1-й боевой авиационной группы Юго-Западного фронта, в марте был утвержден в этой должности, а в апреле произведен в чин ротмистра. Эта группа стала первым специальным истребительным соединением в русской авиации. Личный состав в группе Козакова был самым сильным в русской армии, самолеты тоже лучшие, дисциплина поддерживалась строгая, воевали безотказно, смело. Волевой, храбрый и хладнокровный начальник собственным примером показывал, как нужно сражаться с врагами. И на командных должностях Козаков продолжал летать на боевые задания, освоив «СПАД-7» - лучший истребитель французского производства. Однако на войне никакое оружие не гарантирует безопасности; в июне 1917 г. в воздушном бою Александр получил ранение в руку сразу четырьмя пулями, одна из которых повредила локтевой сустав. После двухнедельного лечения ротмистр Козаков вернулся на фронт и продолжал сбивать неприятельские «Бранденбурги» и «Альбатросы». Последнюю точку в своем победном списке ротмистр Козаков поставил в конце августа 1917 г., обстреляв и вынудив к посадке австрийский двухместный «Бранденбург» в районе Кутковиц. Пилот - унтер-офицер и наблюдатель-офицер попали в русский плен. В итоге Козаков стал самым результативным летчиком-истребителем русской авиации Великой войны, лично сбив 17 вражеских летательных аппаратов, а в составе авиагрупп еще 15.

В сентябре 1917 г. Козаков был произведен в подполковники, однако вскоре захватившие власть в стране большевики отменили воинские звания в армии и ввели выборность командования. В декабре свою должность командира авиагруппы Александру пришлось передать старшему унтер-офицеру Ивану Павлову, а самому, по решению общего собрания солдат, опять вернуться на пост командира 19-го корпусного авиационного отряда. Шел стремительный развал армии, и неудивительно, что Козаков, как боевой офицер и патриот своей Родины, в итоге оказался в стане противников нового «рабоче-крестьянского» правительства. Какое-то время он пытался сотрудничать с новой властью, работал в Петрограде в составе особой комиссии по созданию Красного воздушного флота, но заключение большевиками грабительского Брестского мира с Германией и чекистские репрессии против кадровых военных окончательно открыли ему глаза на преступную, антирусскую сущность большевизма.

Летом 1918 г. прославленный летчик покинул Петроград и перебрался в Мурманск, занятый войсками Антанты. Там он добровольцем вступил в так называемый Славяно-Британский легион, который предположительно должен был воевать про-

тив немцев на Западном фронте продолжающейся мировой войны. Но обстоятельства сложились так, что сражаться русским летчикам пришлось с красными войсками на Русском Севере.

Первоначально Александр у англичан получил всего лишь звание лейтенанта, но очень быстро себя зарекомендовал как опытный организатор и отважный пилот, стал командиром эскадрильи и был произведен сначала в чин капитана, а в 1919 г. стал майором Королевских воздушных сил.

19 августа 1918 г. новое авиационное соединение прибыло на Двинский участок белогвардейского Шенкурского фронта и немедленно включилось в боевые действия. Местом базирования Славяно-Британского легиона, летавшего на английских «Сопвичах», стал аэродром в селе Двинский Березник (совр. Березник).

Поначалу превосходство белых летчиков над противником было подавляющим. Сказывалось как количественное преимущество в самолетах, так и боевые качества самих авиаторов. Большинство «красных соколов» в прошлом так же имели офицерские звания, почти все они оказались в РККА путем принудительной мобилизации. Неудивительно, что многие из них при первом удобном случае перелетали на своих машинах к противнику. Однако, по мере того как большевистское командование направляло на свой Северный фронт все новые авиачасти, баланс сил постепенно менялся.

Козакову довелось сражаться с красными и в небесах за штурвалом аэроплана, и в таежных чащобах в пешем строю. Но собственно серьезных воздушных боев практически не было. Летчики и с той и с другой стороны избегали стрелять по своим, русским братьям-авиаторам, атаковали преимущественно наземные цели. Поэтому главной угрозой для летчиков были пули и снаряды с земли. 24 января 1919 г., во время авиационной разведки в районе города Шенкурска, самолет Козакова на малой высоте был обстрелян из окопов красных. Александр получил пулю в грудь, но сумел благополучно посадить машину. Тем не менее, вплоть до начала марта ранение не позволяло ему принимать участия в полетах.

Ситуация на фронте развивалась в целом в пользу красных, и к концу июля 1919 г. английское командование приняло решение начать вывод своих сил с территории Русского Севера. Эвакуацию британских войск из Мурманска и Архангельска прикрывали с воздуха русские и английские летчики, и в этих боях Козаков на бреющем полете расстреливал боевые порядки противника из пулеметов, вызывая восхищение своих английских коллег и панику в рядах большевиков. Его друзья не без оснований полагали, что Александр намеренно испытывает судьбу в этих играх со смертью. В конце концов перед всеми русскими авиаторами встал вопрос об их дальнейшей судьбе. Кто-то решил пробиваться в Сибирь к адмиралу Колчаку, другие намеревались покинуть Россию. Майор Козаков в последние месяцы перед эвакуацией пребывал в глубокой депрессии, предчувствуя неизбежный крах Белого движения.

1 августа 1919 г. (по Григорианскому календарю) он в последний раз поднял в небо свой самолет, чтобы проводить судно, на котором его боевые друзья уплывали в Сибирь Северным морским путем.

Сделав прощальный круг над отплывающим пароходом, Козаков взял курс обратно на аэродром. Уже над взлетно-посадочным полем аэроплан Александра потерял управление и, устремившись вниз, врезался в землю возле одной из палаток. По официальной версии герой Великой войны погиб в авиакатастрофе, но большая часть очевидцев его последнего полета подозревала самоубийство. Он прожил всего 30 лет.

Похоронили Козакова в Двинском Березнике, недалеко от места его гибели, на краю летного поля. На его могиле был установлен памятник с двумя перекрещенными пропеллерами и надписью: «Мир праху твоему, герой России». Его мужество и героизм были отмечены многими самыми почетными воинскими наградами России, Великобритании и Франции.

РЯДОВОЙ АЛЕКСЕЙ МАКУХА

148-й пехотный Каспийский полк русской армии был отличным первоочередным подразделением, имел славную историю и богатый опыт боевых действий в Маньчжурии в ходе Русско-японской войны. Доблестно воевал полк и в начавшейся мировой войне в Галиции, сохраняя высокий боевой дух и крепкую кадровую закуску. Одним из образцовых бойцов этого полка был телефонист, рядовой Алексей Данилович Макуха, чей подвиг стал одним из самых ярких примеров верности долгу солдата Русской императорской армии.

В ночь на 21 марта 1915 г. австрийцы при мощной артиллерийской поддержке атаковали позиции Каспийского полка у деревни Кржищатек у переправы через Днестр, в районе Залещиков в Буковине, и захватили русский полевой редут, почти все защитники которого были перемолоты снарядами вражеской тяжелой артиллерии. Вскоре штыковым ударом 1-й роты каспийцев редут был взят обратно. В плен были захвачены 2 офицера и 65 нижних чинов противника. Здесь же русские солдаты нашли телефониста Каспийского полка, рядового Алексея Макуху, на короткий срок попавшего в руки к австрийцам. По роду службы он должен был иметь информацию о расположении частей русской армии на данном участке фронта, но на допросе отвечать наотрез отказался. Ничего не добившись от стойкого солдата, разозлившиеся австрийские офицеры повалили его на землю ничком и вывернули руки за спину. Затем один из них сел на него, а другой, повернув ему голову назад, при помощи кинжала раскрыл рот и, вытянув рукой язык, дважды резнул его этим кинжалом. Из рта и носа Макухи хлынула кровь. Изувечив человека, австрийцы, вероятно, потеряли к нему всякий интерес, ведь говорить он уже не мог, благодаря чему и остался в живых.

Первое время освобожденный герой, потерявший способность словами выражать свои мысли, не мог даже принимать пищу. По свидетельствам очевидцев, когда он возвратился в полк, язык у него болтался на тонкой перемычке, к тому же были сильные ушибы гортани. Макуха был немедленно направлен в г. Тарнополь в лазарет чинов тюремного ведомства, где врачи наложили ему швы на рану, нанесенную на три четверти языка. Там же случай гнусного зверства был зафиксирован в документах, включая фотографии.

Солдат-мученик был сразу же окружен повышенным вниманием и заботой не только со стороны врачей и медсестер. Верховный главнокомандующий приказал сообщить всем частям русской армии о подвиге Макухи и преступлении австрийцев. За свое героическое поведение рядовой Алексей Макуха удостоился благодарности Главковерха - Великого князя Николая Николаевича, был произведен в младшие унтер-офицеры, награжден Георгиевским крестом 1-й степени с выражением ему особой личной благодарности Его Императорского Высочества за свято исполненный долг и присягу. Кроме того, Алексею Макухе были выданы для ношения кресты всех трех низших степеней (таким образом, он разом стал полным Георгиевским кавалером), а также - единовременное денежное пособие в 500 рублей. В личной телеграмме Верховный главнокомандующий обратился к императору с просьбой о назначении унтер-офицеру Макухе двойной пенсии.

Государь поддержал представление великого князя, и младшему унтер-офицеру Макухе «в изъятие из закона» по увольнении с военной службы была пожалована пенсия в размере 518 рублей 40 коп. в год.

Случай с героем-телефонистом был из ряда вон выходящим, являлся неслыханным зверством даже в условиях войны, поэтому и решено было так неординарно наградить Алексея Макуху, подчеркнув тем самым особое значение его подвига.

Эта история стала, по свидетельствам современников, первой в череде бесчинств австро-германцев над пленными и сразу, естественно, вызвала широкое об-

щественное негодование в России. Неслыханная дикость со стороны «культурных» европейцев, пусть даже врагов, шла вразрез с представлениями об элементарной порядочности, человечности, с законами и обычаями войны.

Командование русской армии незамедлительно отреагировало на австрийское зверство необычным в своем роде приказом № 127 от 30 марта 1915 г. за подписью генерала от кавалерии Шмита. «Верховный Главнокомандующий повелел лишить права ношения оружия пленных австрийских офицеров, в том числе офицеров гарнизона Перемышля, за совершенное чинами австрийской армии в ночь на 21-е марта в районе Заленчиков гнусное зверство над доблестным чином русской армии рядовым Алексеем Макухой, которому австрийцы вырезали язык за отказ сообщить врагу сведения, составляющие военную тайну. Приказываю: отобрать оружие у пленных австрийских офицеров, объяснив им причину применения этой меры». Стоит пояснить, что в приказе речь шла о холодном оружии, с помощью которого и был изуродован австрийцами Макуха; огнестрельное оружие, естественно, у пленных офицеров изымалось всегда без всяких дополнительных приказов. Поэтому такая репрессивная мера хоть и была обидной для австрийцев, выглядела вполне справедливым возмездием за бесчестный поступок их сослуживцев, запятнавших офицерскую честь.

Не осталась в стороне и православная церковь. Епископ Анастасий Ямбургский, ректор Петроградской духовной академии, обратил внимание на нравственную сторону подвига героя-мученика Алексея Макухи, добровольно претерпевшего беспрецедентное мученичество. Епископ предложил послать от петроградского духовенства в дар герою икону с изображением святого Алексея человека Божьего, так как день мученического подвига почти совпал с днем ангела Алексея Макухи. Мысль эта встретила полное сочувствие и, кроме того, предполагалось возбудить в Святейшем синоде вопрос о благословении героя иконой от имени Святейшего синода с выдачей установленной грамоты.

Подвиг Алексея Макухи в ходе мировой войны повторили многие русские солдаты. Малая часть их имен стала известна своей стране.

Среди них Георгиевский кавалер, унтер-офицер Порфирий Герасимович Панасюк, неоднократно по ранениям попадавший в плен, но не утерявший боевого духа, и совершавший успешные побег. Он также отказался сообщить неприятелю какие-либо сведения о численности и расположении русских войск, несмотря на то, что германские изверги на допросе отрезали куски от его правого уха. В 1915 г., находясь на излечении в Петрограде, Панасюк был принят в Аничковом дворце императрицей Марией Федоровной, сердечно говорившей с героем и подарившей ему на прощание пасхальное яйцо, серебряный позолоченный образок и денежный подарок. Император со своей стороны распространил на доблестного унтер-офицера «изъятие из закона» и, так же как Макухе, назначил Порфирию Панасюку двойную пенсию по увольнению со службы.

В след за Макухой и Панасюком своей самоотверженной верностью присяге прославились солдаты Пичуев и Водяной. Описания подвигов этой четверки были сведены в особой иллюстрированной брошюре «Герои-мученики: Макуха, Панасюк, Пичуев и Водяной» с портретами героев, изданной массовым тиражом в типографии Главного управления Генерального штаба русской армии в серии «Для войск и народа». Как и другие пропагандистские, патриотические издания Генштаба, эта книжица использовалась для «громких читок», в ходе проводимых офицерами ежедневных занятий с нижними чинами.

В последних попавших в прессу известиях о самом Алексее Макухе сообщалось, что здоровье раненого воина шло на поправку. Постепенно к нему возвращались речевые навыки, к осени 1915 г. он уже мог говорить шепотом, и врачи надеялись на его полное выздоровление. Однако дальнейшая судьба унтер-офицера Макухи, как и многих других героев той войны, до сегодняшнего дня остается неизвестной.

ПОЛКОВОЙ СВЯЩЕННИК ЕВТИХИЙ (ТУЛУПОВ)

Дорогами военного лихолетья вместе с русским воинством неизменно шло православное духовенство. Полковые священники совершали богослужения, ободряли воинов, благословляли их на битвы, отпевали погибших, разделяли со своей паствой все тяготы фронтовой жизни. А при необходимости они личным мужеством вдохновляли солдат на подвиг. 13 священнослужителей были награждены боевым орденом Святого Георгия 4-й степени в годы войны. Одним из них был неприметный внешне, смиренный иеромонах Евтихий (Тулупов), священник 289-го Коротоякского полка 73-й пехотной дивизии.

Узнав о начале войны, пожилой Евтихий добровольно покинул свою обитель - Богородицко-Площанскую пустынь в Брянском уезде Орловской губернии и в числе тысяч представителей белого и черного духовенства России отправился на фронт для несения службы полкового священника. Преклонный возраст не был для Евтихия серьезным препятствием в исполнении своего долга перед православным Отечеством, самой большой сложностью для старца оказалась необходимость питаться с воинской кухни, поскольку после долгих лет монастырской диеты, организм его трудно привыкал к скоромной пище.

Осенью 1914 г. полк, в котором служил седой иеромонах, вел тяжелые бои, отходя вместе с армией из Восточной Пруссии после неудачного летнего наступления, и нес большие потери убитыми и ранеными. В ходе боя за пограничный поселок Эйдкунен в ноябре 1914 г. врачи полевого госпиталя выбивались из сил, руки их были в крови, и не было времени, чтобы ее отмыть. Полковой священник Евтихий (Тулупов) в те дни помогал управляться сестрам милосердия, резал бинты из марли, добрым спокойным словом унимая женские слезы, успокаивая взвинченные нервы. По воспоминаниям очевидцев, взгляд его мудрых лучисто-серых глаз удивительным образом врачевал души окружающих людей, стоны раненых затихали, а руки медиков переставали дрожать.

Свой пастырский долг Евтихий исполнял на передовых позициях, не считаясь с опасностью, нередко под огнем врага. Однажды по пути на передовую, он попал под пулеметный и пушечный обстрел германского бронированного автомобиля, к которому подслеповатый старец направлялся, приняв его за попутную подводку на шоссе.

Не было дня, чтобы он не посещал окопы и не беседовал с солдатами, которым эти беседы простого русского и самобытного человека были понятны и дороги. Умудренный глубокой верой и жизненным опытом иеромонах вселял уверенность в сердца воинов, и солдаты, веря в покровительство небесных сил, часто говорили: «Кто боится Бога, тот неприятеля не боится».

За стойкость и мужество, проявленные в боях на территории Восточной Пруссии, священник Евтихий (Тулупов) был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Летом 1915 г. Коротоякский полк вновь участвовал в жестоких сражениях на германском фронте. В ходе боевых действий немцы стремились окружить 73-ю дивизию русской армии, и ее полкам приходилось отходить, напрягая все силы для прорыва из смыкающегося вражеского кольца. Отход длился уже целую неделю. Семь дней непрерывных боев и бессонных ночей измотали бойцов до крайности. Кухни были пусты, и люди питались одним горохом, который собирали тут же на полях. Полковые священники, офицеры и сам командующий дивизией в полной мере делили все невзгоды тяжкого похода со своими солдатами.

Утром 9 июля 1915 г. вблизи деревни Можейканы началась решающая схватка русских пехотинцев с пехотой и кавалерией противника, отрезавшими им путь. К полудню бой достиг пика своего напряжения, и все запасные полки дивизии были

выставлены на пути наседавшего втрое сильнее противника, чтобы дать возможность отойти остальным частям.

В решительный момент боя командир Коротоякского полка собрал последние шесть своих рот и повел их рассыпной цепью в контратаку. Немедленно рядом с полковником появился полковой священник Евтихий в епитрахили. Невысокий пожилой батюшка с трудом попевал за командиром, идущим широким шагом впереди отряда. Седые волосы старца развевались по ветру, а в руке его, поднятой к небу, сиял позолоченный святой крест.

Впереди показалась неприятельская цепь, и раздался ружейный залп. Одной из первых немецких пуль батюшка был ранен в ногу, но кровь не охладила его порыва. Наскоро перевязавшись, он снова появился перед цепью и продолжал идти, хромя, рядом с командиром полка.

Со стороны противника началась беспорядочная стрельба, затрещали немецкие пулеметы, и русские цепи дружно ударили в штыки... Когда немцы отхлынули назад, оставив на поле боя груды тел, и закончилось преследование разбитого врага, в полку начались переключки и подсчет потерь.

Тело отца Евтихия было найдено бездыханным, грудь священника была пронзена несколькими пулеметными пулями. Его похоронили той же ночью. Построенные в шеренги воины обнажили головы и преклонили колени у вырытой могилы, командир полка сказал прощальное слово и прочел печальную молитву над гробом героя-иеромонаха.

Подвиг полкового священника Евтихия (Тулупова) в 1915 г. получил яркое освещение на страницах многих русских газет и журналов, а сам он был посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Подробности жизни этого скромного православного монаха по крупицам собирала редакция журнала «Русский иннок», предполагавшая его возможную канонизацию, направлявшая запрос в Плоцанскую пустынь и обращавшаяся к своим читателям с просьбой предоставить хоть какую-нибудь фотографию старца. Но эту работу пресекли трагические для России события 1917 г.

МАТРОС ПЕТР СЕМЕНИЩЕВ

В годы войны самым ярким образом отважного русского моряка стал матрос Петр Семенищев, о славных подвигах которого сообщали российские газеты осенью 1915 г.

Простой русский крестьянин Вятской губернии Российской империи Петр Семенищев был призван для прохождения военно-морской службы на Балтийском флоте и получил там специальность матроса-электрика. В годы Первой мировой войны он служил в Морском полку особого назначения, который использовался преимущественно на сухопутном театре военных действий. Вместе со своим полком Петр в декабре 1914 г. оказался в польском городе Сандомире на реке Висле, незадолго до этого занятом русскими войсками. Там из состава полка была сформирована специальная «партия», которой командование поставило задачу разминировать фарватер Вислы, перекрытый австрийскими минными заграждениями. Участвовал в этом деле и матрос Семенищев.

В ходе работ по разминированию одна из австрийских мин неожиданно сорвалась с якоря и поплыла по течению. Возникла реальная угроза судоходству на Висле, а кроме того мина могла повредить мост через реку, натолкнувшись на мостовую опору.

Понимая серьезность ситуации, матрос Семенищев немедленно бросился в ледяную воду, вплавь настиг увлекаемую течением «рогатую» бомбу и отбуксировал ее к берегу, рискуя в любой миг быть разорванным в клочья при детонации заряда. У берега мина была перехвачена товарищами героя и вскоре уничтожена путем подрыва в реке. За этот подвиг Петр Семенищев был награжден Георгиевским крестом

4-й степени, и, как показало время, холодная вода Вислы не остудила боевой пыл отважного матроса-балтийца.

Следующим эпизодом его боевой биографии стала победа в невероятном рукопашном бою против австрийских солдат. 16 июля 1915 г. на линии фронта в передовом окопе, перед которыми минерами Морского полка ставились фугасы, Петр увидел австрийских разведчиков, подбиравшихся к русским позициям. Матрос Семенищев, вооруженный только австрийской винтовкой Манлихера с 5 патронами в магазине и без штыка, в одиночку принял бой с 8 неприятелями. В жаркой схватке Семенищев убил двух врагов и обратил в бегство всех остальных, но и сам при этом получил семь штыковых ран и два удара прикладом по голове.

Чтобы спасти жизнь и здоровье героя, командование отправило его на излечение в один из московских госпиталей. Уже через месяц матрос вернулся в расположение своего полка и доложил командиру о своей готовности к продолжению службы.

К тому времени известия о подвигах балтийца достигли императорского дворца. Матрос Петр Семенищев был приглашен на аудиенцию к царю. Николай II с интересом побеседовал с героем и собственноручно наградил его Георгиевским крестом 2-й степени.

6 сентября 1915 г. о доблестной службе Семенищева во славу Отечества сообщила газета «Кронштадтский вестник», официальное издание главной базы Балтийского флота.

Дальнейшая судьба русского героя, к сожалению, неизвестна.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ РИММА ИВАНОВА

В январе 1916 г. многие российские периодические издания опубликовали сообщение о посмертном награждении сестры милосердия 105-го пехотного полка Риммы Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени по личному соизволению императора Николая II. Эта отважная девушка стала единственной представительницей «прекрасного пола», получившей эту высокую боевую награду в годы Первой мировой войны.

Римма Иванова родилась в Ставрополе 15 июня 1894 г. в семье казначея Ставропольской духовной консистории, училась в городской Ольгинской гимназии, где была одной из лучших учениц. С юных лет для нее были характерны общительность, смелость и самоотверженность. На последнем, восьмом году обучения, например, гимназистка Иванова спасла утопавшего в пруду мальчика, бросившись в воду в платье и обуви, не раздумывая ни секунды.

После окончания гимназии Римма стала работать учительницей в земской школе села Петровского Благодарненского уезда. Она мечтала продолжить образование в столице, но вспыхнувшая война заставила ее изменить свои жизненные планы. Римма Иванова возвратилась в родной Ставрополь, окончила там курсы медсестер и поступила на работу в госпиталь для больных и раненых воинов, а затем, несмотря на протесты родителей, 17 января 1915 г. добровольно отправилась на фронт, чтобы оказывать помощь русским воинам на полях сражений.

Она была зачислена санитаром в 83-й пехотный Самурский полк сначала как мужчина, под именем Ивана Михайловича Иванова, но позже «натурализовалась» в своем природном качестве с подлинным именем. Молодая, хрупкая Римма самоотверженно бросалась туда, где ждали ее помощи. Во время кровопролитных боев в Карпатах она получила свою первую награду - Георгиевскую медаль 4-й степени - за вынос с поля боя раненого прапорщика Гаврилова. Вторую медаль ей вручило командование за спасение прапорщика Соколова и восстановление поврежденной линии связи.

В июле 1915 г. Иванова ненадолго съездила в отпуск навестить тяжело заболевшего отца, а затем снова вернулась на фронт, но, по настоянию родителей, уже

в 105-й Оренбургский пехотный полк, в котором младшим военврачом служил ее родной брат Владимир. Однако Владимиру Иванову не удалось удержать сестру при полковом лазарете, она снова отправилась на передовую, где в первых же боях заслужила Георгиевский крест 4-й степени за спасение раненого командира полка полковника А.А. Граубе.

Всего за время пребывания на фронте ей удалось вынести из-под огня около 600 раненых солдат и офицеров.

9 сентября 1915 г. Оренбургский полк участвовал в тяжелых боях в ходе Свенцянского прорыва немцев. Римма, как всегда, находилась на передовой, спасая жизни пострадавшим. В ходе боя у села Доброславки (севернее города Пинска в Белоруссии) в 10-й роте погибли оба офицера, солдаты смешались и стали отходить. Тогда фельдшер Римма Иванова собрала вокруг себя отступающих и повела роту в атаку. Руководимые сестрой милосердия солдаты выбили противника из окопов и захватили вражескую позицию, но сама Римма при этом была смертельно ранена разрывной пулей в бедро и скончалась на руках бойцов. По словам очевидцев, перед смертью она прошептала: «Боже, спаси Россию...» и перекрестила окруживших ее рыдающих солдат.

В полку тяжело переживали смерть сестры милосердия, которая за короткий срок сумела завоевать искреннюю любовь и уважение фронтовиков. Командование полка, поддержанное командиром дивизии, ходатайствовало о награждении ее посмертно офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени. Но Римма не была не только офицером, она не была даже военнослужащей, поэтому командующий фронтом не мог самостоятельно принять решения о награждении и сделал соответствующий доклад на имя императора.

Уже 18 сентября 1915 г. Петроградское телеграфное агентство распространило следующее сообщение: «В 105-м пехотном полку сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеров и брата, полкового врача, все время работала под огнем, перевязывая раненых солдат и офицеров десятой роты. Когда все офицеры были убиты, она собрала к себе солдат и бросилась с ними на окоп, который взяла, и тут же, раненная, скончалась». Указ о посмертном награждении героини был опубликован только через 3 месяца после этого.

По другую сторону фронта подвиг Риммы Ивановой также не остался незамеченным, но реакция на него была своеобразной. Германские газеты опубликовали протест председателя кайзеровского Красного Креста генерала Пфюля. Ссылаясь на конвенцию о нейтралитете медицинского персонала, генерал заявлял, что сестрам милосердия «не подобает совершать воинские подвиги». Протест даже рассматривали в штаб-квартире Международного комитета Красного Креста в Женеве, но мнение генерала не получило поддержки, поскольку героическая медсестра к организации Красного Креста не имела никакого отношения.

По требованию личного состава Оренбургского пехотного полка был забронирован специальный железнодорожный вагон, в котором тело погибшей патриотки 25 сентября было доставлено в ее родной город. При огромном стечении народа погибшая была торжественно, с воинскими почестями похоронена в ограде Свято-Андреевского храма. Протоиерей Симеон Никольский, по благословению ставропольского архиерея, написал и опубликовал брошюру «Памяти героини долга, сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой», в которой проводил мысль о необходимости причислении Ивановой к лику святых Русской Православной Церкви. Великий князь Николай Николаевич прислал на могилу Риммы серебряный венчик, перевитый Георгиевской лентой.

Сохранившиеся в Государственном архиве Ставропольского края газеты того времени подробно описывали церемонию прощания с героиней-землячкой. В совре-

менном литературном музее Ставрополя хранятся два оригинальных фотопортрета Риммы Ивановой, а также снимки с ее похорон.

В России в 1915 г. крупными тиражами печатались плакаты и листовки, посвященные подвигу Ивановой, и пресса союзников по Антанте ставила рисунки, изображающие отважную сестру милосердия на первые полосы ведущих иллюстрированных журналов. Величайший русский художник того времени Илья Репин написал картину «В атаку с сестрой», а компания «Экстрафон» даже выпустила граммофонную пластинку «Подвиг Риммы Ивановой».

В ноябре 1915 г. по заказу военного ведомства был снят художественный фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой». Как только он вышел на экраны, разгорелся крупный скандал. Письма и телеграммы протеста посыпались в столицу. Офицеры Оренбургского полка на полном серьезе собирались «отловить антрепренера и заставить его съесть пленку». Увидев на экране сестру милосердия, которая, размахивая саблей, семенила по полю в туфлях на высоком каблуке и при этом пыталась не растрепать модную прическу, фронтовики были возмущены до предела. Фильм запретили, страсти улеглись, а затем наступила череда серьезных неудач на фронте, волнения в тылу, и о женщине, которую называли «русской Жанной д'Арк», стали постепенно забывать.

Для увековечения памяти Риммы Ивановой местные власти учредили стипендии ее имени в фельдшерской школе, Ольгинской женской гимназии и земском училище села Петровского. Было принято решение установить в Ставрополе памятник в ее честь, но оно так и не осуществилось: грянула революция, затем Гражданская война... Место ее захоронения сравнивали с землей, так как кладбище на территории Андреевского храма было уничтожено большевиками и комсомольцами. Имя национальной героини было предано забвению.

И только в наше время память о Римме Ивановой вновь возродилась. В ограде храма Андрея Первозванного, ставшего кафедральным собором, установлено скромное надгробие на предполагаемом месте захоронения. На здании бывшей Ольгинской гимназии (ныне школа-интернат для глухих детей) установлена мемориальная доска. Недавно Ставропольской и Владикавказской епархией, совместно с общественным благотворительным фондом «Мир и здоровье» и Союзом деловых женщин Ставрополя, была учреждена премия «За жертвенность и милосердие» имени Риммы Ивановой.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ МИХАИЛ КИТИЦЫН

Самым знаменитым русским моряком в годы мировой войны был старший лейтенант Михаил Александрович Китицын - один из самых результативных подводников Русского императорского флота, одержавший в морских сражениях 36 побед и потопивший суда противника общим водоизмещением 8973 брутто-регистрационных тонны. Китицын командовал легендарной подлодкой «Тюлень» в 1915-1917 гг., именно эти годы его жизни принесли ему общероссийскую славу.

Михаил Китицын родился 17 сентября 1885 г. в Чернигове, в семье потомственных дворян Киевской губернии. В 1899 г. он поступил в Морской кадетский корпус, по окончании которого 21 февраля 1905 г. получил чин мичмана. Спустя некоторое время после Цусимского сражения, мичман Китицын был отправлен на Дальний Восток, где служил на кораблях Амурской речной флотилии, а затем на транспорте «Тунгуз». Принять непосредственное участие в сражениях Русско-японской войны 1904-1905 гг. ему не довелось, но в Николаевске-на-Амуре Михаил получил свою первую награду, как участник обороны этого города. В память Русско-японской войны, военнослужащие, служившие на Дальнем Востоке, но не участвовавшие в боевых действиях, получили особую темно-бронзовую медаль. Такая же досталась и мичману Китицыну.

В 1905-1908 гг. Михаил Александрович плавал на крейсере «Олег», на транспорте «Бакан», на учебном судне «Крейсер» и на миноносце «Финн». По характеру он был человеком неугомонным, склонным к переменам. 1 ноября 1908 г. Кितिцын был зачислен в число слушателей Учебного отряда подводного плавания, по окончании которого, 1 сентября 1909 г. получил чин лейтенанта, был переведен на Черноморский флот, где с 15 сентября 1909 г. по 1 декабря 1912 г. проходил службу в должности командира подводной лодки «Судак». Позже, в качестве вахтенного начальника, до 1 августа 1913 г. Михаил служил на канонерской лодке «Уралец», базировавшейся в греческом порту Пирей. Затем он сдал экзамены и был зачислен в число слушателей Николаевской морской академии, обучение в которой ему не удалось завершить из-за начавшейся войны.

В начале Первой мировой войны Кितिцын служил на сухопутном фронте, принимал участие в обороне Ивангородской крепости, за что был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Однако участие в затянувшейся позиционной войне не могло устроить энергичного офицера-подводника, и Кितिцын вернулся на Черноморский флот. Он был назначен старшим флаг-офицером начальника штаба Бригады подводных лодок, а затем в чине старшего лейтенанта вступил в командование одной из новейших русских подводных лодок - «Тюлень», спущенной на воду 19 октября 1913 г.

Главной задачей, поставленной командованием перед черноморскими подводниками, было пресечение путей доставки энергоресурсов в турецкую столицу - Константинополь, где базировался флот Османской империи. Целью атак русских подводных лодок были любые турецкие суда, перевозившие к Босфору уголь и нефтепродукты. Вследствие общей технической отсталости Турции, это были, преимущественно, парусники, курсировавшие между столицей и восточными анатолийскими портами.

Сам Кितिцын, спустя многие годы, вспоминал, что сердце его не лежало топить эти небольшие шхуны, не способные оказать ни малейшего сопротивления, но приказ командования он выполнял безупречно. В ходе морских рейдов «Тюлень» обыкновенно в надводном положении шел вдоль южного черноморского побережья на восток и распугивал команды турецких транспортных парусных судов, обездвиженных штилем. Турки бросали свои шхуны на произвол судьбы и спешно гребли на шлюпках к берегу, а «Тюлень» столь же неторопливо подходил к вражеским судам и, не тратя боекомплект, просто поджигал их посредством пакли с керосином или пробивал их борта пиротехническим патроном.

Подводная лодка Михаила Кितिцына в 1915 г. захватила и потопила 5 парусников, а в 1916 г. от ее умелых действий пострадали 21 парусник и три парохода неприятеля. По общему тоннажу потопленных судов Кितिцына превзошел балтиец, капитан 1-го ранга И.В. Мессер, командовавший подводными лодками «Кайман» и «Волк». Но по числу одержанных побед и по известности, как среди современников, так и в истории Российского военно-морского флота, Кितिцын, несомненно, был «подводником № 1» в годы последней войны Российской империи.

Среди наиболее известных операций «Тюленя»: потопление австрийского транспорта «Дубровник» 19 марта 1916 г., разведывательная операция в бухте Варны в июле того же года (тогда подводная лодка под командованием Кितिцына провела в подводном положении 17 часов, что являлось рекордом для лодок этого типа) и захват турецкого транспорта «Родосто» 11 октября 1916 г. Пленение крупного вооруженного турецкого парохода, водоизмещением 6000 тонн, особенно примечательно. Это единственный случай в истории русского флота, когда подводная лодка после артиллерийского боя с судном противника не только вышла из него победителем, но и сумела привести его в свой порт.

На четвертый день боевого дежурства у турецких берегов, в 15 милях от Босфора, недалеко от острова Кефкен, уже в сумерках, около 22 часов сигнальщик «Тюлень», находившегося в надводном положении, заметил большой пароход, шедший от Босфора на восток.

По сигналу боевой тревоги орудийные расчеты двух 75-мм пушек подлодки заняли свои места, и старший лейтенант Кителин повел «Тюлень» вокруг Кефкена, чтобы перехватить пароход и отжать его от берега в море. Обычно уже после первых выстрелов турецкие суда спускали флаг и их команды набивались в шлюпки, однако на сей раз этого не произошло...

В 22 часа 45 минут с лодки прозвучал первый выстрел, и сразу же в ответ с парохода грянули в ответ два орудия, калибров 88 и 57 мм. Сгущавшаяся темнота, нервное напряжение и нехватка опыта не позволили противнику вести точный огонь. Турки не сумели толком разглядеть силуэт русской подлодки и по частоте выстрелов приняли ее за эсминца. Прицелы турецких орудий были выставлены на дальность 10 кабельтовых, в то время как фактически бой шел на дистанции не более 6 кабельтовых. В результате ни один из 30 выпущенных с парохода снарядов не причинил лодке повреждений. Зато огонь «Тюленя» был точным. В течение 50 минут с лодки было выпущено 46 снарядов, около 30 из которых попали в цель. После этого часть команды парохода во главе с одним из офицеров сбежала на шлюпке, однако оставшиеся на судне моряки упорно не желали сдаваться. На пароходе вспыхнул пожар, но он выпустил дымовую завесу и продолжал «огрызаться». Боезапас «Тюленя» заканчивался, поэтому Кителин подвел свою лодку к «Родосто» и с дистанции 3 кабельтовых выстрелил еще 6 снарядов по цели. На лодке остался единственный, последний снаряд, и только его удалось «сэкономить» - пароход, наконец, лег в дрейф. «Тюлень» подошел вплотную к турецкому судну, и русские моряки подняли на борт барактавшихся в воде 2-х турок и 6 немцев, в том числе капитана корабля и еще двух германских морских офицеров. Призовая команда «Тюленя» в составе 3 офицеров и около 20 матросов перешла на «Родосто» и начала тушить пожары, поднимать пары и исправлять рулевое управление. К утру наши моряки привели сильно поврежденный и еще дымящийся захваченный пароход под конвоем «Тюленя» к родным берегам. Через 40 часов после боя лодка и плененный пароход в сопровождении эсминца «Быстрый» благополучно прибыли в Севастополь.

За отличную службу капитан подводной лодки «Тюлень» Михаил Кителин был награжден мечами и бантом к ордену Святой Анны 3-й степени, орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами, орденом Святого Георгия 4-й степени, орденом Святого Владимира 4-й степени, а также золотым Георгиевским оружием. Кроме того, он был досрочно произведен в чин капитана 2-го ранга.

В начале сентября 1917 г. Кителин сдал лодку новому командиру, а сам получил назначение на должность начальника Отдельных гардемаринских курсов и уехал в Петроград, где в октябре того же года был повышен в звании до капитана 1-го ранга и вместе со своими гардемаринами убыл на Дальний Восток для практических занятий. По прибытии во Владивосток Михаил Александрович был назначен командиром вновь созданного Учебного отряда Сибирской флотилии в составе крейсера «Орел» и миноносцев «Бойкий» и «Грозный».

Октябрьский переворот застал Михаила Кителина в учебном плавании с гардемаринами на крейсере «Орел» в порту Нагасаки. Между революционно настроенным экипажем и гардемаринами начали возникать конфликты, а кораблю новая власть приказала вернуться во Владивосток. Из-за возникших на судне беспорядков капитан 1-го ранга Кителин принял решение попросить помощи у союзников и увел свой крейсер в Гонконг. В этом порту на берег сошли все матросы и 20 «красных» гардемарин, а судно перешло в подчинение к «белому» командованию. Однако вскоре,

приказом вновь назначенного командующего Учебным отрядом, Китицын был списан с «Орла» и оставлен в Японии. Такой поворот судьбы не обескуражил Михаила Александровича. В начале 1919 г. Китицын добрался до Владивостока, и по собственной инициативе на базе открытого Морского училища создал Морскую роту из бывших гардемарин и новых кадетов, для участия в Белом движении. Этот отряд принял участие в неудачном десанте в районе села Владимиро-Александровское, где во время высадки были смертельно ранены заместитель и ординарец Китицына, а сам он едва избежал гибели.

После падения власти адмирала Колчака Морское училище в 1920 г. эвакуировали на вспомогательном крейсере «Орел» и посыльном судне «Якут», и Китицын вместе со своими гардемаринами совершил еще одно плавание из Владивостока в Севастополь к генералу Врангелю. В этом переходе ему снова пришлось проявить свой решительный характер. В Порт-Саиде оба корабля отряда Китицына были надолго задержаны английским командиром порта. Когда на них стали подходить к концу запасы провизии и угля, разрешения на выход с рейда все еще не было получено. Китицын заявил англичанам, что если в течение 36 часов на корабли не будут переданы вода, провизия, уголь и не будет разрешение на выход в море, то он выведет их в Суэц и затопит поперек канала. Через 2 часа англичане предоставили все необходимое для дальнейшего плавания.

В Севастополь отряд Китицына прибыл 27 октября 1920 г., и уже 10 ноября последовал приказ об оставлении Крыма в виду безнадежности обороны. Командир и экипаж «Якута» приняли деятельное участие в эвакуации белых частей из Севастополя, откуда корабль совершил самостоятельный переход в порт Бизерта в Тунисе. Там в 1921-1922 гг. Китицын служил командиром строевой части Морского корпуса, где не успевшие закончить свое образование гардемаринны продолжали обучение.

В августе 1922 г. Китицын оставил службу, уехал в США, женился на американке и остался там навсегда. В 1923 г. Михаил Александрович Китицын стал основателем и первым председателем Общества офицеров Русского императорского флота в США.

Первое время Китицын работал таксистом в Нью-Йорке, а затем, получив американское гражданство, поступил инженером на муниципальную службу. Ему довелось строить нью-йоркскую подземку, в том числе туннель под Гудзоном. В период «Великой депрессии» Китицын 3 года проработал в Колумбии, занимаясь топографическими съемками, а вернувшись в Нью-Йорк, продолжил работать топографом уже в городской службе. В годы Второй мировой войны он служил в американских ВМС, работал топографом на строительстве военно-морской базы в Вирджинии. После окончания войны в Нью-Йорк Михаил Александрович не вернулся, оставшись работать топографом на строительстве дамбы оросительной системы, а позже вновь работал инженером в штатах Айдахо и Вашингтон. В 1955 г., выйдя на пенсию, Михаил Китицын переехал во Флориду, где и скончался в возрасте 76 лет в ночь на 22 августа 1960 г. Его перу принадлежит книга воспоминаний «На подводной лодке «Тюлень»».

ПРАПОРЩИК КАРЕЛ ВАШАТКО

В последние несколько сотен лет истории Европы чехи считаются одним из самых невоинственных, сугубо мирных народов. Однако, как известно, в каждом правиле есть исключения. Справедливость этого суждения подтверждает судьба необычайно храброго воина, чеха по национальности - Карела Вашатко, прапорщика Российской императорской армии, героя России и Чехословакии.

Карел Вашатко родился 13 июля 1882 г. (по Григорианскому календарю) в зажиточной крестьянской семье в местечке Литограды, в Восточной Чехии. Школы в Литоградах не было, и маленький Карел получал начальное образование в соседнем селе Сольницы. По окончании школы учитель посоветовал родителям продол-

жать обучение мальчика, так как Карел учился очень хорошо и обладал отличной памятью. Поскольку хозяйство должно было со временем перейти к старшему сыну Йозефу, родители согласились. Карела отправили в гимназию города Рихнов-над-Кнежной, которую он окончил с отличием.

1 октября 1902 г. Вашатко в качестве вольноопределяющегося поступил на военную службу в армию Австро-Венгерской империи и служил в 18-м пехотном полку, расквартированном в городе Оломоуце. Через полгода он получил чин ефрейтора, а еще через шесть месяцев - 1 октября 1903 г. - был уволен в запас.

Той же осенью Карел поступил на юридическое отделение Пражского университета, однако проучившись два семестра и поразмыслив, перешел на философский факультет, поскольку молодому юристу без связей в те времена (как, впрочем, и в нынешние) было крайне сложно найти работу. Университет Карел Вашатко закончил в 1907 г., и вскоре понял, что с философским образованием получить приличный заработок не менее проблематично, чем с юридическим. Когда в августе 1910 г. умерла его мать, Карел совершенно лишился финансовой поддержки и всяких перспектив на наследство.

С конца XIX в. многие чехи искали счастья в России, где экономика развивалась бурными темпами, а своих образованных людей не хватало. Довольно большое число чешских колонистов с разрешения Российского правительства осваивали пустующие земли, в основном на Волыни. С начала XX столетия на восток уезжало все больше чешских интеллектуалов: инженеров, предпринимателей, учителей. К 1914 г. в России проживало более 100 тыс. чехов и словаков.

Их примеру решил последовать и Карел. Весной 1912 г. Вашатко приехал в Россию и стал работать управляющим имения своего дяди на Волыни; он осваивал русский язык и в свободное время готовился сдать экзамены на право работать учителем.

Первая мировая война изменила его планы. С началом войны Вашатко был арестован, как подданный враждебного государства, но вскоре освобожден, как и все чехи, проживавшие в России.

3 сентября 1914 г. Вашатко вступил добровольцем в формируемую русским военным командованием Чешскую дружину - прообраз будущего Чехословацкого корпуса. Он прошел курс обучения, и 11 октября, в день покровителя Чехии католического святого Вацлава, принял присягу на Софийской площади Киева. Однако сразу после этого Карел заболел, и 23 октября дружина отправилась на фронт без него. Только 14 ноября Вашатко прибыл на позиции в составе запасной роты и был определен на службу во 2-ю роту своей части, воевавшей в рядах 3-й русской армии.

19 ноября состоялось его «боевое крещение» в схватках у Закличина на переправах через реку Дунаец. Уже во время первых разведок и стычек с неприятелем Карел Вашатко, бывший в обычной жизни тихим и скромным человеком, проявил храбрость, находчивость и лидерские качества, показал себя образцовым солдатом.

Поскольку командование приняло решение использовать чехов для фронтовой разведки, Чешская дружина была вскоре разделена поротно и повзводно среди корпусов и дивизий армии. 2-я рота оказалась распределена среди полков 11-й пехотной дивизии. В конце января два взвода были направлены в Тарнов, где принимали присягу «новодружинники» - чехи-военнопленные, решившие вступить в ряды дружины. Там Вашатко выбрал добровольцев, которые вскоре стали ядром «железной компании» - группы из 12 лучших разведчиков дружины, спаянных крепкой дружбой.

В ходе последующего наступления Юго-Западного фронта в Карпатах, 2-я рота Чешской дружины была направлена через Пилзно на Жмигрод. 2 февраля в Пилзне командующий 3-й армией генерал Р.Д. Радко-Дмитриев на смотре наградил 9 отличившихся в боях чешских добровольцев Георгиевскими крестами. Среди награжденных был и Карел Вашатко, получивший крест 4-й степени «за геройство во время

разведок на Дунайце, когда во время разведки, будучи окружены неприятелем, пробились в штыки и присоединились к своему подразделению».

Душой «железной компании» были старший унтер-офицер Шипек, получивший боевой опыт еще в Балканской войне, и доброволец Вашатко. «Железная компания» не раз отличалась во время разведок и боев. 29 марта 1915 г., добровольно вызвавшись, чешские разведчики, выйдя из расположения русских войск, прошли между передовыми постами неприятеля у деревни Естербник-Гута и захватили неприятельский патруль из 6 человек. Услышав сильную стрельбу на левом фланге, они укрылись в лесу в тылу неприятеля. С рассветом команда Шипека и Вашатко во второй раз пробралась в деревню, окружила здание школы, разоружила и захватила 2-х офицеров и 28 нижних чинов. Войска неприятеля выдвинулись на помощь своим к деревне, но, узнав о приближении крупных сил врага, чешские разведчики вернулись на позиции российской армии.

Широкую известность на фронте и внимание военной прессы чешским разведчикам принесла разведывательная операция в апреле 1915 г., в результате которой 28-й пехотный полк армии Австро-Венгрии, известный как «Пражские дети», в полном составе перешел на сторону русских войск. Основой этого успеха послужили разведки, проведенные «Железной компанией». После этого случая чешские разведчики стали пользоваться большим уважением у русских солдат и офицеров.

Затем Шипек пропал без вести, и компанию возглавил 32-летний Карел Вашатко; на фоне своих бойцов, средний возраст которых составлял 22 года, он выглядел «пожилым», умудренным опытом «старшим братом», не терявшим головы в самых трудных ситуациях. В этом не раз убеждались его братья по оружию.

Однажды ночью, группа разведчиков, возвращаясь с задания, подходила к позиции, где должны были быть русские. Во тьме их остановили окликом два солдата. Вашатко шел впереди и думая, что это русские, отвечал им по-русски. Но, подойдя вплотную, он увидел нацеленные ему в грудь два штыка мажарских солдат. Не растерявшись, Карел молниеносным движением ухватил каждой рукой по винтовке и вырвал их у врагов. Остальное было секундным делом, и венгры стали добычей чехов.

В мае 1915 г. немцам удалось прорвать фронт 3-й русской армии у Горлицы. Русские дивизии, оказавшиеся в окружении, были вынуждены прорываться к своим. 49-я дивизия, в составе которой к тому времени воевала команда Вашатко, отходила через Дукельский перевал на Кросно. Чтобы оторваться от неприятеля, дивизия совершила изнурительный ночной переход в горах, и впереди шли чешские разведчики во главе с Карелом Вашатко.

17 мая Вашатко был направлен в штаб 24-го армейского корпуса в качестве переводчика и знатока австрийской армии. В середине лета он вернулся в роту, и 14 июля был произведен в младшие унтер-офицеры. 22 июля он во второй раз был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за храбрость и героизм в боях с австрийцами в период с 13 января по 14 апреля 1915 г. Кроме того, 7 сентября Вашатко получил Георгиевский крест 3-й степени за эффективное участие в организации горного похода 49-й дивизии.

Следующей наградой Карела Вашатко стал Георгиевский крест 2-й степени, к которому он был представлен за исключительную личную храбрость и смелость, проявленные во время тяжелых оборонительных боев 3-й армии в июне-июле. Затем он заслужил Георгиевскую медаль «За храбрость» 4-й степени за отчаянное нападение на неприятеля во время разведки с 12 на 13 июля у деревни Майдо-Иловецкий, где Вашатко с тремя разведчиками захватил в плен 32 вражеских солдата.

Спустя еще два месяца, Карел был награжден Георгиевской медалью 3-й степени за то, что «во время разведки на участке 3-го батальона 73-го пехотного Крымского полка ночью с 26 на 27 сентября 1915 года пленил неприятельский патруль».

Осенью 1915 г. Юго-Западный фронт стабилизировался, и началась окопная война. Чехи-дружинники продолжали вести разведывательную службу, что было особенно сложно в новых условиях. В начале января 1916 г. Вашатко был произведен в унтер-офицеры и уже в третий раз награжден Георгиевским крестом 4-й степени за то, что ночью со 2 на 3 января 1916 г. в разведке обнаружил неприятельский патруль, обойдя который, напал в окопе и пленил двух солдат с полным вооружением и гранатами.

В начале 1916 г. Чешская дружина преобразовалась в 1-й Чешско-словацкий стрелковый полк, а отличившиеся дружинники были направлены на офицерские курсы для последующего назначения на должности командиров в новообразованных частях. Среди них оказался и Карел Вашатко. В конце апреля он сдал офицерские экзамены и в мае, после отпуска, был направлен в состав формируемого 2-го Чешско-словацкого полка. 4 июня Вашатко получил чин прапорщика и отправился в Киев, где принял командование над добровольцами из числа чехов и словаков, содержащихся в Дарницком лагере для военнопленных.

К этому времени, как уже было сказано, Вашатко оказался трижды представленным к награждению Георгиевским крестом 4-й степени. Это происходило в результате того, что его команда разведчиков часто действовала в составе различных дивизий, которые представляли его к награждению без взаимного согласования. Поэтому 20 августа 1916 г. дублированные награждения были заменены Георгиевским крестом 1-й степени и Георгиевской медалью 2-й степени. Так Карел Вашатко стал полным георгиевским кавалером.

Через Дарницкий лагерь проходило большинство пленных с Юго-Западного фронта, в том числе чехов. Эти военнопленные и стали основным кадровым ресурсом для пополнения Чешско-словацкой стрелковой бригады. Лагерем командовал русский немец генерал Г.Ф. Эйхе, отрицательно относившийся к идее формирования чешско-словацких частей. Но за три месяца Вашатко при поддержке главного начальника Киевского военного округа генерал-лейтенанта Н.А. Ходоровича сумел сломить сопротивление Эйхе и создать почву для нового набора чехов и словаков. Примечательно, что в Дарнице среди пленных Карел встретил своего младшего брата.

К тому времени Вашатко настолько «обрусел», что принял решение принять веру своей новой Родины. 19 декабря 1916 г. он был крещен по православному обряду и получил имя Кирилл, с которым в последующие годы и был известен в России.

Из безопасного тыла герой-прапорщик рвался на фронт, в родную 2-ю роту, и его желание вскоре осуществилось. Оказавшись на передовой, Вашатко организовал и сам принял участие в нескольких разведывательных вылазках по вражеским тылам, на участках действия 53-й и 102-й пехотных дивизий на реке Стохов.

После отречения от престола императора Николая II и прихода к власти Временного правительства России, в российских войсках повсюду стали возникать полковые комитеты, которые постепенно получали все больше прав. Чешско-словацкие части в этом отношении также не были исключением. В феврале 1917 г., по решению комитета 1-го Чешско-словацкого полка, популярный среди личного состава прапорщик Кирилл Вашатко занял должность заместителя командира 2-й роты, а 28 мая полковой комитет принудил командира 2-й роты уступить свой пост его заместителю.

Летом 1917 г. части Чешско-словацкой стрелковой дивизии участвовали в общем наступлении российской армии. 19 июня в битве у Зборов атаку на вражеские позиции должны были начать 200 гренадеров - отборных стрелков из разных рот, прошедшие специальную штурмовую подготовку. Следом за гренADERАМИ должна была идти 2-я рота прапорщика Вашатко и поддерживать огнем передовой отряд.

В 9 часов 5 минут с началом артиллерийского обстрела шрапнелью вражеских позиций, Вашатко скомандовал: «Вперед, ребята! За Родину, вперед!» Сам герой не

удержался и с винтовкой в руках кинулся в атаку в первых рядах вместе с гренадерами. Этот порыв не сдержало даже ранение в бок, полученное братом командира роты непосредственно перед началом штурма. Через несколько минут шрапнельная пуля снесла часть черепа прапорщику Вашатко. Упав на землю, он потерял сознание, но успел отдать приказ своим солдатам оставить его и не прекращать атаку.

Несколько дней Вашатко находился на грани смерти. Сраженного героя эвакуировали в Киев, где он лечился сначала в Столыпинской больнице, а потом в лазарете на Дорогожицкой улице. Там его прооперировал чешский доктор Рихтер и спас ему жизнь. Однако необходимую в таком случае трепанацию черепа из-за слабости организма раненного воина пришлось отложить.

За храбрость в битве у Зборова Кирилл Вашатко был награжден 20 июля 1917 г. орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом; 25 сентября приказом по 11-й армии - орденом Святого Георгия 4-й степени и 2 октября на основании решения полковой Георгиевской думы - «солдатским» Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой ветвью. Последняя награда была недавним «изобретением» Временного правительства, таким образом «демократизировавшего» наградную систему страны. Кроме того, Кирилл Вашатко имел еще и Георгиевское оружие, однако документы, которые указывали, за какой именно подвиг он был представлен к награждению, не сохранились. Вероятнее всего, Вашатко получил золотую саблю за серию разведок в начале 1917 г.

Таким образом, в совокупности Кирилл Вашатко за личную храбрость заслужил 10 Георгиевских наград, и никто в чешско-словацких частях не мог сравниться с ним в этом отношении. Более того, это количество является одним из самых больших за всю историю Российской армии.

14 октября 1917 г. Вашатко был произведен в подпоручики, и едва придя в себя после тяжелейшего ранения, занялся делами. Он следил за новостями в роте, посылал товарищам подарки, заказал чешским дамам, проживавшим в Киеве, флаг для своего полка. Когда стяг был готов, командир 2-й роты, бледный, с повязкой на голове, лично привез его на фронт и торжественно вручил своим боевым товарищам в чешский национальный праздник - День святого Вацлава.

В госпитале Вашатко восстанавливал здоровье вплоть до эвакуации Чехословацкого корпуса с территории Украины, и с конца апреля находился в Челябинске. 12 апреля 1918 г. он был переведен из 1-го полка в штаб корпуса, а 2 июля, минуя два предыдущих чина, был произведен в капитаны. Его рота стала именоваться в «честь бывшего их командира у Зборова Вашатковой ротой». 22 августа «за храбрость и великолепную службу в последних боях» Вашатко получил чин подполковника.

По сути дела, герой был уже инвалидом и не мог принимать участие в активных боевых действиях Чехословацкого корпуса против большевиков. Тем не менее, он исполнял обязанности генерал-квартирмейстера и помогал организовывать тыл корпуса, несмотря на то, что открытая рана в черепе, через которую был виден мозг, постоянно его мучила. В 1918 г. он получил еще одну награду - французский Военный крест с пальмовой ветвью.

6 января 1919 г. Вашатко лег на операционный стол в Челябинской больнице, где ему была сделана операция по имплантации золотой пластины в черепную коробку. Деньги на золотой протез собрали жители города Троицка и стрелки 2-й Вашатковой роты. Операция вроде бы прошла успешно, к вечеру Кирилл пришел в себя и начал разговаривать. Однако на следующий день его состояние неожиданно ухудшилось, появились приступы эпилепсии и сильная головная боль. Несмотря на все усилия врачей, 10 января 1919 г. Вашатко умер на 37-м году жизни.

Смерть героя, как тяжелейшую потерю, воспринял весь Чехословацкий корпус, особенно 1-й полк и его родная 2-я рота. Он был похоронен 12 января на Казанско-Богородицком кладбище в Челябинске. Местная газета «Утро Сибири» писала: «Се-

годня в 11 часов утра состоятся похороны на Братском чешском кладбище героя битвы под Зборовом, хорошо известного нашему краю по борьбе с большевиками, полковника Вашатко, скончавшегося от полученных ран». Посмертно, в 1921 г., Вашатко был награжден чехословацким орденом Сокола 1-й степени с мечами.

В связи с ликвидацией кладбища в начале 1930-х гг., с разрешения советского правительства, останки героя Первой мировой войны Карела Вашатко 20 августа 1935 г. были эксгумированы официальными представителями Чехословакии, перевезены в Прагу и 1 октября торжественно перезахоронены на Мемориале Освобождения Пантеона Национальной славы.

В торжественной церемонии участвовали члены правительства, дипломаты, генералы и офицеры. Под артиллерийский салют и мелодию «Коль Славен» гроб с костями героя был предан земле.

Последующие «социалистические» десятилетия надолго вычеркнули из чешской и российской истории славное имя Кирилла Вашатко...

ПРАПОРЩИК МАРИЯ БОЧКАРЕВА

В годы Первой мировой войны в армиях многих европейских держав, в качестве «исключения из правил», с оружием в руках воевало немало женщин-патриоток. Некоторые из них даже поднимались по карьерной лестнице до офицерских званий, как, например, англичанка Флора Сандерс, сменившая в 1916 г. платье британской медсестры на форму сербского добровольца и закончившая Великую войну в звании капитана Сербской королевской армии. Но только в республиканской, уже катящейся в пропасть России была предпринята попытка создать особые женские войсковые подразделения. Во главе этого эксперимента стояла героическая русская женщина с удивительной судьбой - Мария Бочкарева.

Мария Бочкарева родилась в июле 1889 г. в крестьянском доме Леонтия Семеновича и Ольги Елеазаровны Фролковых, в селе Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии. В семье росли еще две дочери. Когда Марусе исполнилось 6 лет, родители решили переехать в Сибирь, в Томскую губернию, в надежде получить надел земли и кое-какую денежную поддержку. Осели они в поселке Ксеньевском Ново-Кусковской волости Томского уезда. Марусю в 8 лет отдали в прислуги, сначала присматривать за ребенком, затем - в лавку, в школу она никогда не ходила.

В 15 лет у Маруси Фролковой случилась первая любовь с офицером - сыном хозяев, у которых она работала прислугой. Но кавалер жениться на крестьянке не захотел, после чего отец выдрал дочь и выдал ее в 16 лет замуж за «первого встречного» - крестьянина Афанасия Сергеевича Бочкарева 23-х лет.

С мужем Мария весной 1905 г. уехала на заработки, и некоторое время трудилась в иркутской конторе по укладке мостовой, первоначально простой рабочей, а через несколько месяцев стала помощником десятника. Но семейная жизнь не складывалась; мужа она не любила, кроме того Афанасий стал часто пьянствовать, в пьяном угаре привязывал жену к столбу и заставлял пить водку.

Мария решилась сбежать от мужа, и отправилась на Алтай поездом без билета; во время этого путешествия проводник пытался взять с нее плату «натурой». В Барнауле она устроилась работать на пароход, ходивший по Оби. Через некоторое время Афанасий отыскал жену. Увидев опостылевшего супруга на пристани, Мария кинулась за борт в обскую воду, желая утопиться, но была спасена. В последующие годы своей жизни Бочкарева еще не менее трех раз пыталась покончить с собой, но, вероятно, Господь наметил ей иной, лучший жребий и всякий раз сберегал ее жизнь от последствий малодушных поступков...

От мужа Мария в очередной раз сбежала, но вскоре заболела, потеряла работу и вынуждена была вновь наняться в прислуги в Сретенске, не подозревая, что ее

новая хозяйка содержит публичный дом. Там Мария в минуту отчаяния пыталась отравиться уксусом, но вновь выжила. А спас ее на этот раз веселый еврей Яков Гершевич Бук, в которого спасенная немедленно влюбилась и близко с ним сошлась. Бук по документам числился крестьянином, но на самом деле промышлял разбоем в банде «хунхузов» - грабил купцов на большой дороге. На его деньги сожители купили мясную лавку, и Бочкарева встала за прилавком.

В мае 1912 г. Якова арестовала полиция, и Мария решила разделить судьбу любимого сожителя. В 1913 г. она отправилась за ним по этапу в далекий Якутск. На поселении Яков продолжал заниматься преступными промыслами - скупал краденое и даже участвовал в нападении на почту. Как писал в рапорте начальник полиции Якутска: «В одну из минут откровенности, вызванной временным раздором» с сожителем, Мария открыла властям «целый ряд преступлений, совершенных Буком в Забайкалье». Однако, остыв, Бочкарева на личной встрече слезно просила якутского губернатора барона Крафта не высылать Якова на Колыму, и даже отдалась ему, уступив домогательствам, в обмен на помилование для любимого.

Губернатор слово сдержал и выпустил Бука из тюрьмы, но разгневанный Яков попытался повесить «изменщицу» и зарезать губернатора. Только по счастливой случайности и губернатор, и Мария остались живы. Спустя недолгое время любовь между Бочкаревой и Буком закончилась бесповоротно, в семейной жизни Мария окончательно разочаровалась.

В июле 1914 г. началась мировая война. Через несколько лет Бочкарева вспоминала о тех днях несколько высокопарно: «Мое сердце стремилось туда - в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве. Дух жертвоприношения вселился в меня. Моя страна звала меня». Проще говоря, она решила уйти в солдаты. Прибыв в Томск в ноябре 1914 г., Бочкарева обратилась к командиру 25-го резервного батальона с просьбой зачислить ее вольноопределяющейся. Тот предложил ей отправиться на фронт в качестве сестры милосердия, но Мария настаивала на своем. Назойливой просительнице был дан иронический совет - для удовлетворения своего желания обратиться непосредственно к императору. На последние 8 рублей Мария отправила телеграмму в Петроград на высочайшее имя, и на другой день, как не удивительно, получила разрешение на воинскую службу от государя. Марию зачислили вольноопределяющейся в 4-ю роту того же батальона.

По неписаному правилу, солдаты в те годы называли друг друга по кличкам, и Мария в память о былой любви просила называть себя Яшкой, хотя за мужчину себя никогда не выдавала. Ей обстригли голову «наголо», выдали обмундирование и отправили в казарму. Первую ночь она не могла сомкнуть глаз, раздавая тумачи и пинки сослуживцам, жаждущим «близкой дружбы». Позже она даже собственного командира ударила по лицу, когда он попробовал «распутить руки»; обиженный начальник отправил строптивую военнослужащую на гауптвахту.

В феврале 1915 г. с маршевой ротой она отправилась на фронт и оказалась под Молодечно в 28-м пехотном Полоцком полку 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 2-й армии. Поначалу отношение сослуживцев к ней было ироничное, в ней видели скорее «бабу», чем боевого товарища. Но очень скоро Мария приобрела в полку большой авторитет.

Яшка бесстрашно ходила в штыковые атаки, вытаскивала раненых с поля боя. Однажды, после неудачного наступления, Мария за одну ночь вынесла с нейтральной полосы около 50 израненных солдат, за что была представлена к награждению Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени. Впоследствии, за годы войны Бочкарева заслужила, кроме того, два Георгиевских креста 4-й и 3-й степеней, Георгиевскую медаль 3-й степени и медаль «За усердие».

Даже в плену ей побывать довелось, но через сутки Бочкарева была освобождена своими.

9 марта 1916 г., когда в бою погиб ротный командир, Бочкарева повела солдат в контратаку и отбросила врага. За этот подвиг она и получила свой первый крест, а также звание младшего унтер-офицера. Несколько раз Мария была ранена, дважды выдерживала газовые атаки.

В одном из боев ей в спину угодил осколок, полностью ее парализовавший. Она пластом пролежала в госпитале около полугода, заново училась ходить. Этот осколок Мария носила в теле до конца своих дней - вынимать его врачи не рискнули. Во время лечения в октябре 1915 г. она смогла по слогам впервые в жизни прочитать, а затем и написать свое имя. А училась грамоте она по дешевой книжке о похождениях американского сыщика Ника Картера.

При выписке из госпиталя Бочкарева успешно прошла военно-медицинскую комиссию. Об этом эпизоде она рассказывала так.

На общем построении мобилизованных перед членами комиссии она немедленно разделась по соответствующей команде.

- Женщина! - вырвалось из пары сотен глоток. Члены комиссии буквально онемели от удивления.

- Что за чертовщина?! - вскричал генерал. - Зачем вы разделись?

- Я солдат, ваше превосходительство, и исполняю приказы не задумываясь, - ответила я.

- Ну хорошо, хорошо. Поторопитесь одеться, - последовал приказ.

- А как же осмотр, ваше превосходительство? - поинтересовалась я, надевая свои вещи.

- Все в порядке. Вы прошли...

В таком поведении Марии Бочкаревой действительно не было никакого эпатажа, просто год на фронте в окружении мужчин заметно притупил ее чувство стыдливости. Она, кстати, совершенно спокойно мылась в солдатской бане вместе с мужчинами; впрочем, сослуживцы в знак уважения отвели ей укромный уголок и никаких неуместных смешков в ходе помывки не допускали.

На фронт Яшка вернулась уже старшим унтер-офицером и получила взвод под свою команду. Но с марта 1917 г. войска начали стремительно разлагаться и терять боеспособность. Русская армия, перестав быть императорской, теряла дисциплину и стремительно превращалась в вооруженную толпу. «У нас шли бесконечные митинги, - вспоминала Мария, - весь полк, казалось, непрерывно, днем и ночью заседал, слушая нескончаемые речи. Люди от них становились как пьяные. Солдаты забросили службу. Германцы никак не могли взять в толк причину происходящего».

На одном из таких митингов Бочкарева познакомилась с приехавшим на фронт председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко, который пригласил «русскую Жанну д'Арк» в столицу. В Петрограде Родзянко представил Яшку солдатским депутатам, собравшимся на сессию в Таврическом дворце. Там Бочкареву и осенила идея создать особый женский батальон, чтобы подать пример беззаветной воинской службы для солдат-мужчин. Мария Леонтьевна обсудила свой проект с генералом А.А. Брусиловым, и получила аудиенцию у А.Ф. Керенского. 21 мая она выступила в Мариинском дворце с речью к «гражданкам свободной России», призывая их взять в руки оружие: «Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье России, спешите в наши ряды, спешите, пока не поздно, остановить разложение дорогой нам Родины. Непосредственным участием в военных действиях, не щадя жизни, мы, гражданки, должны поднять дух армии и просветительно-агитационной работой в ее рядах вызвать разумное понимание долга свободного гражданина перед Родиной».

На этот призыв откликнулось около двух тысяч женщин, притом, что планировалось набрать личный состав только для одного батальона в количестве 500 человек. Выделенное для их приема помещение в столичном Доме инвалидов оказалось тесным, и Бочкарева получила здание Коломенского женского института.

После непродолжительного курса обучения, 21 июня на площади у Исаакиевского собора «Первая женская военная команда смерти Марии Бочкаревой» получила особое белое знамя с православным крестом. Женщины-военнослужащие в специальной форме с белыми погонами, украшенными черной и красной полосами, с шевронами на правом предплечье с изображением «адамовой головы», символизирующей готовность к смерти за Родину, приняли присягу Временному правительству. Петроградский архиепископ Вениамин и уфимский архиепископ напутствовали батальон смерти образом Тихвинской Божией Матери. Генерал Л.Г. Корнилов от фронтового командования преподнес Яшке именной револьвер и саблю с позолоченным эфесом, а А.Ф. Керенский лично зачитал приказ о производстве Бочкаревой в прапорщики.

Стоит отметить, что, вполне в «республиканском духе», адъютантом командира батальона, малограмотного прапорщика Бочкаревой была дочь адмирала Скрыдлова, командующего Черноморским флотом; под началом Марии Леонтьевны служили также дочь генерала Дубровского и грузинская княжна Татуева.

По окончании молебна женский батальон, с оркестром во главе, в сопровождении тысячной толпы, под звуки «Марсельезы» двинулся по направлению к Варшавскому вокзалу. Публика образовала цепь. По всем улицам, по которым следовала процессия, из окон домов и с балконов аплодировали, махали белыми платками и бросали цветы. На каждой улице толпа все увеличивалась. Штыки у женщин-солдат были украшены красными розами, а фуражки - букетами ландышей, белых астр и незабудок...

Многочисленные публикации и фоторепортажи рисовали жизнь «добровольцев» в красочных и весьма идиллических тонах. На деле же все было прозаично и сурово. Бочкарева установила в батальоне жесткую дисциплину: подъем в 5 утра, занятия до 10 вечера, краткий отдых и простой солдатский обед. Первые проблемы возникли по сравнительно мелкому, но для молодых женщин такому важному, поводу - из-за короткой стрижки. А затем интеллигентные барышни стали жаловаться вышестоящему начальству на стиль руководства своего командира. Дескать, Бочкарева слишком груба и «бьет морды, как заправский вахмистр старого режима». Кроме того, она категорически запретила организовывать в ее батальоне любые советы и комитеты и появляться там партийным агитаторам. Формально это было явным нарушением порядков, установленных в армии после февральской революции знаменитым «Приказом № 1». Сторонники «демократических преобразований» обращались за помощью даже к командующему Петроградским военным округом генералу П.А. Пловцеву, но тщетно, ведь Бочкаревой покровительствовало высшее военное командование в лице Керенского и Корнилова. На все критические замечания Яшка только свирепо и выразительно помахивала кулаком, и говорила, что недовольные пусть убираются вон, и что она желает иметь под своей командой дисциплинированную часть. Впрочем, Мария Леонтьевна никогда не была склонна к интригам, также как и к долгим размышлениям и самоанализу. Она всегда доверяла своим инстинктам, и не раз подчеркивала: «Не люблю базаров».

В конце концов, в сформированном батальоне произошел раскол - и половина его личного состава перешла во вновь формируемый женский ударный батальон. Именно эти «бочкаревские дуры», как их презрительно называли большевики, принимали участие в защите Зимнего дворца во время Октябрьского переворота.

Уход «демократок» и «неженок» мало взволновал Марию Леонтьевну. Ее настроение хорошо передает фрагмент одного из интервью того времени:

«- У вас еще продолжается запись в батальон?»

- Нет, прекращена. ...Каждый день приходят проситься. Это хорошо - значит, поняли, - но всем отказ. Довольно.

- Не предполагается оставлять запасных кадров?»

- Не к чему. Уйдем и умрем. Пусть этим занимаются другие»...

Только 300 женщин из первоначального набора отправились 23 июня на передовые позиции, получив назначение в 172-ю дивизию 1-го Сибирского корпуса. Батальон был придан 525-у пехотному полку. Полковник В.И. Закржевский, в подчинении которого находилось это женское подразделение, отмечал в донесении: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами. При атаке немцев, по своему почину, бросился, как один, в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии». В 1917 г. фотопортреты Марии Леонтьевны не сходили со страниц российских газет и журналов.

Реальная обстановка в батальоне заметно отличалась от бодрой картины официальных рапортов и газетных статей. Генерал А.И. Деникин позднее писал: «Что сказать про «женскую рать»?.. Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, по ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного строя, сжались в кучку - беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов».

Бочкарева была в ярости от такого предательского поведения мужчин, и поплатилась за это, как она сама рассказывала, одна из ее подчиненных: «Я натолкнулась на парочку, прятавшуюся за стволом дерева. Это была девчонка из моего батальона и какой-то солдат. Они занимались любовью! Гнусная сцена возмутила меня даже больше, чем неторопливость 9-го корпуса, обрекшего нас на гибель. Этого было достаточно, чтобы сойти с ума. Рассудок отказывался воспринимать такое в тот момент, когда нас, как крыс, загнали в капкан врага. Во мне все бурлило. Вихрем налетела я на эту парочку и проткнула девку штыком. А солдат бросился наутек, прежде чем я сумела его прикончить, и скрылся».

Прапорщик Бочкарева в том бою под Сморгонью в начале июля 1917 г. была контужена и отправлена в Петроградский госпиталь. К тому времени относится ее производство в подпоручики и новые встречи с Керенским, которому она с горечью поведала об анархии в армии, о дезертирах, о роли солдатских комитетов в братаниях с врагами, о нежелании солдат воевать. Яшка плохо понимала расстановку политических сил, но просила передать главное командование Корнилову, и вскоре Лавр Георгиевич действительно стал главнокомандующим.

После выздоровления подпоручик Бочкарева получила приказ нового Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова проинспектировать женские батальоны, которые начали расти как грибы после дождя. Смотр московского батальона показал его полную небоеспособность, зато тесное общение с мужчинами из соседних казарм было там обычным делом. Мария попыталась навести порядок обычными своими методами, но как только она дала оплеуху одной из «добровольниц» легкого поведения, остальные набросились на Бочкареву, избили, вываляли в грязи и доста-

вили в районный комиссариат как контрреволюционный элемент. Расстроенная Мария возвратилась в свою часть, твердо решив для себя «больше женщин на фронт не брать, потому что в женщинах я разочаровалась».

До конца октября батальон Бочкаревой занимал позиции на передовой и, как мог, препятствовал «братанию» распоясавшихся русских солдат с противником, ведя стрельбу по нейтральной полосе. Однако «братания» принимали все большей размах, огонь не велся ни с той, ни с другой стороны, только бочкаревки продолжали стрельбу. Однажды целый полк противника ввалился в русские окопы со спиртным и камрады с товарищами устроили грандиозную пьянку.

В другой раз Бочкарева открыла огонь по безмятежно гуляющим на нейтральной полосе немецким солдатам, что вызвало такой гнев у «братьев по оружию», что они выкатили пулеметы и фланговым огнем стали поливать позиции женского батальона.

В событиях Октябрьского переворота Мария Леонтьевна и ее подчиненные никакого участия не принимали. Когда стало известно о свержении большевиками и эсерами Временного правительства в столице, командующий фронтом приказал женскому батальону срочно отправиться в Красное Село, на поддержку Керенскому. Здесь Бочкарева пошла на тайные переговоры с эмиссарами советской власти. В итоге было решено расформировать батальон, выдав женщинам документы и женскую одежду. После этого Бочкарева приехала в Петроград, где вместе с другими офицерами была арестована по подозрению в участии в так называемом «корниловском мятеже» и заключена в Петропавловскую крепость. Большевики отняли у Марии Леонтьевны документы и наградное оружие, но, спустя некоторое время, освободили ее из-под стражи. После фактического развала фронта заняться ей было нечем, и Бочкарева поездом поехала домой, в Сибирь, причем в пути около Челябинска была выброшена большевиками из вагона и повредила ногу.

Однако отставка ее продлилась недолго. В начале 1918 г. представители поднимавшегося Белого движения вызвали ее телеграммой из Томска в Петроград и поручили установить нелегальную связь с Корниловым, формировавшим на Юге России Добровольческую армию для борьбы с большевиками.

В платье сестры милосердия Бочкарева с подложными документами пробралась через Царицын в Новочеркасск, а оттуда по поручению Корнилова отправилась в США просить о помощи для борьбы против советской власти.

Она ступила на американскую землю 13 мая 1918 г. В русской эмигрантской прессе на первых полосах стали появляться заметки о ней. В интервью сотруднице газеты «Русский голос» Мария Леонтьевна, отвечая на вопрос о прошлой своей деятельности, сказала: «Я не хочу говорить о своей деятельности в России. Мне больно, тяжело говорить, вспоминать о созданном мною батальоне смерти. Таких батальонов по всей России было до 15, но они ничего не делали. Мой батальон активно участвовал в сражениях с немцами. Это было, в начале его расцвета. А затем... трусость обуяла большинство в батальоне».

О цели своего визита Бочкарева говорила как о «деле чрезвычайной важности». Перед Марией раскрылись двери домов высокопоставленных лиц. 31 мая она посетила Государственного секретаря Р. Лансинга и военного министра Н.Д. Бекера; затем состоялась встреча с президентом Вудро Вильсоном. Вот протокольная записка: «Среда, 10 июля 1918 года. В 4.30 прибыла миссис Дж. Гарримал с мадам Бочкаревой - командиром Женского батальона смерти... Бочкарева начала свой рассказ довольно сухо; внезапно перешла к описанию страданий русского народа, причем языком, подобным скачущей лошади. Она с трудом дожидалась перевода своих слов на английский. Выражение ее лица постоянно менялось. Вдруг она опустилась на колени и, протянув руки к президенту, стала умолять о помощи, о продовольствии, о присылке войск интервентов против большевиков. Сидевший с мокрыми

от слез щеками президент заверил ее в этом. В конце концов, короткая встреча в Белом доме завершилась к всеобщему облегчению». Когда Вудро Вильсон поинтересовался «кто прав и кто виноват в России, то я ему сказала, что я слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное положение», - вспоминала впоследствии сама Бочкарева. Прощаясь с Вильсоном, Мария Леонтьевна подарила ему свой священный оберег - иконку святой Анны, с которой не расставалась все трудные и опасные годы войны и революции, хранившую ее от многочисленных опасностей и бед.

В Америке Мария, нуждавшаяся в деньгах, согласилась за плату рассказать историю своей жизни, которую в июне 1918 г. записал американский журналист Исаак Дон Левин. Этот газетчик прекрасно говорил по-русски, поскольку был евреем-эмигрантом, родом из Минской губернии. Мария была малограмотной, но рассказывать умела живописно, с многочисленными подробностями. О некоторых важных моментах своей судьбы и службы она умолчала по разным причинам, кое-что украсила в духе модных авантюрных романов и «шедевров синемаатографа», и все же в целом повествование отличалось откровенностью. Ее 100-часовой рассказ журналист превратил в текст увлекательной книги, изданной на английском языке в 1919 г. под названием «Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы» одновременно в Нью-Йорке и Лондоне.

Последние известия о пребывании Бочкаревой в США датируются 17 июля 1918 г., когда она в ходе встречи с группой сенаторов вновь настойчиво призывала американских союзников отправить военную экспедицию в Россию.

После этого Мария Леонтьевна на военном транспортном судне отплыла в Англию. Ее попутчик - лейтенант пехотного полка позднее в своих мемуарах вспоминал: «Мадам Бочкарева прибыла с американскими солдатами на транспорте из Америки, а находясь на его борту, красноречиво и трогательно рассказывала солдатам о своей родине и о том, как священная непоколебимая верность союзническому делу, прозвучавшая в ее просьбе Вильсону, с настаиванием на отправке американских войск в помощь страдающей России убедила президента».

В августе 1918 г. Бочкарева жила на деньги английских суфражисток в Лондоне, где встретила с британским военным министром, а затем и с королем Георгом V. Позже она рассказала о своей встрече с британским монархом на допросе в Особом отделе ВЧК 5-й Красной армии.

«В половине августа 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии принимает меня на 5 минут, и я одела военную офицерскую форму, одела полученные мной в России ордена и со своим переводчиком Робинсоном поехала во дворец короля. Вошла в зал, и через несколько минут распахнулась дверь, и вышел король Англии. Он имел большое сходство с царем Николаем II. Я пошла навстречу королю. Он мне сказал, что он очень рад видеть вторую Жанну де Арк и как друг России приветствую Вас как женщину, которая многое сделала для России. Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии. Король предложил мне сесть, сел против меня. Король спросил, к какой партии я принадлежу и кому верю; я сказала, что я ни к какой не принадлежу, а верю только генералу Корнилову. Король мне сказал новость, что Корнилов убит; я сказала королю, что я не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю. Король мне сказал: «Вы русский офицер», я ему ответила, что да; король тогда сказал, что «Вам прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать». Я сказала королю Англии: «Слушаюсь!».

В Архангельск Мария Леонтьевна прибыла 27 августа 1918 г., а 29-го выступила на городском митинге. В воззвании, опубликованном 14 сентября, она призвала

северян присоединиться к отрядам Антанты для «спасения России от германского ига». В сентябре состоялась ее встреча с генерал-губернатором и командующим местными белыми войсками генералом В.В. Марушевским, предложившим ей организовать и возглавить мужскую «добровольческую ячейку». Но Яшка заявила, что «боевого дела» в гражданской войне на себя не принимает. Произошло бурное объяснение, в результате которого ее посадили на 7 суток под домашний арест.

Не получив ожидаемой поддержки в создании женских отрядов для продолжения войны против немцев, она уехала в Шенкурск, пытаясь привлечь к себе сторонниц из крестьянок. В донесениях офицеров из Шенкурского уезда отмечалось: «Крестьяне этой волости... о митингах Бочкаревой отзываются неодобрительно и говорят, что если она явится вторично, то ее убьют». Спустя некоторое время Мария появилась в союзническом штабе в Шенкурске. Американские и британские офицеры, вспоминая о тех встречах, отзывались о ней нелестно: она курила «пачками сигареты», жевала табак, докучала, показывала всем свои шрамы от ранений, и «напивалась не меньше мужика».

В ноябре 1918 г. Бочкарева добилась аудиенции у командующего вооруженными силами союзников на Севере генерала У.Э. Айронсайда. Со слезами на глазах она рассказала ему, что Временное правительство Северной области отвернулось от нее. Не умея толком читать и писать, она не может даже обратиться за помощью. Британский генерал посочувствовал романтической даме с «поседевшими волосами, выглядевшей старше своего возраста», чье «широкое безобразное рябое лицо и коренастая фигура выдавали восточное происхождение», и... направил ее обратно в Архангельск.

Действительно, за годы на фронте Мария погрузнела, голос огрубел, лицо обветрилось и потемнело, волосы преждевременно поседели, она выглядела гораздо старше своих 30 лет. Но, готовая принести в жертву Родине свою жизнь, эта женщина никогда не жалела об утерянной женственности.

В Архангельске Марушевский, при новой встрече с Бочкаревой 27 декабря 1918 г., приказал «немедленно снять военную форму с этой женщины». Возмущенная Мария Леонтьевна после этого обратилась с жалобой к новому генерал-губернатору и главе Временного правительства Северной области Е.К. Миллеру, а в апреле 1919 г. это правительство постановило выдавать ей ежемесячно 750 руб. вплоть «до выезда в Сибирь».

В июле 1919 г. Северным правительством была снаряжена морская экспедиция капитана 1-го ранга Б.А. Вилькицкого в Карское море. Генерал-губернатор приказал предоставить Бочкаревой бесплатный проезд на пароходе до Оби и выдать денежные средства. 10 августа Яшка покинула Архангельск на пароходе «Колгуев». Уже при подходе к Томску экспедиция встретила с кораблем, на борту которого находился британский офицер, знавший Марию с 1917 г. В его воспоминаниях сохранились строки об этой встрече: «Фактическим руководителем русской экспедиции был военно-морской офицер Котельников, прибывший сюда раньше нас... С ним была известная Яшка Бочкарева - полная энергичная женщина, организатор Женского батальона смерти, в отличие от остальных сохранившая в себе прекрасное настроение и бодрость духа, готовая на любую работу».

19 октября экспедиция прибыла в Томск. Застав своих родителей в бедственном положении, Бочкарева решила поехать к адмиралу А.В. Колчаку, чтобы просить отставку и пенсию. 10 ноября в Омске состоялась ее встреча с Верховным правителем России. Мария так рассказала о ней: «Я вошла в кабинет Колчака и там увидела - Колчак вел разговор с генералом Голицыным - главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня и сказали, что обо мне много слышали и предложили сесть. Колчак стал мне

говорить: Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд (1-й женский добровольческий санитарный отряд им. поручика Бочкаревой). Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными, - нет. Я надеюсь, что Вы это сделаете. Я предложение Колчака приняла».

Бочкарева произнесла страстные речи в двух омских театрах и за два дня сформировала в Омске отряд из 200 человек, причисленный к добровольческой дружине Святого Креста и Зеленого знамени. Но вскоре Колчак под напором Красной армии покинул столицу «белой Сибири». Передав своих санитаров на службу в госпиталь, Мария, после безуспешной попытки вновь встретиться с адмиралом, возвратилась в Томск, где жила в Горшковском переулке, в доме № 20, в квартире № 8; на жизнь она зарабатывала, помогая своей сестре-портнихе шить шинели на заказ. Часто посещала храм и молилась.

Когда советская власть окончательно утвердилась в Томске, Мария Леонтьевна в декабре 1919 г. явилась к коменданту города, сдала ему револьвер и предложила свои услуги. Комендант от ее предложения отказался, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой до поры до времени. В Рождественскую ночь 1920 г. она была арестована прямо во время праздничной службы в храме и посажена в тюрьму, откуда в марте переведена в Красноярск. В заключении к окончательному протоколу ее допроса от 5 апреля 1920 г. следователь Поболотин отмечал, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана... Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника особого отдела ВЧК 5-й армии».

21 апреля 1920 г. было вынесено постановление: «Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву», но 15 мая это постановление было пересмотрено и принято новое решение: Бочкареву расстрелять. На обложке ее уголовного дела неизвестный чекист сделал отметку синим карандашом: «Исполнено пост. 16 мая»...

Через 70 с лишним лет, в 1992 г., осужденная чекистами Мария Леонтьевна Бочкарева была реабилитирована. Ныне на малой родине Марии Бочкаревой в городе Томске местные краеведы проводят чтения и конференции, посвященные своей легендарной землячке, выражают справедливое мнение о необходимости увековечить память патриотки, установив на доме № 20 по Горшковскому переулку, где она жила в 1919 г., мемориальную доску. Получит ли это предложение поддержку властей? Сомнительно. Но уже сегодня Марии Леонтьевне Бочкаревой посвящены десятки научных статей и публицистических очерков. В 2001 г., наконец, увидела свет в русском издании написанная в США книга ее воспоминаний...

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

СЛОВО ОБ ИВАНЕ

Тихо и светло 23 августа - в день памяти Ивана Трифоновича Семоненкова. Я стою у кирпичной стены низкого двухквартирного дома по улице Н. Трофимова, на левом углу которого закреплена мемориальная доска с надписью «Русский писатель». До меня доносится скрежет и гул трамваев, шум проходящих автобусов и легковых автомобилей. Город живет своей обычной, повседневной жизнью. Город живет... А Ивана нет.

В памяти оживают события конца прошлого века: «застой», перестройка, распад Советского Союза... И на фоне этих событий вспоминается мне Иван: его светлые волосы, открытые чистые глаза. Роста среднего, коренаст, немного полноват, скромный и добрый. Он излучал добро и с ясной улыбкой обращался к людям.

Помнится, приехали мы с ним как-то в Сычевский детский дом, Смоленского района, в Алтайском предгорье. Литераторы в таких местах - редкие гости. Встретили нас ребята радостно. Мы им читали стихи, беседовали на разные темы. Дети тянулись к Ивану. А когда собрались уезжать, двое ребят просили, чтобы мы их забрали с собой. В детском доме им не хватало родительского тепла, ласки... С особой заботливостью относился Иван к своим детям Володе и Ольге. Однажды возвращались мы из Сrostок с Шукшинских чтений на моем стареньком «москвиче». Я веду машину, Иван с Олей расположились на заднем сидении. В дороге Олю укачало, и она припала к его груди, уснула. Трифонович поправил ее челку, бережно приобнял рукой за плечи, так и доехали до дома.

А как был рад Иван, когда к нему приехала дочь от первого брака Евгения с двумя его внучками Светой и Оксаной. В Бийск Женя приехала на постоянное место жительства, случайно, узнав по публикациям о своем отце, и пришла к нему прямо на работу. До этого она жила в Зональном районе, где родился и сам Иван Трифонович. В Буланихе он окончил среднюю школу, отсюда ушел служить в армию, успев до призыва жениться на своей однокласснице Галине. Но семейная жизнь не сложилась, Женя родилась уже без него. Молодая мать не стала ждать солдата, вышла замуж за другого парня. В письме сообщила о рождении дочери, и что она счастлива. Иван не отчаялся, не ожесточился...

После службы он пошел работать в совхоз разнорабочим, трактористом, штурвальным на комбайне. В это время у него появилась тяга к творчеству, и он начал писать стихи, в которых пытался передать красоту и гармонию природы, размеренный ритм крестьянского труда и быта. Размышляя о жизни, о человеческой судьбе, обо всем, что его окружало, проходило через его сердце, он сделал вывод, что ему необходим творческий круг общения, чтобы выразить себя в слове и развиваться как поэту. Поэтому, однажды осенью, после завершения страды, заработав немного денег, он уехал в Бийск.

В городе устроился мотористом на завод крупнопанельного домостроения. Там Иван работал на бетонно-растворном узле, пневмонасосами подавал цемент в бетономешалки. Трубы, по которым шел цемент, часто забивались, и их постоянно приходилось простукивать кувалдой, а в морозные дни отогревать факелами. Цемент-

ную пыль крутило так, что и респираторы не помогали, дышать было тяжело. Но и в таких условиях он находил время и силы, чтобы читать и писать. Читал он много, занимался самообразованием. Изучал классику, увлекался историей, философией, размышлял над текстами Библии. В коллективе его уважали, а он охотно делился своими знаниями с товарищами по работе.

В 1968 году Иван Трифонович вступил в старейшее городское литературное объединение «Парус». Там он познакомился и подружился с Д. Шарабариным, М. Анохиным, Г. Рябченко, В. Фединым, Ю. Пушкаревым, В. Тимохеевой, Л. Козловой, С. Филатовым и другими бийскими писателями. В долгие зимние вечера они обсуждали свои новые произведения, читали, рассуждали о поэтическом мастерстве.

Стихи Семоненкова стали появляться в ведомственной газете «Домостроитель» и городской газете «Бийский рабочий». В поэзии Семоненков придерживался традиций классических. Знал хорошо творчество А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, А.А. Ахматовой. В те 1980-1990 гг. мы много ездили по краю, встречались с читателями в библиотеках, школах, в трудовых коллективах, и всегда находили живой отклик со стороны слушателей. Тогда же Иван Трифонович вместе с Сергеем Филатовым организовали молодежную литературную студию из выпускников школ и училищ, подтягивали к творчеству талантливых молодых ребят и девчат. Многие из тех молодых ныне стали известными поэтами в крае.

В те годы я часто беседовал с ним о значении поэзии в наши дни, о ее гражданской и социальной направленности. Время было такое, нас всех тогда эта тема волновала, задевала за живое. Иван считал, что с развитием научно-технического прогресса поэзия, к сожалению, постепенно, но неизбежно будет уходить из общественной жизни, человеческие души будут мельчать и дичать. Будущее виделось ему в довольно мрачных тонах... При этом был он человеком порядочным и совестливым, и уверен был, что безнравственный человек не может быть хорошим писателем. «Нет школ никаких, только совесть да кем-то завещанный дар», - любил он цитировать эту строку В. Соколова. Случалось, что мы крепко спорили о жизни, которая на наших глазах менялась не в лучшую сторону. Шел полный развал всего. Заводы и фабрики останавливались, села исчезали, поля зарастали чертополохом и бурьяном. Правители менялись один за другим, но страна при этом неуклонно катилась к своему крушению. Исчезла не только хоть какая-то справедливость, пропала даже надежда на нее. В такой обстановке стихи более не писались, и Иван перешел на прозу, которая сразу же оказалась удивительно глубокой по мысли и зрелой по мастерству исполнения. Годы упорного труда писателя дали свои плоды.

В текстах романов, повестей и рассказов Ивана всегда зримо и весомо присутствовал человек, озаренный внутренним светом, творец своей судьбы. Герои его произведений жили рядом с ним - рабочие завода, его земляки-селяне, с которыми он никогда не терял живой связи.

Одним из самых драматичных произведений Семоненкова является его «Пустынь земная». Он работал над этой вещью около восьми лет. Пустынь - так в старину называли монастырь в малолюдной местности. Это место, где монахи, удаляясь от суеты сует, думают о Боге и о душе. Но у семоненковской повести название имеет скорее отрицательный знак. Здесь люди обречены на прозябание в провинциальной глуши. Поселок Ковыли, где происходят события повести, с миром поддерживает связь только через случайных людей. Нет здесь ни больницы, ни магазина, ни школы. Нет и храма. Многие пьют, забыв о душе. Глубоко символична центральная сцена, где тракторист Семен пытается раздавить трактором свою жену Людку, за то что она не дала ему денег на водку. Но и в этом тихом аду есть проблеск добра, светлая личность бывшего крестьянина, а теперь рабочего городской обувной фабрики, Тимофея Шубина. Тимофей, находясь на излечении от алкоголизма в психиатрической

больнице, встретил там душевнобольного человека, который поведал ему о душе. Это произвело на него такое впечатление, что он со временем бросил пить.

Доцент Бийского пединститута Лидия Ивановна Муравинская в свое время отметила, что семоненковская «Пустынь земная» по силе восприятия стоит рядом со знаменитой повестью В. Распутина «Прощание с Матерой». Эта повесть в 1991 г. была опубликована в журнале «Алтай», а автора за нее наградили премией имени В.М. Шукшина.

Еще одной удачей Ивана стала повесть «Тоска, брат, тоска!» И в ней нет счастливой развязки. Герой повести Вячеслав, вернувшись из города, где у него случались одни неприятности, думал в деревенской обстановке забыть о жизненных передрягах, отдохнуть душой. Но он приходит к грустному выводу: люди, которые живут в деревне Озерки, так же несчастны, как и горожане. Нет у них ни миру, ни ладу. Вячеслав, понимая это, уходит из деревни от своей тетушки Натальюшки за несколько часов до ее смерти. Натальюшка же погибает от руки бывшего охранника лагеря, в котором сгинул ее муж, позже реабилитированный. Перед смертью она говорит: «Мы за сегодняшний день покаяться не хотим. А то время судить не теперешним - хватило бы у них совести за свое ответить...» Обе повести пронизаны трагической судьбой ее героев.

Кроме двух названных, Семоненков написал повести: «В начале слова», «Измерить время», «Из смерти привет», «Февральская зямять», «Голубой котенок». Последняя работа автора была отмечена литературной премией Славянского общества.

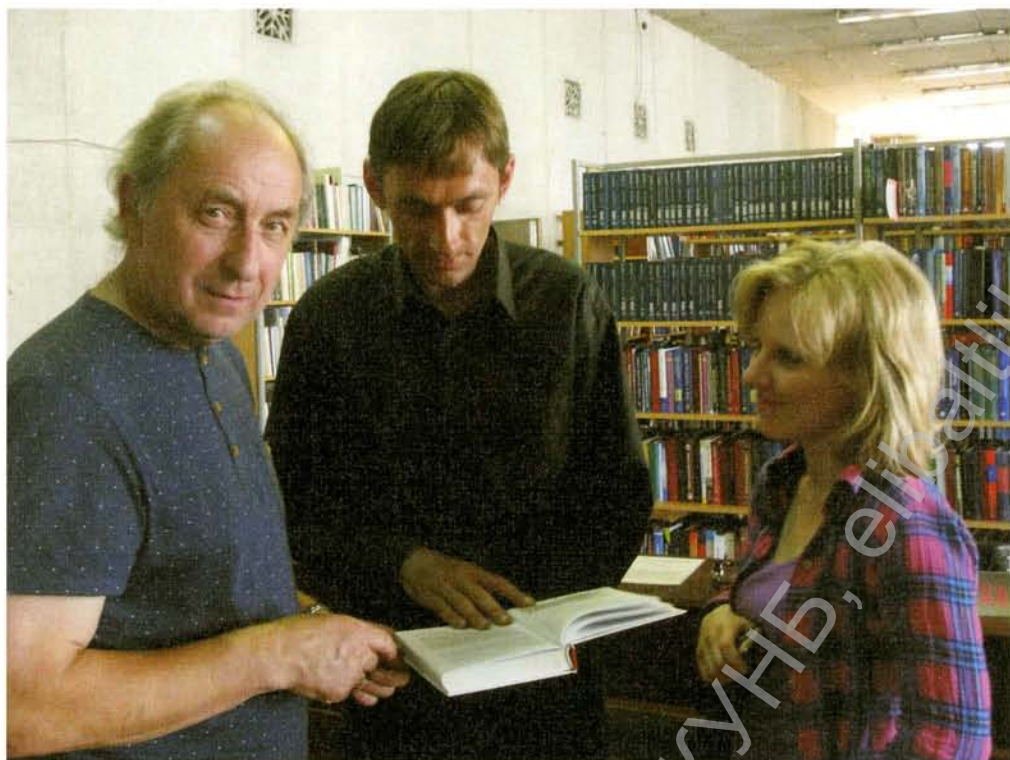
Я не раз спрашивал Ивана: где он берет силы для творческой работы? Он объяснял: «Знаешь, конечно, устаю, порой нет сил сесть за письменный стол после трудового дня на производстве, а, с другой стороны, без завода я уже не мыслю своей жизни. Для творчества мне необходимо общение с людьми, да и писательским трудом не проживешь. Поэтому работаю по ночам, когда дом и город затихают». Кроме того, он работал литконсультантом, занимался редактированием литературных страниц в «Бийском рабочем», в альманахе «Бийск». Редактировал чужие рукописи, вел переписку с начинающими литераторами.

Была у него одна слабость - Иван любил выпить, что, в конце концов, и привело его к трагическому концу в августе 1998 года. В одном из своих писем он признавался: «Мне бы только пустоту преодолеть, закончить повесть, только боюсь, снова отодвинутся сроки. Хочется бросить этот ужасный город и забраться в какую-нибудь глушь». «Много зла, горя и слез на земле... Снова начались приступы головных и сердечных болей, все чаще «штормит»... К осени придется идти в больницу. Но и больница не поможет. Я знаю свой диагноз и не боюсь. Только обидно...».

Не складывалась у него и семейная жизнь. Об этом он писал так: «В Новый год я пожелал супруге и дочери единственного - понимать и уважать друг друга. Без этого не будет ни здоровья, ни счастья, ни покоя... Супруга косо посмотрела на меня, дочь ушла к подруге встречать Новый год, веселиться... Навалилась тоска зеленая!..» «Иногда я чувствую, как бесповоротно схожу с ума. Я пью не потому, что мне хочется пить, а потому, что - жить невыносимо...»

После смерти Ивана на средства литературного объединения «Парус» была опубликована книга его стихов «Откликнутся дали»...

На протяжении неполных 52-х лет, отмерянных ему судьбой, он искал и описывал в строках своих произведений правду жизни. Не на все вопросы, которые он перед собой ставил, Иван смог найти ответы, но он всегда говорил правду, призывал читателей думать и сострадать. Как бы там ни было, Иван Семоненков, безусловно, занял свое достойное место в первых рядах алтайских литераторов. Он будет жить всегда в памяти его друзей и читателей.

*Первый секретарь правления Союза писателей России Г. Иванов
и молодые поэты Алтая И. Образцов и Е. Клинк*

*Директор Алтайского дома литераторов Ю. Нифонтова,
ответсекретарь Алтайской краевой писательской организации А. Кирилин,
ответсекретарь Кемеровской писательской организации Б. Бурмистров*

